

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

39 2026
ЧАСТЬ IV

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 39 (642) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Конфуций (около 551 г. до н. э. — 479 г. до н. э.), древний китайский мыслитель и философ.

Родился Конфуций около 551 года до нашей эры в царстве Лу. Отец Конфуция Шулян Хэ был храбрым воином из знатного княжеского рода Кун. В первом браке у него родилось девять дочерей, а наследника не было. Во втором браке столь долгожданный мальчик родился, но, к несчастью, был калекой. Тогда в возрасте 63 лет он решился на третий брак, и его женой согласилась стать молодая девушка из рода Янь. Видения, которые посещали ее после свадьбы, предвещали появление великого человека.

Рождению ребенка сопутствовало множество чудесных обстоятельств. По легенде, незадолго до рождения Конфуция его матери, Янь Чжэнцзай, явилось мифическое существо — цилинь (единорог). Оно держало в пасти нефритовую пластину, на которой было начертано пророчество о том, что младенец станет «царем без трона», который спасет приходящую в упадок династию Чжоу. Конфуций родился с заметной впадиной на темени. Согласно китайской физиогномике, такие особенности строения черепа указывали на выдающийся интеллект и связь с высшими силами. Так появился на свет Кун-фу-цзы, или Учитель из рода Кун, известный на Западе под именем Конфуция. Отец Конфуция умер, когда мальчику было три года, и молодая мать вместе с маленьким сыном была вынуждена покинуть дом мужа из-за неприязни старших жен и поселиться в бедности в Цюйфу. Она посвятила свою жизнь воспитанию сына.

Маленький Конфуций был далек от игр, свойственных мальчикам его возраста; главным его развлечением стали беседы с мудрецами и старцами. В возрасте семи лет его отдали в школу, где обязательным было освоение шести умений: выполнять ритуалы, слушать музыку, стрелять из лука, управлять колесницей, писать и считать.

Конфуций родился с потрясающей восприимчивостью к учению, живой ум заставлял его читать и, самое главное, усваивать все знания, изложенные в классических книгах той эпохи, поэтому впоследствии о нем говорили: «Он не имел учителей, но лишь учеников». При окончании школы Конфуций один из всех учащихся сдал сложнейшие экзамены со стопроцентным результатом. В 17 лет он уже занимал должность государственного чиновника, хранителя амбаров. «Мои счета должны быть верны — вот единственное, о чем я должен заботиться», — говорил Конфуций. Позже в его ведение поступил и скот царства Лу. «Быки и овцы должны быть хорошо откормлены — вот моя забота», — таковы были слова мудреца. «Не беспокойся о том, что не занимаешь высокого поста. Беспокойся о том, хорошо ли служишь на том месте, где находишься».

Одним из кульминационных моментов в его жизни стало приглашение благородного правителя посетить сто-

лицу Поднебесной. Это путешествие позволило Конфуцию в полной мере осознать себя наследником и хранителем древней традиции (таким считали его и многие современники). Он решил создать школу, основанную на традиционных учениях. Конфуций хотел видеть своих учеников «целостными людьми», полезными государству и обществу, поэтому учил их различным областям знания, основанным на разных канонах.

Слава о нем распространилась далеко за пределы соседних царств. Вскоре он занял пост министра правосудия — в те времена самую ответственную должность в государстве.

Он сделал так много для своей страны, что соседи стали опасаться быстрого развития государства усилиями одной личности. Клевета и наветы привели к тому, что правитель Лу перестал внимать советам Конфуция. Мудрец оставил свой высокий пост и отправился в путешествие по стране, наставляя правителей и нищих, князей и пахарей, молодых и стариков. Везде, где он проходил, его умоляли остаться, однако он неизменно отвечал: «Мой долг распространяется на всех людей без различия, ибо я считаю всех, кто населяет землю, членами одной семьи, в которой я должен исполнять священную миссию наставника».

Для Конфуция знание и добродетель были неразделимы, и поэтому жизнь в соответствии со своими философскими убеждениями являлась неотъемлемой частью самого его учения. Философия была для него не моделью идей, выставляемых для человеческого осознания, но системой заповедей, неотъемлемых от поведения философа.

Конфуций не любил говорить о себе и весь свой жизненный путь описал в нескольких строчках: «В 15 лет я обратил свои помыслы к учению. В 30 лет я обрел прочную основу. В 40 лет я сумел освободиться от сомнений. В 50 лет я познал волю Неба. В 60 лет я научился отличать правду от лжи. В 70 лет я стал следовать зову моего сердца и не нарушал ритуала».

Умер мудрец в 479 году до нашей эры; свою смерть он предсказал ученикам заранее. Однажды ранним утром Конфуций проснулся и направился к двери, напевая: «Большая гора должна разрушиться, сильное течение должно пресечься, мудрый человек должен завянуть, как растение». Один из учеников, услышав пение, появился перед ним. Учитель рассказал ему сон, который, по его мнению, предвещает скорую смерть. Затем он посветовал: «Не нашлось ни одного умного правителя, который захотел бы стать моим учеником. Пора мне умереть».

Он слег в постель и через неделю тихо скончался. Говорят, что его последними словами было: «Кто после моей смерти возьмет на себя труд продолжать мое учение?»

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Савина Л. А.

Проблемы квалификации неисполнения
родительских обязанностей: коллизии
правовых норм 205

Сайпудинов Д. С.

Ордер и доверенность адвоката
в гражданском процессе: вопросы
разграничения полномочий 208

Самойлин В. А.

К вопросу о понятии правовой защиты 211

Самчук А. И.

Хроматографические методы в судебно-
экспертном анализе нефтепродуктов:
современное состояние и перспективы 212

Свенский А. В.

Теоретико-правовые основы защиты
культуры и исторической памяти в системе
национальной безопасности 214

Сидорова А. М.

Проблемы правоприменительной практики
в сфере регулирования имущественных
правоотношений супругов и перспективы
развития законодательства 216

Смирнов Е. Н.

Оспаривание брачного договора
участника хозяйственного общества
по иску корпорации: проблемы правовой
квалификации и практика разрешения 219

Смирнов Е. Н.

Увеличение уставного капитала ООО
в период бракоразводного процесса:
основания для признания сделки
недействительной 222

Смирнова П. А.

Правовые механизмы реализации
преддоговорных отношений с участием
корпораций 225

Смирнова П. А.

Преддоговорная ответственность
корпораций: основания и объем
возмещаемых убытков 229

Тарасова Д. А.

Корпоративное одобрение сделок,
заключаемых посредством смарт-
контрактов 232

Уткин А. В.

Особенности договора поставки для
государственных и муниципальных нужд 233

Федченко С. С.

Розыск военнослужащих, скрывающихся
от органов дознания, следствия и суда:
теоретико-правовые основы и проблемы
правоприменения 236

Хазирова А. А.

К вопросу о правовых аспектах
регулирования трудоустройства инвалидов
в Российской Федерации 239

Чернова Е. С.

Значение очередного заседания участников
общества с ограниченной ответственностью ... 241

Чечкина П. О.

Корпоративный договор как элемент
частноправового регулирования 243

Чикомазова Д. Е.

Маркировка ИИ-контента: нужна ли
обязательная метка для профилактики
кибербуллинга среди молодежи? 245

Шиловских А. Н.

Конкуренция исков в цивилистическом
процессе: понятие, истоки и сущность 247

Шубин В. Н.

Роль аппарата Национального
антитеррористического комитета во главе
с Директором ФСБ России в координации
единой системы публичной власти
при противодействии терроризму 248

Яров М. К.

Использование примирительных процедур
на стадии подготовки дела к судебному
разбирательству: правовые возможности
и практические ограничения 251

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

Волков П. А.

Фридайвинг как вид спорта для внутреннего
баланса и самоконтроля 255

Волков П. А.

История Олимпийских игр: от античных
истоков до современного олимпийского
движения..... 261

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Левина А. А.

Versus Battle: от субкультуры к индустрии
развлечений..... 267

Хомко С. В.

Социальное партнёрство учреждений
культуры и учреждений образования
как инструмент реализации культурно-
просветительских проектов для молодёжи 270

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА

Маркосян Ш. С.

Функционирование «армянского текста»
в лирическом цикле О. Э. Мандельштама
«Армения» 273

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Проблемы квалификации неисполнения родительских обязанностей: коллизии правовых норм

Савина Любовь Андреевна, студент
Российский новый университет (г. Москва)

Статья посвящена проблемам привлечения к юридической ответственности родителей за ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию детей. Ключевую роль в разграничении административных и уголовных составов играет оценочная категория «жестокое обращение», неоднозначная интерпретация которой порождает существенные правоприменительные затруднения — данный вывод сформулирован на основе изучения материалов судебной практики и специальной литературы. Нормативную базу разграничения указанных видов противоправного поведения образуют статья 156 УК РФ и статья 5.35 КоАП РФ, содержательный анализ которых позволяет установить критерии отграничения уголовно наказуемых деяний от административных правонарушений.

Ключевые слова: родительские обязанности, воспитание детей, административная ответственность, уголовная ответственность, статья 156 УК РФ, статья 5.35 КоАП РФ, судебная практика, квалификация преступлений, юридическая ответственность, несовершеннолетние, жестокое обращение.

Issues in classifying the failure to fulfill parental duties: conflicts of legal norms

The article is devoted to the problems of holding parents legally liable for improperly fulfilling their duties in raising children. The key role in distinguishing between administrative and criminal offenses is played by the evaluative category of “cruel treatment,” the ambiguous interpretation of which gives rise to significant difficulties in law enforcement — this conclusion is formulated based on an analysis of judicial practice materials and specialized literature. The regulatory framework for distinguishing between these types of unlawful behavior is formed by Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 5.35 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation; a substantive analysis of these provisions makes it possible to establish the criteria for distinguishing criminally punishable acts from administrative offenses.

Keywords: parental responsibilities, parenting, administrative responsibility, criminal liability, Article 156 of the Criminal Code, Article 5.35 of the Administrative Code, judicial practice, qualification of crimes, legal responsibility, minors, abuse.

Семья является той первичной средой, где ребёнок впервые сталкивается с социальными нормами, усваивает ценностные ориентиры и модели поведения, принятые в ближайшем окружении — именно отсюда берёт начало процесс становления личности. Государство и общество несут ответственность за создание благоприятных условий, способствующих полноценному развитию детей во всех его проявлениях — физическом, интеллектуальном, психическом, духовном и нравственном. Не случайно в Российской Федерации в период с 2018 по 2027 год получил особый статус и был провозглашён «Десятилетием детства» [3], что подчёркивает исключительную значимость этого жизненного периода как фундамента для формирования полноценной и гармоничной личности человека.

Воспитание детей и обеспечение их благополучия во многом определяется условиями семейной среды, поскольку именно семья занимает центральное место среди всех существующих социальных институтов. Российское законодательство, в частности Конституция и нормы семейного права, закрепляет за матерью и отцом одинаковый объём родительских прав и обязательств. Вместе с тем действующая правовая база имеет существенные пробелы: законодатель не сформулировал чёткого понятия родительских прав и обязанностей, не конкретизировал перечень правомочий, которыми располагают родители, а механизмы привлечения к ответственности за ненадлежащее исполнение воспитательных функций по-прежнему остаются размытыми, хотя данная проблематика активно обсуждается как в обществе, так и в юри-

дическом сообществе. Главной причиной слабой проработанности вопросов родительской ответственности в современном семейном праве России следует считать отсутствие реально работающих правовых инструментов, способных надёжно защитить интересы и права несовершеннолетних.

Следует отметить, что права детей всё чаще оказываются под угрозой, а институт семьи переживает глубокий кризис — во многом потому, что нормативно-правовая база в сфере семейных отношений не способна утнаться за динамично меняющейся социальной и экономической реальностью. Доктор юридических наук Д. А. Липинский в одном из своих научных исследований высказывал мнение, что «семейное право есть, а семейно-правовой ответственности нет» [5], но при этом отмечал, что «любая самостоятельная отрасль права должна иметь собственный институт ответственности» [5]. А. М. Нечаева, напротив, считала, что ответственность — это «не «иное» тело» в семейно-правовых отношениях, а работающий, приходящий в действие в необходимых случаях элемент семейно-правового регулирования» [6].

В условиях современной действительности вопросы, связанные с насилием в отношении несовершеннолетних, остаются крайне острыми, а недостаточная урегулированность данной сферы порождает многочисленные конфликты и жалобы со стороны граждан. Между тем надлежащее соблюдение законодательных норм, устанавливающих ответственность за ненадлежащее исполнение родительских обязанностей, способно обеспечить реальную защиту детских прав и существенно снизить риски противоправного обращения с детьми. Именно поэтому корректное практическое применение соответствующих правовых механизмов приобретает сегодня принципиальное значение. Согласно точки зрения А. А. Шубакина, «коллизии норм права ведет к неверной квалификации деяний, низкой эффективности карательных мер и необоснованному применению менее суровых наказаний» [8].

В настоящее время нарушение родительских обязательств относительно воспитания несовершеннолетних влечет за собой как уголовное преследование согласно статье 156 Уголовного кодекса Российской Федерации [1], так и применение мер административной ответственности на основании статьи 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [2]. Между этими нормами часто возникает коллизия, обусловленная схожестью формулировок диспозиций статей, что требует четкого различения составов указанных нарушений закона.

Суть коллизии, по нашему мнению, заключается в том, что в ст. 156 УК РФ и в ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ предусматривается ответственность, по сути, за одно и то же противоправное деяние — неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Разграничение между указанными нормами происходит лишь по одному признаку — жестокое обра-

щение, то есть при наличии данного признака ответственность наступает в соответствии со ст. 156 УК РФ, в случае отсутствия признака жестокого обращения виновное лицо привлекается к ответственности в рамках административного правового поля. Однако, несмотря на наличие разграничивающего признака, на законодательном уровне понятие «жестокое обращение» не закреплено, что приводит к отсутствию единого толкования данного определения со стороны правоприменителей.

Рассмотрим дополнительные критерии разграничения составов по ст. 5.35 КоАП РФ и ст. 156 УК РФ. Итак, первый критерий — это деяние. Что в КоАП РФ и в УК РФ, как было указано выше, ответственность наступает за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, но в УК РФ дополнительный критерий — жестокое обращение. Второй критерий — субъект противоправного деяния. В случае с административным кодексом, в качестве субъекта рассматриваемого правонарушения выступают родители или иные законные представители. Что касается положений Уголовного кодекса — то в данном нормативно-правовом акте субъектами преступлений, предусмотренных ст. 156, являются помимо родителей и законных представителей еще и педагогические и другие работники образовательной организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанных осуществлять надзор за несовершеннолетним.

Третьим критерием разграничения составов по ст. 5.35 КоАП РФ и ст. 156 УК РФ является форма вины. Так, в случае административного правонарушения — то данное деяние совершается с умыслом или по неосторожности. Однако, в случае уголовного преступления виновное лицо совершает данное деяние только с прямым умыслом. Четвертым критерием является сама уголовная ответственность. По сравнению с КоАП РФ, в УК РФ предусмотрена более жесткая ответственность, как и за другие противоправные деяния. Так, за административное правонарушение по ст. 5.35 КоАП РФ ответственность наступает в виде предупреждения, штрафа в размере от 50 000 руб. — 500 000 руб., либо административного ареста на срок до пяти суток. За преступления, предусмотренные ст. 156 УК РФ, уголовная ответственность наступает в виде штрафа в размере до ста тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо обязательных работ на срок до четырехсот сорока часов, либо исправительных работ на срок до двух лет, либо принудительных работ на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового, либо в виде лишения свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового.

Итак, анализируя сравнительный анализ критериев разграничения составов по ст. 5.35 КоАП РФ и ст. 156

УК РФ, то мы видим достаточное количество признаков уголовного преступления и административного правонарушения, однако судебная практика свидетельствует о незначительном правовом регулировании такого разграничения. Так, например, в Сахалинской области учительницу географии привлекли к уголовной ответственности по ст. 156 УК РФ за то, что она на протяжении нескольких месяцев повышала голос на ученика, высказывала оскорбительные слова и прижала стулом. Апелляционный суд и Девятый кассационный суд оставили приговор без изменений. Однако, Верховный Суд отменил приговор с признанием права на реабилитацию. В качестве аргумент Суд привел следующее: не доказан умысел конкретно на причинение психических страданий, отсутствует заключение судебно-психиатрической экспертизы о наличии или отсутствии нравственных и психических страданий, отсутствуют достоверные доказательства причинения вреда физическому здоровью. Также Суд уточнил, что педагог действовала исключительно в целях поддержания дисциплины и единичный случай не подтверждает жестокого обращения с несовершеннолетним [9].

В другом случае также сначала осудили мать по ст. 156 УК РФ, однако в дальнейшем Кассационный суд отменил приговор, так как мировой судья не определил деяние именно как жестокое обращение. По мнению защиты, мировой судья приравнивал административное правонарушение к уголовному преступлению. Кассационный суд согласился с защитой и определил, что признание матери виновной по ст. 156 УК РФ была преждевременным [10].

Итак, анализ судебной практики показывает, что зачастую суды ошибочно обычное ненадлежащее воспитание несовершеннолетних определяют как жестокое обращение. В доктрине данному вопросу также уделено внимание. Так, В. В. Семенова и Р. А. Рамазанов в своем научном исследовании определяют, что при разграничении ст. 5.35 КоАП РФ и ст. 156 УК РФ «сложности обусловлены отсутствием единообразного подхода к пониманию оценочного признака, «соединенного с жестоким обращением» [7].».

Таким образом, в связи с выявленными пробелами в части установления критерия «жестокое обращение» при неисполнении или ненадлежащем исполнении обя-

занностей по воспитанию несовершеннолетнего мы считаем, что под неисполнением или ненадлежащим исполнением обязанностей, соединенных с жестоким обращением, понимать систему действий (бездействия), выражающихся как в полном отказе от выполнения установленных обязанностей, так и в таком их выполнении, которое не обеспечивает достижение целей воспитания и обусловлено деянием, способным причинить вред физическому или психическому здоровью ребенка, и (или) нравственному развитию. Также в ст. 156 УК РФ следует закрепить понятие «жестокое обращение с несовершеннолетними». Итак, предлагаемое определение следует изложить в следующей редакции:

«Жестокое обращение с несовершеннолетними — это систематические действия или бездействие в отношении несовершеннолетних лиц, в результате которых причиняется вред их психическому и (или) физическому здоровью, нравственному развитию».

В заключении исследования отметим, что обеспечение благополучия семьи невозможно без формирования у родителей осознанного и ответственного подхода к воспитанию детей — именно эта задача закреплена в качестве одного из ключевых ориентиров Стратегии «Десятилетие детства» [4]. Достижение данной цели предполагает совершенствование существующих инструментов защиты прав и интересов несовершеннолетних. Особую роль в этом процессе играет выработка единых подходов к применению мер уголовной и административной ответственности в случаях ненадлежащего выполнения родительских обязанностей. С учётом изложенного представляется необходимым уточнить содержание понятия ненадлежащего исполнения обязанностей по воспитанию, сопряжённого с жестоким обращением с ребёнком. Под таковым следует понимать совокупность действий либо бездействия, которые либо полностью исключают выполнение возложенных на лицо обязанностей, либо сводят его к такому уровню, при котором цели воспитания заведомо не достигаются. При этом обязательным признаком подобного поведения выступает совершение деяния, несущего реальную угрозу причинения вреда физическому здоровью, психическому состоянию или нравственному развитию несовершеннолетнего.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996 г. № 25. Ст. 2954.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002 г. № 1 (часть I). Ст. 1
3. Указ Президента РФ от 17.05.2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2023. 22 мая. № 21. Ст. 3696.
4. Распоряжение Правительства РФ от 23 января 2021 г. № 122-р Об утверждении плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 г. // Собрание законодательства РФ. 2021. 1 февраля. № 5. Ст. 914.
5. Липинский Д. А. О некоторых проблемах системы юридической ответственности / Д. А. Липинский // Право и политика. — 2004. — № 12. — С. 22–30.

6. Нечаева А. М. Семейное право Российской Федерации: учебник. М.: Юрайт, 2019. 294 с.
7. Семенова В. В., Рамазанов Р. А. Механизм правовой защиты детей от неисполнения обязанностей по их воспитанию (ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ и ст. 156 УК РФ) // Журнал правовых и экономических исследований. № 3. 2025. С. 82–90
8. Шубакин А. А. Особенности юридической ответственности родителей за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних: проблемы квалификации / Юридические науки. № 5. 2026. С. 202–206.
9. Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 октября 2024 г. № 64-УД24-5-К9 Суд отменил судебные акты по делу о ненадлежащем исполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего педагогическим работником, соединенном с жестоким обращением с несовершеннолетним, поскольку действия осужденной не образуют состава уголовно-наказуемого деяния, в связи с чем состоявшиеся по делу судебные решения подлежат отмене, а производство по делу прекращению за отсутствием состава преступления с признанием права на реабилитацию // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/411257121/>
10. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26.10.2022 № 77-5030/2022 (УИД 64MS0109-01-2021-005216-23) // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=104515#vG1w8WVqKVOJU61r>

Ордер и доверенность адвоката в гражданском процессе: вопросы разграничения полномочий

Сайпудинов Джангиши Сайпудинович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Представленная статья посвящена разграничению ордера и доверенности как документов, подтверждающих полномочия адвоката в гражданском процессе.

В статье автором анализируются положения ч. 1 и 5 ст. 53, ст. 54 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) [1], а также п. 2 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее — Закон № 63-ФЗ) [2]. Обосновывается, что ордер подтверждает право адвоката на участие в деле и совершение общих процессуальных действий, тогда как доверенность необходима для реализации специальных полномочий, связанных с осуществлением комплекса так называемых «распорядительных действий». В статье подтверждается значимость доверенности, в частности для: обжалования судебных актов, заключения мирового соглашения, предъявления исполнительного документа и получения присужденного имущества.

В заключении автором обосновывается вывод о функциональном разграничении ордера как документа профессиональной легитимации адвоката и доверенности как формы непосредственного выражения воли доверителя.

Ключевые слова: адвокат, адвокатская деятельность, ордер, доверенность, гражданский процесс, судебное представительство, полномочия представителя, распорядительные действия, ГПК РФ.

Развитие профессионального представительства в гражданском судопроизводстве обусловлено необходимостью обеспечить квалифицированную судебную защиту.

Участие представителя, обладающего специальными юридическими знаниями и процессуальными навыками, способствует полному представлению доказательств, точной правовой квалификации обстоятельств дела и эффективному использованию процессуальных средств защиты. В конечном счете качество юридической помощи непосредственно влияет как на состязательность процесса, так и на результат разрешения гражданского дела [3].

На сегодняшний день представительство адвоката в гражданском процессе строится на сочетании исполь-

зования двух документов процессуального толка — ордера и доверенности, которые неразрывно связаны с категориями «правосубъектность» и «полномочия представителя». При этом важно отметить, что их сочетание на практике зачастую приводит к процессуальным ошибкам. Так, адвокат может быть допущен к участию в деле, но не вправе осуществлять отдельные распорядительные действия без специально выраженной воли доверителя.

Согласно ч. 1 ст. 53 ГПК РФ полномочия представителя, по общему правилу, выражаются в доверенности, оформленной в установленном законом порядке. Однако ч. 5 той же статьи содержит специальное положение о том, что полномочия адвоката на ведение дела в суде удостоверяются ордером, выдаваемым соответствующим адво-

катским образованием. Тем самым процессуальный закон выделяет адвоката среди иных судебных представителей и допускает его к участию в процессе без предъявления доверенности.

Одновременно с этим п. 2 ст. 6 Закона № 63-ФЗ закрепляет иную конструкцию. Согласно названной норме, в случаях, которые прямо предусмотрены федеральным законом, адвокат действует в рамках выданного ордера. При этом в остальных случаях он представляет доверителя на основании доверенности. Закон также запрещает требовать от адвоката и доверителя предъявления соглашения об оказании юридической помощи для вступления представителя в дело. Таким образом, соглашение является основанием внутренних отношений адвоката и доверителя, но не процессуальным документом, удостоверяющим полномочия адвоката в суде.

На первый взгляд ч. 5 ст. 53 ГПК РФ и п. 2 ст. 6 Закона № 63-ФЗ образуют коллизию. Первая норма позволяет адвокату выступать в суде по ордеру, вторая — связывает применение ордера с прямым предписанием федерального закона. Однако противоречие устраняется системным толкованием норм исследуемых актов. Так, ГПК РФ как профильный процессуальный закон федерального уровня прямо предусматривает ордер для института адвокатского представительства. В связи с чем, ордер в гражданском процессе является достаточным документом для подтверждения общих полномочий адвоката, однако важно понимать, что он ни в коей степени не заменяет доверенность в части полномочий специального, распорядительного характера.

На следующем этапе исследования видится логичным определить функциональное различие таких значимых процессуальных документов как «ордер» и «доверенность».

Здесь сразу видится разумным отметить, что ордер выдается не доверителем, а адвокатским образованием либо адвокатской палатой. Он подтверждает профессиональный статус лица и факт принятия им поручения по конкретному делу, которое ведёт адвокат в суде. Его процессуальная функция состоит в легитимации адвоката как участника судебного разбирательства.

На основании ордера адвокат вправе знакомиться с материалами дела, представлять доказательства, участвовать в исследовании доказательств, давать объяснения, заявлять ходатайства и отводы, задавать вопросы лицам, участвующим в деле, и высказывать правовую позицию от имени доверителя (ч. 5 ст. 53 и ч. 1 ст. 35 ГПК РФ).

Доверенность имеет иную юридическую природу. Полномочия на ведение дела в гражданском процессе, фиксируемые в доверенности, исходят непосредственно от представляемого лица. В доверенности фиксируются пределы делегированной адвокату процессуальной воли доверителя. Иначе говоря, ордер удостоверяет профессиональную связь адвоката с поручением, тогда как доверенность выражает волеизъявление стороны на совершение действий, способных изменить ее матери-

ально-правовое или процессуальное положение в последующем.

Именно поэтому ст. 54 ГПК РФ устанавливает перечень действий, которые должны быть специально оговорены в доверенности. К ним относятся следующие действия представителя:

1. Подписание и предъявление искового заявления;
2. Передача спора в третейский суд;
3. Предъявление встречного иска;
4. Полный или частичный отказ от иска;
5. Уменьшение размера требований;
6. Признание иска;
7. Изменение предмета или основания иска;
8. Заключение мирового соглашения;
9. Передоверие;
10. Обжалование судебного постановления;
11. Предъявление исполнительного документа ко взысканию;

12. Получение присужденного имущества или денежных средств. Приведённый перечень процессуальных полномочий направлен на защиту автономии участника спора, поскольку перечисленные действия могут прекратить процесс, сузить объем притязаний или повлечь утрату имущества. Законодатель сознательно требует конкретизировать в доверенности полномочия, защищая непрофессионального участника процесса — доверителя.

Таким образом, можно заключить, что ордер дает адвокату право **выступать судебным представителем**, однако, не наделяет его правом распоряжаться спорным субъективным правом. Данное обстоятельство имеет принципиальное практическое значение, поскольку адвокат с ордером может подготовить проект мирового соглашения, разъяснить доверителю его последствия и поддержать ходатайство стороны, однако подписать соглашение либо заявить отказ от иска самостоятельно он не вправе. Для этого необходима доверенность с прямой формулировкой соответствующего полномочия.

Далее предлагается перейти к непосредственному анализу наиболее интересных подходов в научной доктрине, которые сформировались по вопросу разграничения категорий «ордер» и «доверенность» применительно к цивилистическому процессу.

Здесь сразу важно подчеркнуть, что на сегодняшний день в научной литературе преобладает позиция о принципиально различной правовой природе ордера и доверенности.

Так, например, В. Н. Ивакин связывает необходимость выдачи доверенности с осуществлением распорядительных действий, то есть действий по распоряжению процессуальными средствами защиты, прежде всего иском [4]. Такой подход соответствует охранительной функции ст. 54 ГПК РФ, в соответствии с которой суд должен видеть, что последствия отказа от иска или признания требований санкционированы именно доверителем, а не предполагаются из самого факта участия адвоката.

Е. Ф. Евсеев в своих исследованиях подчеркивает, что ордера недостаточно для наделения адвоката специаль-

ными полномочиями в гражданском и арбитражном процессе [5]. Данный вывод основан на буквальном содержании ст. 54 ГПК РФ. Так, в соответствии с названной нормой закон связывает специальные полномочия исключительно с их прямым указанием в доверенности. Подобный подход обоснован и с точки зрения юридической техники, поскольку ордер не содержит развернутого перечня порученных действий, а потому не способен достоверно отразить объем воли доверителя.

Д. Загайнов, в свою очередь, последовательно развивает тезис о приоритете ст. 54 ГПК РФ как специальной нормы. По мнению учёного, адвокат вправе действовать в гражданском процессе только на основании доверенности, если речь идет о совершении действий из перечня, закреплённого в рамках ст. 54 ГПК РФ. Исследователь также обоснованно делает акцент на том, что наличие ордера не компенсирует отсутствие соответствующей оговорки. Практическая ценность этой позиции состоит в том, что она исключает расширительное толкование адвокатского ордера [6].

При этом интересно, что ряд авторов аргументируют в своих научных трудах более радикальную позицию, в соответствии с которой ордер предлагается рассматривать как «квазидоверенность».

В частности, в цивилистической доктрине, высказывается мнение о том, что без доверенности трудно установить, в какой именно мере доверитель согласился на представительство, поскольку в ордере его воля непосредственно не выражена [7].

В подобной концепции использование ордера видится наиболее оправданной мерой при назначении адвоката или оказании бесплатной юридической помощи, когда получение доверенности затруднено либо объективно невозможно. Подобная доктринальная позиция заслуживает пристального внимания, однако, она ни в коей мере не отменяет действующей конструкции ч. 5 ст. 53 ГПК РФ, согласно которой законодатель все же признает ордер самостоятельным основанием для обычного участия адвоката в гражданском деле.

Позиция М. К. Треушникова о представительстве как процессуальной деятельности, совершаемой одним лицом от имени и в интересах другого, позволяет точнее определить ключевые отличия ордера и доверенности. Согласно позиции исследователя:

1. Общие полномочия обеспечивают участие представителя в доказывании и судебном состязании;
2. Специальные полномочия затрагивают сам объект распоряжения — иск, судебную защиту и результат исполнения решения.

В связи с чем, для первой группы достаточно подтверждения профессионального допуска, а для второй необходима непосредственная («персональная») воля доверителя [8].

Здесь также видится необходимым отметить, что в гражданском процессе суд не должен требовать одновременного предъявления от адвоката ордера и доверенности

как обязательного условия его допуска к ведению дела. Адвокат вправе представлять сторону только по доверенности, если ее содержание надлежащим образом подтверждает полномочия. Наличие статуса адвоката не лишает его права выбрать этот общий способ оформления представительства.

Ещё в п. 15 Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за 3 квартал 2003 года (по гражданским делам) (утв. постановлениями Президиума Верховного Суда РФ от 3 и 24 декабря 2003 г.) суд высшего звена прямо установил, что участие адвоката по доверенности без ордера само по себе не нарушает закон [9].

Вместе с тем оптимальной для сложного гражданского дела является комбинированная модель, которая может быть выражена следующим образом: ордер подтверждает адвокатский статус и связь с поручением, а доверенность закрепляет специальные полномочия.

В доверенности желательно не ограничиваться общей формулой «представлять интересы во всех судах», а воспроизводить конкретные полномочия из ст. 54 ГПК РФ.

Например, можно закрепить следующую формулировку: «вправе подписывать и предъявлять исковые заявления, изменять предмет или основание иска, уменьшать размер требований, заключать мировое соглашение, обжаловать судебные постановления, предъявлять исполнительный лист ко взысканию и получать присужденные денежные средства».

Подобная конкретизация имеет превентивный эффект. У суда нет основания для отказа в принятии процессуального документа, что в последующем снижает риск спора между доверителем и адвокатом о пределах конкретного процессуального поручения.

Подводя итог настоящей статьи, можно заключить, что ордер и доверенность не являются взаимозаменяемыми документами, хотя оба обеспечивают участие адвоката в гражданском судопроизводстве.

Ордер выполняет публично-процессуальную функцию, поскольку он удостоверяет, что перед судом действует адвокат, принявший поручение в рамках своей профильной деятельности — адвокатской деятельности.

Доверенность же имеет частноправовую и одновременно процессуальную функцию: она индивидуализирует волю доверителя и устанавливает пределы распоряжения его правом на судебную защиту.

Именно поэтому разграничение должно строиться не по формальному признаку наличия у представителя статуса адвоката, а по характеру совершаемого действия.

Если действие обслуживает участие в процессе и защиту позиции — достаточно ордера. Если оно способно изменить судьбу иска, прекратить спор, пересмотреть судебное решение или повлечь получение имущества, необходима специально оформленная доверенность.

Такая модель одновременно сохраняет гарантии профессиональной юридической помощи и исключает подмену воли доверителя усмотрением даже квалифицированного представителя.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // СЗ РФ. 18.11.2002 г. № 46. Ст. 4532.
2. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // СЗ РФ. 10.06.2002 г. № 23. Ст. 2102.
3. Гуляев О. Л. Требования к судебному представителю в рамках современного цивилистического судопроизводства // Новый юридический вестник. 2023. № 1 (40). С. 25–27.
4. Ивакин В. Н. Спорные вопросы оформления полномочий адвоката-представителя в гражданском процессе // Российская юстиция. 2007. № 6. Доступ из СПС «ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/5361846/> (дата обращения: 23.09.2026).
5. Евсеев Е. Ф. Ордер или доверенность? // ЭЖ-Юрист. 2009. № 23. Доступ из СПС «ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/5743532/> (дата обращения: 23.09.2026).
6. Загайнов Д. Доверенность, а не ордер // Новая адвокатская газета. 2017. № 16. Август. Доступ из СПС «ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/77710069/> (дата обращения: 23.09.2026).
7. Баулин О. В. Ордер или доверенность? // Официальный сайт: Zakon.ru. 21.07.2023 URL: https://zakon.ru/blog/2023/07/21/order_ili_doverennost (дата обращения: 24.09.2026).
8. Треушников М. К. Гражданский процесс: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Статут. 2014. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/treushnikov_mk_grazhdanskij_process_uchebnik/ (дата обращения: 24.09.2026).
9. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за 3 квартал 2003 года (по гражданским делам) (утв. постановлениями Президиума Верховного Суда РФ от 3 и 24 декабря 2003 г.) (с изменениями и дополнениями) // Доступ из СПС «ГАРАНТ». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12034018/> (дата обращения: 23.09.2026).

К вопросу о понятии правовой защиты

Самойлин Виталий Андреевич, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

Институт правовой защиты был предметом исследования в работах множества авторов.

И. А. Минникес полагает, что «правовая защита — основанная на нормах действующего законодательства, осуществляемая с помощью правовых средств деятельность государства, специально уполномоченного органа, должностного лица либо самого человека, направленная на защиту и охрану основных прав и свобод личности» [6]. Представление о правовой защите как деятельности, направленной на защиту и охрану основных прав и свобод личности коррелируется с понятием правовой защиты, данной С. С. Алексеевым и понимавшим ее как «государственно-принудительную деятельность, направленную на осуществление «восстановительных» задач, а именно на восстановление нарушенного права, обеспечение исполнения юридической обязанности» [1] и Н. С. Малеиным, считавшим, что «под защитой права понимается система юридических норм, направленных на предупреждение правонарушений и устранение их последствий» [5].

А. В. Амагыров считает, что «под правовой защитой (правовой охраной) в материально-правовом аспекте можно понимать совокупность установленных законом или нормами обычного права возможных мер и форм воздействия на лиц, посягающих или создающих угрозу

посягательства на права третьих лиц, а также иных гарантий, обеспечивающих нормальное существование общественных отношений» [2].

Л. Н. Завадская считает правовую защиту деятельностью определенных органов, направленную на восстановление нарушенных или оспариваемых субъективных прав, охраняемых законом интересов [7].

А. В. Стремоухов рассматривает правовую защиту не только как деятельность компетентных органов, направленную на устранение препятствий в реализации правового статуса личности, восстановлении нарушенных прав и обязанностей и наказании виновных за правонарушение, но и деятельность самого лица, то есть самозащиту прав [8].

В. П. Беляев делает вывод, что правовая защита «это нормативно закрепленная, осуществляемая с помощью правовых средств деятельность уполномоченных субъектов (государства, государственных органов, должностных лиц) либо непосредственно гражданина, имеющая целью охрану прав и свобод человека, обеспечение их соблюдения, применяемая в случае негативного воздействия на охраняемые объекты, права и свободы, а также при наличии реальной угрозы их нарушения» [3].

С. Г. Гончарова характеризует правовую защиту не как пассивную гарантию, а как активный социальный инстру-

мент, формирующий поведение и побуждающий человека к действию и в связи с этим отмечает, что **«правовая защита человека создает необходимую социально-правовую направленность поведения людей, формируя их волю и действие на реальное использование правовых средств защиты своих прав»** [4].

Для определения понятия правовой защиты необходимо на основе формально-логического метода выделить признаки, свойственные данному правовому явлению. К ним относятся:

- **нормативно-правовая основа.** Правовая защита всегда базируется на действующем законодательстве и системе нормативных правовых актов. Это означает, что она не может существовать вне правового поля, а ее содержание и пределы определяются нормами права;
- **использование правовых средств.** Осуществление правовой защиты происходит с помощью правовых средств, то есть специальных юридических инструментов и механизмов, предусмотренных законодательством;
- **субъектный состав.** Правовая защита может осуществляться широким кругом субъектов. С одной стороны, это государство, специально уполномоченные органы, должностные лица, а также юрисдикционные органы. С другой стороны, правовая защита не ограничивается деятельностью компетентных органов — она включает и активные действия самого управомоченного лица, то есть самозащиту прав;
- **целевая направленность.** Правовая защита направлена на охрану, защиту и восстановление прав и свобод личности. Целевой ориентир может формулироваться как восстановление нарушенного права, обеспечение исполнения юридической обязанности, устранение

препятствий в реализации правового статуса или достижение состояния полной правовой защищенности;

- **характер деятельности.** Правовая защита рассматривается как активная, целенаправленная, волевая деятельность. Эта деятельность может быть как государственно-принудительной, так может иметь и добровольный характер. Правовая защита — это не пассивное состояние, а активное действие, побуждающее субъектов к реализации правовых средств защиты;

- **основание применения.** Правовая защита применяется в случае нарушения или реальной угрозы нарушения прав;

- **процессуальная форма и формы реализации.** Правовая защита осуществляется в различных формах — судебной, административной, и в порядке самозащиты;

- **социальная направленность.** Правовая защита — это активный социальный инструмент, формирующий поведение и побуждающий человека к действию. Она создает необходимую социально-правовую направленность поведения людей, то есть правовая защита выполняет не только правовосстановительную, но и социально-регулятивную функцию, формируя правовое поведение и правовую культуру.

Сказанное выше позволяет нам определить правовую защиту как нормативно закрепленную, реализуемую с помощью правовых средств деятельность широкого круга субъектов (государства, его органов, должностных лиц и самого гражданина), осуществляемую в различных процессуальных формах и направленную на охрану, восстановление и обеспечение прав и свобод личности при наличии их нарушения или реальной угрозы такого нарушения, а также выполняющую социально-регулятивную функцию по формированию правового поведения.

Литература:

1. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1981. Т. 1.
2. Амагыров А. В. К вопросу о понятии «Правовая защита» // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 1.
3. Беляев В. П. К вопросу о понятии и признаках правовой защиты // Современное право. 2015. № 4.
4. Гончарова С. Г. Правовая защита человека как социальный инструмент становления и развития правового государства // Современное право. 2011. № 10.
5. Малеин Н. С. Гражданский закон и права личности в СССР. М.: Юрид. лит., 1981.
6. Минникес И. А. Правовая защита: понятие и механизм // Baikal Research Journal. 2013. № 6.
7. Реализация прав граждан в условиях развитого социализма / отв. ред. Лукашева Е. А. М., 1983.
8. Стрёмухов А. В. Правовая защита человека. СПб., 2007.

Хроматографические методы в судебно-экспертном анализе нефтепродуктов: современное состояние и перспективы

Самчук Алина Игоревна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье рассмотрены хроматографические методы в судебно-экспертном анализе нефтепродуктов. Описаны принципы газовой и жидкостной хроматографии, их преимущества и недостатки. Проанализированы современные тенденции развития, включая двумерную газовую хроматографию, жидкостную хроматографию сверхвысокого давления,

масс-спектрометрию высокого разрешения и хеометрику. Подчеркнута значительная роль хроматографических методов в судебно-экспертной практике и необходимость их дальнейшего развития для обеспечения надежной доказательной базы.

Ключевые слова: хроматография, физико-химический метод, газовая хроматография, жидкостная хроматография, хеометрика, хроматографический метод.

Судебно-экспертный анализ нефтепродуктов важен для расследования преступлений, включая идентификацию веществ, сравнение с образцами и определение источника [1]. Хроматография занимает ведущее место среди аналитических методов благодаря высокой разрешающей способности и чувствительности.

Хроматография — физико-химический метод разделения веществ, основанный на различии в распределении компонентов между неподвижной и подвижной фазами [5]. В судебно-экспертном анализе нефтепродуктов наиболее распространены газовая хроматография (ГХ) и жидкостная хроматография (ЖХ).

Газовая хроматография (ГХ) эффективна для анализа летучих компонентов нефтепродуктов, таких как бензин и керосин [2]. Образец испаряется и переносится газом-носителем через хроматографическую колонку, где происходит разделение компонентов. Разделенные компоненты детектируются различными детекторами, часто пламенно-ионизационным (ПИД). Комбинация с масс-спектрометрическим детектированием (ГХ-МС) повышает селективность и позволяет идентифицировать компоненты по масс-спектрам [2]. ГХ характеризуется высокой разрешающей способностью и чувствительностью, но неприменима для нелетучих и термически нестабильных веществ [1].

Жидкостная хроматография (ЖХ) используется для анализа нелетучих и термически нестабильных компонентов нефтепродуктов, таких как ПАУ, присадки и красители [5]. В ЖХ образец растворяется в жидкой фазе и пропускается через колонку с сорбентом. Разделение зависит от полярности и взаимодействия с сорбентом. Детектирование происходит с помощью УФ, флуоресцентного или масс-спектрометрического детекторов (ЖХ-МС). ЖХ гибче ГХ в выборе фаз, но имеет чуть меньшую разрешающую способность и требует тщательной пробоподготовки [1].

Хроматографические методы важны в судебно-экспертном анализе нефтепродуктов благодаря высокой разрешающей способности, позволяющей разделять сложные смеси и выявлять различия [3]; высокой чувствительности, позволяющая обнаруживать следовые количества нефтепродуктов; селективности, обеспечивающей воз-

можность идентификации компонентов смеси с использованием масс-спектрометрического детектирования и высокую достоверность результатов анализа; возможности количественного определения концентрации отдельных компонентов в смеси, что позволяет не только идентифицировать вещество, но и получить информацию о его происхождении и степени изменений, произошедших под воздействием внешних факторов; объективности, так как методы основаны на физико-химических процессах и позволяют получать объективные данные о составе нефтепродуктов. Кроме того, возможно автоматизировать процесс анализа, повышая производительность.

Несмотря на преимущества, есть недостатки: сложность пробоподготовки (экстракция, очистка, концентрирование), зависимость от стандартов для точной идентификации, влияние внешних факторов (температура, влажность, свет) на состав нефтепродуктов и высокие затраты на оборудование.

Современные тенденции развития хроматографических методов в судебно-экспертном анализе нефтепродуктов направлены на повышение чувствительности, селективности, скорости анализа, автоматизацию, снижение стоимости и упрощение эксплуатации оборудования. Перспективные направления: двумерная газовая хроматография (ГХ×ГХ) для повышения разрешающей способности анализа сложных смесей [2]; жидкостная хроматография сверхвысокого давления (ЖХ-СВД) для ускорения анализа; масс-спектрометрия высокого разрешения (МСВР) для надежной идентификации и элементного анализа [4]; разработка новых сорбентов для хроматографических колонок с улучшенными характеристиками; совершенствование методов пробоподготовки (микроэкстракция); применение методов хеометрики для улучшения дифференциации образцов и установления их источника происхождения.

Хроматографические методы — мощный инструмент в судебно-экспертном анализе нефтепродуктов. Развитие хроматографических техник, методов пробоподготовки и обработки данных будет способствовать повышению эффективности и точности судебно-экспертных исследований и борьбе с преступностью.

Литература:

1. А. В. Астахов Анализ нефтепродуктов с помощью хроматографических методов // Экспозиция Нефть Газ. 2008. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-nefteproduktov-s-pomoschyu-hromatograficheskikh-metodov-1> (дата обращения: 28.09.2025).
2. Агеева В. А. Эффективный анализ нефтепродуктов на основе методов газовой хроматографии // Достижения науки и образования. 2021. № 3 (75). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnyy-analiz-nefteproduktov-na-osnove-metodov-gazovoy-hromatografii> (дата обращения: 28.09.2025).

3. Жердев К. И. Хроматографический анализ нефти и нефтепродуктов / К. И. Жердев, С. А. Денисенко, Т. В. Гузик // В сборнике: Молодежная наука. Сборник лучших научных работ молодых ученых. Материалы LI студенческой научной конференции. — Краснодар, 2024. — С. 638–639.
4. Жердев К. И. Хроматографический метод анализа в исследовании нефти и продуктов её переработки / К. И. Жердев, С. А. Денисенко, Т. В. Гузик // Наука. Техника. Технологии (политехнический вестник). — 2024. — № 4. — С. 33–35.
5. Занозин И. Ю. Хроматография в аналитическом сопровождении нефтепереработки / И. Ю. Занозин, И. И. Занозина // Лаборатория и производство. — 2021. — № 2. — С. 32–42.

Теоретико-правовые основы защиты культуры и исторической памяти в системе национальной безопасности

Свенский Артем Вадимович, аспирант
Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

Культура и историческая память являются взаимосвязанными объектами правовой защиты, содержание которых раскрывается через философские, социологические и юридические подходы. Культура охватывает материальные и духовные результаты человеческой деятельности, обеспечивает передачу ценностей и опыта, формирование личности и единство общества [8]. Историческая память представляет собой воспроизводимую в общении поколений совокупность знаний и представлений о прошлом, значимых событиях и деятелях. Она поддерживает историческую преемственность, гражданскую и национальную идентичность, выступая важным фактором культурного суверенитета и устойчивости государства [9].

Правовая защита культуры предполагает сохранение как материальных носителей наследия, так и связанных с ними духовных ценностей и общественно значимых смыслов. Конституция Российской Федерации в статье 44 закрепляет право каждого на доступ к культурным ценностям и обязанность заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры [1]. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» конкретизирует механизмы сохранения, использования, популяризации и государственной охраны соответствующих объектов [2]. Эффективность этих механизмов зависит от исполнения полномочий органами публичной власти и участия общества в сохранении наследия.

Для многонациональной России защита исторической памяти предполагает сочетание общероссийской гражданской идентичности с сохранением этнокультурного своеобразия каждого народа. Различия в восприятии историко-культурных ценностей требуют обоснованных критериев правовой охраны, учитывающих общенациональную, региональную и общечеловеческую значимость наследия. Поэтому государственная политика должна объединять сохранение культурных объектов, историческое просвещение и передачу достоверных знаний о прошлом [12]. Конституционной основой такой деятельности выступает статья 44 Конституции

Российской Федерации, а ее реализация требует эффективных правовых механизмов, включая установление ответственности за посягательства на охраняемые ценности [1].

Современное понимание национальной безопасности охватывает военные, политические, экономические и культурные аспекты устойчивости государства и общества. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» определяет ее как состояние защищенности национальных интересов от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются права и свободы граждан, достойные условия жизни, гражданский мир, суверенитет, государственная целостность и социально-экономическое развитие страны [5]. Такой подход согласуется с Конституцией Российской Федерации, признающей права и свободы человека высшей ценностью и закрепляющей обязанность государства по их защите [1].

Национальная безопасность представляет собой систему взаимосвязанных направлений, включающую военную, государственную, экономическую, информационную, экологическую и общественную безопасность [11]. В научной литературе обосновывается также выделение культурной безопасности, поскольку сохранение культурной идентичности, исторического самосознания и общих ценностей способствует общественной солидарности и достижению коллективных целей. Культура при этом выступает одновременно объектом защиты и фактором обеспечения национальной безопасности [10].

Культурная безопасность предполагает сохранение материального и нематериального наследия, исторической памяти и условий воспроизводства культурной идентичности. Ее основными задачами являются охрана памятников, музейных фондов и архивов, поддержка языка, традиций и обрядов, противодействие разрушению наследия и фальсификации истории, а также обеспечение культурного суверенитета. Сохранение культурной самобытности должно сочетаться со свободным культурным обменом, реализацией этнокультурных прав и способностью общества адаптироваться к изменениям [12].

Важными составляющими культурной безопасности являются этническая и конфессиональная безопасность, предполагающие предупреждение национальной и религиозной розни, обеспечение равноправия и уважение культурного многообразия. Таким образом, защита культуры и исторической памяти выходит за пределы охраны отдельных объектов наследия и способствует сохранению гражданского согласия, исторической преемственности и устойчивости государства.

Понятие «культурный суверенитет» закреплено Указом Президента РФ от 25.01.2023 № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808» [7]. Оно определяется как совокупность социально-культурных факторов, позволяющих народу и государству формировать свою идентичность, избегать культурной зависимости от внешнего влияния, противостоять деструктивному идеологическому и информационному воздействию, сохранять историческую память и традиционные российские духовно-нравственные ценности.

Конституционные основания культурного суверенитета связаны с признанием многонационального народа носителем суверенитета и единственным источником власти, а также с государственной охраной культуры как уникального наследия народов России, закрепленными в части 1 статьи 3 и части 4 статьи 68 Конституции Российской Федерации. Правовое регулирование в области языка, образования и культуры способствует формированию общероссийской гражданской идентичности при сохранении этнокультурного многообразия [1]. Включение исторической памяти в нормативное определение культурного суверенитета подчеркивает ее значение для культурной самостоятельности государства и общества [15].

Практическое обеспечение культурного суверенитета предполагает согласованную деятельность органов публичной власти и институтов гражданского общества по сохранению наследия, передаче традиционных ценностей и противодействию разрушительному информационному воздействию. Его реализация выражается в способности самостоятельно проводить культурную политику и представлять национальную культуру в международных отношениях [9]. При этом необходимо обеспечивать баланс между культурными правами личности, общенациональными интересами, сохранением самобытности и международным культурным обменом.

Культурная безопасность и культурный суверенитет взаимосвязаны, но не тождественны. Культурная безопасность характеризует состояние защищенности культурной сферы от угроз, тогда как культурный суверенитет выражает самостоятельность в определении культурной политики и выступает одним из условий обеспечения такой защищенности [14]. Следовательно, сохранение исторической памяти, культурной идентичности и ценностной преемственности объединяет обе категории в системе национальной безопасности.

Культурная безопасность занимает важное место в системе национальной безопасности. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» относит защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти к стратегическим национальным приоритетам [5]. Информационно-психологическое воздействие на культурную идентичность рассматривается в Стратегии как угроза культурному суверенитету, что подчеркивает общегосударственное значение сохранения культуры.

Культурная безопасность взаимосвязана с информационной, военной, социальной и международной безопасностью. Сохранение исторической памяти и традиционных ценностей способствует противодействию деструктивному информационному воздействию, укреплению готовности к защите Отечества, поддержанию семьи и общественной солидарности. Международное культурное сотрудничество и распространение национальной культуры также содействуют укреплению позиций государства. Таким образом, культурная безопасность выступает одним из ценностных оснований устойчивости общества и государства.

Правовую основу данного направления составляют Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [7], определяющий цели и принципы культурной политики, и Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», устанавливающий основы согласования стратегических документов [3]. Конкретизация задач и механизмов культурной политики была предусмотрена также распоряжением Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» [4].

Связь культурной политики с обеспечением безопасности получила дальнейшее развитие в Указе Президента РФ от 25.01.2023 № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808» [7]. Документ закрепил положения о культурном суверенитете и защите граждан от внешней идейно-ценностной экспансии и деструктивного информационно-психологического воздействия. Поэтому охрана культуры требует согласованной деятельности органов публичной власти и участия гражданского общества.

Ценностные ориентиры этой деятельности определены Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В перечень традиционных ценностей включены жизнь, достоинство, права и свободы человека, а также историческая память и преемственность поколений [6]. Их сохранение связывает культурную политику с защитой основ общественного единства и исторической преемственности российской государственности.

Таким образом, культура и историческая память являются объектами правовой защиты и факторами национальной безопасности, обеспечивающими преем-

ственность, гражданскую идентичность и общественное единство. Культурная безопасность означает защищенность культурной сферы, а культурный суверенитет — самостоятельность культурного развития. Их обеспечение

требует согласованной деятельности государства и общества, эффективных правовых механизмов и соблюдения баланса между национальными интересами, культурными правами личности и этнокультурным многообразием.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
2. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (в ред. от) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 26. Ст. 2519.
3. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (в ред. от 13.07.2024) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26 (ч. 1). Ст. 3378.
4. Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» (в ред. от 30.03.2018) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 11. Ст. 1552.
5. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. 2). Ст. 5351.
6. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.
7. Указ Президента РФ от 25.01.2023 № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.06.2026).
8. Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В. Охрана культурного наследия: международный и российский опыт / Н. М. Боголюбова, Ю. В. Николаева // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2014. № 4 (21). С. 6–13.
9. Богуславский М. М. Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты: монография / М. М. Богуславский. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 416 с.
10. Киринос И. Д. Историческая память как категория конституционного права / И. Д. Киринос // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24. Вып. 1. С. 99–106.
11. Кулыгин В. В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: монография / В. В. Кулыгин. М.: Юрист, 2006. 125 с.
12. Халиков И. А. Уголовно-правовая охрана исторического и культурного наследия в законодательстве зарубежных стран / И. А. Халиков // Международное уголовное право и международная юстиция. 2022. № 2. С. 19–23.
13. Халиков, И. А. Уголовно-правовая охрана исторического и культурного наследия: концептуальные основы, международный и зарубежный опыт : специальность 5.1.4 «Уголовно-правовые науки» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Халиков Искандер Альфредович. — М., 2025.
14. Фалалеева И. Н., Гаврилова В. Д. Защита исторической правды — новое направление государственной политики Российской Федерации / И. Н. Фалалеева, В. Д. Гаврилова // Право и практика. 2021. № 4. С. 65–71.
15. Нешатаева В. О. Культурные ценности: цена и право / В. О. Нешатаева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. С. 15.

Проблемы правоприменительной практики в сфере регулирования имущественных правоотношений супругов и перспективы развития законодательства

Сидорова Аполлинария Михайловна, студент магистратуры
Научный руководитель: Кручинина Надежда Валентиновна, доктор юридических наук, профессор
Российский новый университет (г. Москва)

Правовое регулирование имущественных отношений супругов в России переживает период активного реформирования. Действующая модель законного режима совместной собственности демонстрирует всё более очевидные ограничения: фрагментарность раздела имущества порождает повторные споры, а неопределённость критериев оценки брач-

ного договора подрывает доверие сторон к стабильности договорных условий. В настоящей статье на основе новейших законодательных инициатив и позиций Верховного Суда РФ анализируются ключевые проблемы правоприменения и исследуются возможные направления законодательных реформ.

Ключевые слова: имущество супругов, совместная собственность, брачный договор, раздел имущества, реформа законодательства.

Problems of law enforcement practice in the regulation of matrimonial property relations and prospects for the development of legislation

Sidorova Apollinaria Mikhailovna, master's degree student

Scientific advisor: Kruchinina Nadezhda Valentinovna, doctor of law, professor
Russian New University (Moscow)

The legal regulation of matrimonial property relations in Russia is undergoing a period of active reform. The current model of the statutory regime of joint property demonstrates increasingly evident limitations: the fragmented nature of property division gives rise to repeated disputes, while the uncertainty of criteria for assessing marriage contracts undermines the parties' confidence in the stability of contractual terms. Drawing on recent legislative initiatives and positions of the Supreme Court of the Russian Federation, this article analyses the key problems of law enforcement and explores possible directions for legislative reform.

Keywords: matrimonial property, joint property, marriage contract, division of property, legislative reform.

Согласно статье 34 Семейного кодекса РФ, имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью независимо от того, на чье имя оно приобретено или зарегистрировано [3]. Эта законная модель на практике сталкивается с двумя уровнями проблем.

Первая проблема — фрагментарность раздела имущества. Поскольку действующее законодательство не требует от суда при рассмотрении дела о разделе имущества одновременно определять доли супругов во всем общем имуществе, стороны зачастую инициируют отдельные иски по каждому объекту. Как отмечается в законодательных материалах, каждый иск охватывает ограниченный круг активов, а суды рассматривают их изолированно, не имея возможности вынести единое решение по всему общему имуществу и общим долгам [5]. Такая модель не только увеличивает судебную нагрузку, но и создаёт предпосылки для последующих споров.

Вторая проблема — размытость границы между личным и общим имуществом. Верховный Суд РФ неоднократно сталкивался с этой проблемой в конкретных делах. В ситуациях, когда личный добрачный долг погашается за счёт общих средств, суду приходится балансировать интересы кредитора и супруга-недолжника: превращает ли погашение личного долга за счёт совместных доходов соответствующее имущество в общее? Действующее законодательство не содержит чёткого правила, что приводит к неединообразным решениям [7].

Практические затруднения с институтом брачного договора выражены ещё более остро. Ключевая проблема связана с положением пункта 3 статьи 42 и пункта 2 статьи 44 Семейного кодекса РФ о «крайне неблагоприятном положении» — основании, по которому суд может признать брачный договор полностью или частично недействительным [3].

Законодатель изначально стремился защитить слабую сторону от несправедливых условий. Однако, как отмечают эксперты, «крайне неблагоприятное положение» не имеет легального определения и чётких критериев — вопрос полностью отдан на усмотрение суда, что порождает прямо противоположные решения по схожим обстоятельствам [16]. Нотариально удостоверенный брачный договор оказывается менее стабильным, чем обычный письменный гражданско-правовой договор, — очевидный институциональный парадокс [17].

Практические последствия уже проявились: по данным Федеральной нотариальной палаты, за два года количество новых брачных договоров сократилось почти на четверть, а количество расторжений синхронно выросло. Эта тенденция интерпретируется как системное падение доверия к институту брачного договора [16].

Пути законодательного реформирования и дискуссионные вопросы

1. Принципиальная реконструкция модели раздела имущества

Законопроект № 835938–7, внесённый в ноябре 2019 года, представляет наиболее радикальное направление реформы [5; 20]. Его концептуальная основа — понимание общего имущества как единого имущественного комплекса (цельный имущественный комплекс), а не простой совокупности отдельных вещей [11].

Согласно проекту, судебное решение или соглашение сторон должно предварительно определять доли супругов во всем общем имуществе и одновременно устанавливать, какие конкретные объекты переходят к каждому. Это означает, что раздел должен осуществляться одномоментно, после чего не должно оставаться нераспределённого общего имущества [5].

Особого внимания заслуживает подход проекта к неделимым активам. Устанавливается, что имущество, которое не может быть разделено в натуре или раздел которого приведёт к несоразмерному уменьшению его ценности (неделимые вещи, сложные вещи, доли в уставном капитале не ниже 10 % и т. д.), должно целиком переходить к супругу, фактически или преимущественно использующему это имущество, если только другая сторона не докажет наличие «существенного интереса» в нём [11].

2. Укрепление стабильности брачного договора

Параллельно с реформой раздела имущества развивается отдельное законодательное усилие, направленное на проблему действительности брачного договора. Законопроект № 888512–8 (повторно внесённый в декабре 2025 года) предлагает полностью исключить «крайне неблагоприятное положение» как самостоятельное основание недействительности брачного договора, сохранив лишь общие основания недействительности по Гражданскому кодексу (обман, насилие, заблуждение, мнимая сделка и т. д.) [6; 16].

Аргументация сторонников: брачный договор заключается полностью дееспособными лицами, проходит обязательное нотариальное удостоверение, нотариус обязан проверить действительную волю сторон и разъяснить правовые последствия [17]. Ставить столь тщательно оформленный договор в положение, когда он легче оспаривается, чем обычный гражданско-правовой договор, — это одновременно нарушение принципа свободы и подрыв правовой определённости [16]. Противники возражают, что одной лишь общей модели недействительности может быть недостаточно для защиты стороны, находящейся в структурно слабом положении [17].

Ключевые практические проблемы и тенденции судебной практики

1. Оценка «существенного интереса» при разделе крупных активов

Конкретное применение критерия «существенного интереса», заложенного в законопроекте № 835938–7, станет ключевой проблемой будущей судебной практики. Когда супруги совместно владеют коммерческой недвижимостью или корпоративными долями, как определить, у кого есть «существенный интерес»? Достаточно ли только факта использования или необходимо учитывать участие в управлении, профессиональную квалификацию, жиз-

ненную зависимость и другие факторы в совокупности? Этот вопрос напрямую связан с реальной справедливостью раздела имущества [11].

2. Общие долги и защита кредиторов

Действующее законодательство прямо предусматривает распределение общих долгов пропорционально полученным долям при разделе имущества, однако в процедурах банкротства напряжение между разделом имущества супругов и защитой интересов кредиторов проявляется особенно остро [4]. Законопроект № 835938–7 пытается смягчить конфликт следующими механизмами: уведомление кредиторов при разделе имущества по соглашению супругов; отнесение требования управляющего о разделе к исключительной подсудности арбитражного суда, рассматривающего дело о банкротстве; исследование возможности совместного банкротства [18; 12].

Направление реформы имущественных правоотношений супругов уже обозначилось: от фрагментарного раздела *post factum* к системному предварительному определению, от судебного вмешательства с размытыми критериями к стабильности, основанной на свободе договора [10].

Глубинная логика этого поворота состоит в том, что брак как долгосрочное кооперативное отношение обладает самостоятельной ценностью предсказуемости имущественного порядка. Только при возможности разумно предвидеть правовые последствия стороны способны принимать действительно автономные решения. Чрезмерное судебное «исправление» может обеспечить справедливость в отдельном деле, но ценой доверия к системе в целом [9].

Реформа сталкивается и с проблемой баланса. Как при усилении обязательности договора предотвратить использование брачного договора для перевода имущества и уклонения от долгов? Механизм уведомления кредиторов и правила исключительной подсудности в банкротстве как раз представляют собой институциональные попытки в этом измерении [18; 12].

Дальнейшее законодательное совершенствование, вероятно, потребует уточнения альтернативных защитных механизмов после исключения «крайне неблагоприятного положения», детализации критериев «существенного интереса» и создания более прозрачной системы публичного раскрытия брачных договоров [13; 14]. Только найдя точку равновесия между свободой воли и защитой третьих лиц, правовой институт имущественных отношений супругов сможет по-настоящему выполнить свою функцию.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
4. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
5. Законопроект № 835938-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части имущественных отношений супругов) [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru>.
6. Законопроект № 888512-8 «О внесении изменений в статью 42 Семейного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru>.
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28.12.2024 № 305-ЭС22-24409(2) по делу № А40-59004/2019 // СПС «Гарант».
8. Гражданское право: учебник. В 4 т. Т. 1. Общая часть / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. 576 с.
9. Михеева Л. Ю. Основная идея — перевести внутренние супружеские правоотношения из сферы вещного права в сферу обязательственную (интервью) // Закон. 2021. № 5. С. 8–15.
10. Михеева Л. Ю. Перспективы развития семейного права на рубеже десятилетий // Семейное и жилищное право. 2020. № 3. С. 3–5.
11. Целый имущественный комплекс супругов: неделимые активы и предупреждение оппортунизма в семейном праве // Семейное и жилищное право. 2026. № 3. С. 20–23. DOI: 10.18572/1999-477X-2026-3-20-23.
12. Будылин С. Л. Все мы детям пополам. Банкротство граждан и семейное имущество в России и за рубежом // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 4. С. 90–126.
13. Поротинова О. А. Проблемы соотношения режимов общей долевой и общей совместной собственности супругов по законодательству РФ // Семейное и жилищное право. 2020. № 3. С. 13–15.
14. Гаврилов Р. Какое имущество не подлежит разделу при разводе // Бесплатная консультация юриста. URL: <https://rapinydochki.ru/raznoe/lichnaya-sobstvennosti-kazhdogo-i-suprugov.html>.
15. Каренина С. А., Фролов И. В. Возможно ли банкротство гражданина без финансового управляющего? // Судья. 2016. № 7. С. 12–13.
16. Брачный договор без «крайне неблагоприятного положения» // Ассоциация юристов России. URL: <https://alrf.ru/articles/brachnyy-dogovor-bez-krayne-neblagopriyatnogo-polozheniya/>.
17. Критерии недействительности брачного договора предложили уточнить // Парламентская газета. 10.04.2025. URL: <https://www.pnp.ru/social/deputat-marchenko-kriterii-nedeystvitelnosti-brachnogo-dogovora-neobkhodimo-utochnit.html>.
18. Предлагается установить возможность совместного банкротства супругов, имеющих общие долги // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/predlagaetsya-ustanovit-vozmozhnost-sovmestnogo-bankrotstva-suprugov-imeyushchikh-obshchie-dolgi/>.
19. Дума рассматривает масштабные поправки к Семейному кодексу // Кодексы и законы. URL: <https://asek.kodms.ru/news/duma-rassmatrivaet-masshtabnye-popravki-k-semejnomu-kodeksu>.
20. Досье на проект федерального закона № 835938-7 // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/73005920/>.
21. Code civil des Français (Code Napoléon) / пер. с фр. В. Захватаев. Киев: Истина, 2006. С. 223–226.

Оспаривание брачного договора участника хозяйственного общества по иску корпорации: проблемы правовой квалификации и практика разрешения

Смирнов Евгений Николаевич, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

Статья посвящена проблеме оспаривания брачного договора участника общества с ограниченной ответственностью по иску хозяйственного общества. Автором анализируется дуалистическая природа доли в уставном капитале. На основе доктринальных подходов и судебной практики обосновывается вывод о том, что переход доли к супругу-неучастнику на основании брачного договора должен квалифицироваться как отчуждение доли третьему лицу и подчиняться корпоративным процедурам. Рассматриваются материально-правовые основания оспаривания, проблемы подведомственности и сроков исковой давности. Предложены пути совершенствования правового регулирования.

Ключевые слова: брачный договор, корпоративные споры, доля в уставном капитале, злоупотребление правом, оспаривание сделок.

Количество брачных договоров, заключаемых в Российской Федерации, ежегодно возрастает [1]. Данное явление обусловлено стремлением супругов урегулировать имущественные отношения и обеспечить защиту собственных предпринимательских активов, однако заключение брачного договора не гарантирует безусловной защиты интересов сторон, поскольку такой договор может быть оспорен, в том числе по иску третьих лиц. Наиболее острой в практическом отношении представляется ситуация, когда третьим лицом выступает хозяйственное общество, участником которого является супруг-должник.

Сложность разрешения данной категории дел обусловлена коллизией норм семейного законодательства, допускающего изменение режима совместной собственности супругов, и корпоративного законодательства, устанавливающего императивные правила перехода долей в уставном капитале. Центральный вопрос состоит в определении юридической природы брачного договора, изменяющего режим собственности на долю. От ответа на данный вопрос зависят квалификация сделки, определение надлежащей юрисдикции, а также и выбор способов защиты прав корпорации.

Фундаментальная проблема рассматриваемой категории споров обусловлена дуалистической природой доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. В соответствии с пунктом 2 статьи 34 Семейного кодекса Российской Федерации [2] (далее — СК РФ) имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью. К такому имуществу относятся, в частности, доли в капитале, внесенные в коммерческие организации. Следовательно, доля в уставном капитале, приобретенная одним из супругов в период брака, признается объектом общей совместной собственности супругов.

Вместе с тем доля в уставном капитале не является обычным имущественным объектом. Статья 8 Федерального закона от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [3] (далее — Закон № 14-ФЗ) наделяет участника общества корпоративными правами: правом на участие в управлении, получение информации, участие в распределении прибыли. Данные права носят личный характер и неразрывно связаны с личностью участника, внесенного в единый государственный реестр юридических лиц.

В юридической литературе обоснованно отмечается, что корпоративными правами обладает только тот супруг, который является участником общества [4]. Наличие у другого супруга имущественных притязаний на долю не наделяет его правом на участие в управлении обществом. Верховный Суд Российской Федерации в Определении от 6 апреля 2023 года № 305-ЭС22-26611 указал, что супруг участника общества, получивший долю в результате раз-

дела совместно нажитого имущества, для вхождения в состав участников должен соблюсти корпоративную процедуру, включая получение согласия других участников, если это предусмотрено уставом [5]. В противном случае такой супруг вправе требовать лишь выплаты действительной стоимости доли в таком обществе.

Следовательно, супруг участника общества, не внесенный в реестр в качестве участника, по отношению к обществу является третьим лицом. Брачный договор, устанавливающий режим раздельной собственности на долю в пользу такого супруга, представляет собой сделку по отчуждению доли третьему лицу [6]. Данный вывод влечет применение правил статьи 21 Закона № 14-ФЗ. В соответствии с пунктом 11 указанной статьи сделка, направленная на отчуждение доли, подлежит нотариальному удостоверению. Если устав содержит ограничения на отчуждение долей третьим лицам, несоблюдение таких требований влечет недействительность сделки.

Вопрос о подведомственности споров об оспаривании брачного договора по иску корпорации представляет значительную сложность. Согласно пункту 2 части 1 статьи 225.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [7] (далее — АПК РФ) к корпоративным спорам относятся споры, связанные с принадлежностью долей в уставном капитале и реализацией вытекающих из них прав. Исключение составляют споры, возникающие в связи с разделом общего имущества супругов.

Иски супругов о разделе доли подведомственны судам общей юрисдикции, однако же иск корпорации об оспаривании брачного договора участника имеет иную природу: он направлен на защиту прав самого хозяйственного общества. Следовательно, данный спор подпадает под действие пункта 2 части 1 статьи 225.1 АПК РФ и подлежит рассмотрению в арбитражном суде [8]. Судебная практика последних лет последовательно относит данную категорию дел к компетенции арбитражных судов [9].

Наиболее очевидным основанием для оспаривания является несоблюдение участником-супругом порядка отчуждения доли, предусмотренного уставом и Законом № 14-ФЗ.

Показательным примером служит дело ООО «Русские бани» (№ А41-44379/2022). Участник общества по брачному договору передал супруге долю в размере 25 процентов. Общество обратилось в суд с иском о признании сделки недействительной, указав, что отчуждение произведено без согласия другого участника, чем нарушено преимущественное право покупки доли [10]. Решением Арбитражного суда Московской области от 21 декабря 2023 года иск удовлетворен. Арбитражный суд Московского округа постановлением от 30 августа 2024 года изменил судебные акты в части последствий, указав, что доля подлежит возврату самому участнику-отчуждателю, а не об-

ществу [11]. Определением Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2024 года № 305-ЭС24–21705 отозвано в передаче дела для рассмотрения Судебной коллегией по экономическим спорам [12].

В случаях, когда брачный договор заключается для вывода актива из-под взыскания, корпорация вправе оспорить его на основании статей 10 и 168 Гражданского кодекса Российской Федерации [13] (далее — ГК РФ). Пункт 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25 разъясняет, что сделка, нарушающая запрет, установленный пунктом 1 статьи 10 ГК РФ, может быть признана недействительной [14].

Критерии злоупотребления правом: заключение договора в период корпоративного конфликта; передача супругу только доли без изменения режима иного имущества; отсутствие экономической целесообразности. В деле ООО «Русские бани» суды установили совокупность указанных признаков, что позволило квалифицировать сделку как мнимую на основании пункта 1 статьи 170 ГК РФ [10].

В рамках дела о банкротстве применяются как специальные основания (глава III.1 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [15], далее — Закон № 127-ФЗ), так и общегражданские (статьи 10, 168 ГК РФ). Согласно пункту 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года № 48, брачный договор может быть оспорен по обеим группам оснований [16]. При этом для квалификации сделки как ничтожной по статьям 10 и 168 ГК РФ требуется выявление нарушений, выходящих за пределы диспозиции пункта 2 статьи 61.2 Закона № 127-ФЗ.

В Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2025 года № 305-ЭС25–2188 суд указал, что оспаривание брачного договора как ничтожного по статьям 10 и 168 ГК РФ недопустимо, если оно направлено на преодоление сроков оспаривания при отсутствии нарушений, выходящих за пределы специальных банкротных оснований [17].

Согласно пункту 1 статьи 181 ГК РФ срок исковой давности по требованиям о применении последствий недействительности ничтожной сделки составляет три года. Для лица, не являющегося стороной сделки, срок исчисляется со дня, когда оно узнало или должно было узнать о начале исполнения. Для корпорации момент осведом-

ленности определяется с учетом обязанности отслеживать изменения в реестре [18].

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Брачный договор, изменяющий режим собственности на долю в пользу супруга-неучастника, должен рассматриваться как сделка по отчуждению доли третьему лицу. Корпоративные права неразрывно связаны с личностью участника и не могут переходить к супругу в обход процедур, предусмотренных статьей 21 Закона № 14-ФЗ.

В целях совершенствования правового регулирования предлагается:

1. Закрепить на уровне разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации обязательность соблюдения корпоративных процедур при переходе доли по брачному договору.
2. Дополнить статью 21 Закона № 14-ФЗ указанием на брачный договор как основание перехода доли к третьим лицам с соблюдением правил отчуждения.
3. Установить обязанность нотариуса уведомлять общество о заключении брачного договора, затрагивающего долю.
4. Предусмотреть в статье 21 Закона № 14-ФЗ специальные последствия перехода доли с нарушением корпоративных процедур по аналогии с пунктом 18 статьи 21 Закона № 14-ФЗ.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что действующее правовое регулирование перехода доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью на основании брачного договора страдает существенной неопределенностью. Отсутствие прямого указания в Законе № 14-ФЗ на необходимость соблюдения корпоративных процедур при таком переходе создает условия для злоупотреблений и использования брачного договора как инструмента вывода активов из-под возможного взыскания. Судебная практика, включая позиции Верховного Суда Российской Федерации, последовательно восполняет данный пробел, квалифицируя переход доли к супругу-неучастнику как отчуждение доли третьему лицу. Однако точечные разъяснения по конкретным делам не могут заменить системного законодательного решения. Предложенные изменения в статью 21 Закона № 14-ФЗ и разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации позволят устранить правовую неопределенность, обеспечить баланс между интересами супругов и корпорации, а также защитить права добросовестных участников гражданского оборота.

Литература:

1. Обзор судебной практики по оспариванию брачного договора. Кейсы за 2024–2025 годы // Система Юрист. — 2025. — № 6. — С. 4–14.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
3. Федеральный закон от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 7. — Ст. 785.

4. Доля как добрачное имущество: ВС пояснил несостоятельность требований о признании сделки по увеличению уставного капитала ООО недействительной [Электронный ресурс] // Адвокатская газета. — 2024. — 24 сентября. — Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/dolya-kak-dobrachnoe-imushchestvo/> (дата обращения: 03.09.2026).
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 6 апреля 2023 года № 305-ЭС22-26611 по делу № А40-159059/2021.
6. Решение Арбитражного суда города Москвы от 21 мая 2020 года по делу № А40-28265/2020.
7. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 года № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 30. — Ст. 3012.
8. Дергачев С. А. Подведомственность корпоративных споров, связанных с семейными и наследственными правоотношениями [Электронный ресурс] // Зайцев и партнеры: юридический центр. — 2021. — 20 апреля. — Режим доступа: <https://zaytcevparkers.ru/news/podvedomstvennost-korporativnyh-sporov-svyazannyh-s-semejnymi-i-nasledstvennymi-pravootnosheniyami/> (дата обращения: 03.09.2026).
9. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2016 года № 303-ЭС16-6492 по делу № А51-15626/2015.
10. Решение Арбитражного суда Московской области от 21 декабря 2023 года по делу № А41-44379/2022.
11. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30 августа 2024 года по делу № А41-44379/2022.
12. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2024 года № 305-ЭС24-21705 по делу № А41-44379/2022.
13. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
14. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2015. — № 8.
15. Федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.
16. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2019. — № 3.
17. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2025 года № 305-ЭС25-2188 по делу № А40-244083/2022.
18. Обзор практики по оспариванию брачного договора за 2024–2025 годы [Электронный ресурс] // Система Юрист. — 2025. — 9 июня. — Режим доступа: <https://www.law.ru/article/28525-osparivanie-brachnogo-dogovora-sudebnaya-praktika-za-2024-2025-gody> (дата обращения: 03.09.2026).

Увеличение уставного капитала ООО в период бракоразводного процесса: основания для признания сделки недействительной

Смирнов Евгений Николаевич, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

Статья посвящена проблеме оспаривания сделок по увеличению уставного капитала общества с ограниченной ответственностью, совершенных в период бракоразводного процесса. Исследуются основания для признания таких сделок недействительными: притворность, злоупотребление правом и нарушение прав супруга на общее имущество. Обосновывается вывод о необходимости дифференцированного подхода к оценке сделок по увеличению уставного капитала в зависимости от экономической целесообразности и эквивалентности вклада.

Ключевые слова: увеличение уставного капитала, бракоразводный процесс, притворная сделка, злоупотребление правом, доля в уставном капитале, совместная собственность супругов, подсудность.

Корпоративные конфликты, возникающие в период бракоразводных процессов, представляют значительную практическую сложность. В юридической ли-

тературе обоснованно отмечается, что семейные риски представляют существенную угрозу стабильности бизнеса, что подтверждается как судебной практикой, так

и корпоративными конфликтами последних лет [1, с. 96]. Одним из наиболее распространенных инструментов, используемых участниками хозяйственных обществ, выступает увеличение уставного капитала за счет вклада третьего лица. Формально данная процедура направлена на привлечение инвестиций в деятельность общества, однако в условиях семейного конфликта она нередко применяется для уменьшения доли супруга в общем имуществе, уклонения от алиментных обязательств или вывода активов из-под раздела.

Центральный вопрос, требующий разрешения, состоит в определении юридической природы увеличения уставного капитала. Является ли такое изменение состава участников сделкой по отчуждению доли или обычной хозяйственной операцией, не затрагивающей прав супруга на общее имущество? От ответа на данный вопрос зависят квалификация сделки, определение надлежащей юрисдикции и выбор способов защиты прав заинтересованных лиц.

Фундаментальная проблема рассматриваемой категории споров обусловлена дуалистической природой доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. В соответствии с пунктом 2 статьи 34 Семейного кодекса Российской Федерации [2] (далее — СК РФ) имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью. К такому имуществу относятся, в частности, доли в капитале, внесенные в коммерческие организации.

Вместе с тем доля в уставном капитале не является обычным имущественным объектом. Как справедливо отмечается в доктрине, «право собственности, будучи вещным правом, возникает в отношении вещей, к которым доля в уставном капитале не относится ввиду ее бестелесного существования» [3, с. 82]. Статья 8 Федерального закона от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [4] (далее — Закон № 14-ФЗ) наделяет участника общества корпоративными правами, которые носят личный характер и неразрывно связаны с личностью участника, внесенного в единый государственный реестр юридических лиц.

Как обоснованно отмечают С. С. Желонкин и О. А. Макарова, «имущественное право на долю входит в содержание брачно-семейных отношений, тогда как права, обусловленные владением долей, составляют содержание корпоративных отношений» [3, с. 93]. Супруг участника общества, не внесенный в реестр в качестве участника, по отношению к обществу является третьим лицом, однако же увеличение уставного капитала за счет вклада третьего лица имеет иную правовую природу, нежели отчуждение доли.

Верховный Суд Российской Федерации в Определении СКЭС от 5 сентября 2024 года № 302-ЭС24-6555 указал, что «поскольку доля в уставном капитале отражает объем обязательственных прав участника в отношении имущества общества, принятие в ООО нового участника и внесение им вклада влекут изменение (перераспределение) долей участия и по общему правилу должны приводить к увеличению чистых активов общества, а, следова-

тельно, — и действительной стоимости долей в уставном капитале. Простое изменение относительного размера доли в уставном капитале, выраженного в процентах, не свидетельствует об отчуждении доли» [5].

Поводом для формирования единообразной судебной практики послужило дело № А19-24434/2022. Общество создано Левчуком О. В. до заключения брака с уставным капиталом 10 000 рублей. В период бракоразводного процесса Левчук принял решение об увеличении уставного капитала до 100 000 рублей за счет вклада третьего лица (двоюродного брата), который внес 90 000 рублей. В результате доля Левчука уменьшилась до 10 процентов [5].

Супруга обратилась в суд с требованиями о признании сделки недействительной, полагая, что сделка является притворной и прикрывает отчуждение части доли, совершена без ее нотариального согласия с целью уменьшения совместно нажитого имущества [5].

Суд первой инстанции удовлетворил иск, квалифицировав сделку как притворную. Апелляция отменила решение, указав, что общество создано до брака, доля является личным имуществом Левчука. Кассация поддержала первую инстанцию. Верховный Суд Российской Федерации оставил в силе постановление апелляции [5].

Суд указал, что увеличение уставного капитала за счет вклада третьего лица направлено на привлечение инвестиций, увеличение капитализации и расширение возможностей извлечения прибыли. Согласие супруги на введение в состав участников нового участника может считаться необходимым только в случаях, когда такие действия способны нарушить ее имущественные интересы, то есть повлечь уменьшение действительной стоимости доли участия в обществе [5].

Законодательством определены основания для оспаривания сделки по увеличению уставного капитала, так, например, пункт 2 статьи 170 Гражданского кодекса Российской Федерации [6] (далее — ГК РФ) признает ничтожной притворную сделку, совершенную с целью прикрыть другую сделку. Для квалификации сделки как притворной необходимо доказать, что воля всех участников была направлена на достижение иных правовых последствий. Как отмечает Е. А. Дробышева, «при заключении сделок с долями в уставном капитале ООО деятельность нотариуса в основном заключается в удостоверении свободы волеизъявления сторон» [7, с. 77]. В случае притворных сделок возникает необходимость проверки действительной воли сторон, что выходит за рамки формального нотариального удостоверения.

В судебной практике притворность может быть доказана при установлении: неэквивалентности вклада; отсутствия экономической целесообразности для общества; последующего выхода супруга из общества; совершения сделки с близким родственником при отсутствии надлежащего обоснования [8].

Статья 10 ГК РФ устанавливает недопустимость осуществления гражданских прав с намерением причинить вред другому лицу. В пункте 7 Постановления Пленума

Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 года № 25 разъяснено, что сделка, нарушающая запрет статьи 10 ГК РФ, может быть признана недействительной [9].

Как обоснованно отмечают Е. А. Дейко и Л. В. Кудрявцева, «злоупотребление правом в корпоративных отношениях часто маскируется под реализацию иных, смежных прав, в том числе вытекающих из семейных, трудовых или иных обязательств» [10, с. 174]. В деле ООО «ЛСР Технологии» суд указал на признаки злоупотребления: увеличение уставного капитала за счет средств близкого родственника и проведение сделки непосредственно перед расторжением брака [8].

Пункт 3 статьи 35 СК РФ требует нотариального согласия супруга на распоряжение общим имуществом, однако увеличение уставного капитала не является сделкой по распоряжению долей. Согласие требуется только в случаях, когда действия способны уменьшить действительную стоимость доли [5].

В Постановлении Президиума ВАС РФ от 21 января 2014 года № 9913/13 указано, что «принятие супругом решения о введении в состав участников общества нового участника с внесением им неэквивалентного дополнительного вклада в уставный капитал общества может рассматриваться как сделка, противоречащая п. 2 ст. 35 СК РФ, поскольку такое действие является по существу распоряжением общим имуществом супругов» [11].

Как отмечают В. М. Кочедыкова и О. В. Кузнецова, «наиболее эффективными инструментами защиты бизнеса от семейных рисков являются брачный договор, ограничительные положения устава общества, корпоративные соглашения» [1, с. 97]. Отсутствие легального понятия «семейное предпринимательство» создает неопределенность при разрешении семейно-корпоративных споров [1, с. 97].

На основе анализа судебной практики можно выделить следующие критерии законности сделки: экономическая целесообразность (сделка должна быть направлена на привлечение инвестиций) [5]; эквивалентность вклада (вклад должен соответствовать рыночной стоимости доли) [12]; увеличение чистых активов общества [5]; отсутствие родственной связи с новым участником [8]; учет временного фактора (совершение сделки в период бракоразводного процесса подлежит оценке, но не является самостоятельным основанием для признания ее недействительной) [5].

В пункте 27 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 2 за 2026 год сформулирована правовая по-

зиция: если супруг оспаривает сделку с акциями или долями компании и требует вернуть актив в состав общего имущества для последующего раздела, такой спор имеет семейно-правовую природу и подлежит рассмотрению в суде общей юрисдикции [13]. Ранее такие споры направлялись в арбитражные суды, что создавало процессуальные коллизии [13].

Резюмируя, увеличение уставного капитала за счет вклада третьего лица, совершенное в период бракоразводного процесса, само по себе не является основанием для признания сделки недействительной. Решающее значение имеют экономическая целесообразность и эквивалентность вклада. Согласие супруги требуется только в случаях, когда сделка уменьшает действительную стоимость доли. Основаниями для оспаривания служат: притворность (ст. 170 ГК РФ), злоупотребление правом (ст. 10, 168 ГК РФ), нарушение прав супруга (ст. 35 СК РФ).

Как справедливо отмечают исследователи, «перспективными направлениями правового регулирования являются: законодательное закрепление понятия семейного предприятия; введение обязанности предпринимателей заключать брачный договор для обособления бизнес-активов» [1, с. 97].

В целях совершенствования правового регулирования предлагается: закрепить на уровне разъяснений Пленума ВС РФ критерии оценки экономической целесообразности увеличения уставного капитала; дополнить статью 35 СК РФ положением о том, что согласие супруга требуется только при уменьшении действительной стоимости доли; предусмотреть в Законе № 14-ФЗ обязанность участника раскрывать источник средств для внесения вклада, если вклад вносится родственником в период бракоразводного процесса.

Правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации, изложенная в Определении от 5 сентября 2024 года, устанавливает четкие критерии оценки сделок по увеличению уставного капитала, совершенных в период бракоразводного процесса. Данный подход предотвращает использование судебного механизма для необоснованного пересмотра корпоративных решений и одновременно защищает имущественные права супругов. Доктринальное признание брака как разновидности товарищеского соглашения [2, с. 67] позволяет более полно учитывать имущественные интересы обоих супругов при оценке корпоративных сделок.

Литература:

1. Кочедыкова В. М., Кузнецова О. В. Роль семейного права в обеспечении стабильности бизнеса: брачные договоры, корпоративные соглашения и наследственное планирование как инструменты управления рисками // Вестник экономики, управления и права. — 2026. — Т. 19. — № 2. — С. 94–101.
2. Ахмедов А. Я. Идеология оспаривания брачного договора // Lex russica. — 2025. — Т. 78. — № 1. — С. 59–70.
3. Желонкин С. С., Макарова О. А. Размытие доли в ООО: коллизионные вопросы семейных и корпоративных отношений // Философия права. — 2024. — № 2 (109). — С. 91–98.
4. Федеральный закон от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ред. От 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 7. — Ст. 785.

5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 5 сентября 2024 года № 302-ЭС24-6555 по делу № А19-24434/2022.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. От 10.06.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
7. Дробышева Е. А. Споры по нотариальному удостоверению сделок с долями в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью [Электронный ресурс] // Молодой ученый. — 2019. — № 42 (280). — С. 76–79. — Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/280/62960> (дата обращения: 03.09.2026).
8. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 19 марта 2021 года по делу № А55-5592/2020.
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2015. — № 8.
10. Дейко Е. А., Кудрявцева Л. В. Злоупотребление семейными правами при осуществлении корпоративных прав // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. — 2026. — № 1. — С. 173–178.
11. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 21 января 2014 года № 9913/13.
12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28 августа 2023 года № 305-ЭС23-8438 по делу № А40-91941/2022.
13. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2026) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 1 июля 2026 года).

Правовые механизмы реализации преддоговорных отношений с участием корпораций

Смирнова Полина Алексеевна, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

В статье проводится комплексный анализ правовых механизмов, которые опосредуют преддоговорным отношениям с участием корпоративных субъектов. Автором исследуются правовая природа преддоговорных связей, система гражданско-правовых инструментов, а также влияние антимонопольного регулирования и внутрикорпоративных процедур на динамику переговорного процесса. Особое внимание уделяется проблемам судебной защиты, включая возмещение убытков за недобросовестное ведение переговоров и оспаривание корпоративных решений. На основе анализа актуальной судебной практики и доктрины автор формулирует предложения по совершенствованию правового регулирования.

Ключевые слова: преддоговорная ответственность, корпоративные сделки, переговоры, заверения об обстоятельствах, антимонопольный контроль.

Иntenсификация экономического оборота и усложнение структуры корпоративных отношений закономерно повышают значимость преддоговорной стадии заключения сделок. Если ранее переговорный процесс воспринимался цивилистической доктриной как юридически безразличный этап, не порождающий прав и обязанностей, то современное законодательство и правоприменительная практика исходят из необходимости обеспечения добросовестности участников оборота уже на подступах к договору. Рост числа корпоративных сделок, в особенности сделок слияния и поглощения (M&A), требующих многоступенчатого согласования коммерческих условий, проверки контрагента (due diligence) и получения корпоративных одобрений, делает преддоговорную стадию критически важной для минимизации правовых рисков и защиты интересов акционеров (участников) хозяйственных обществ.

Актуальность темы обусловлена также неполной теоретической разработанностью института преддоговорной ответственности в отечественной науке и противоречивостью существующей судебной практики [7, с. 1]. Так же, в российском законодательстве отсутствует легальная дефиниция преддоговорных отношений, что порождает дискуссии относительно их правовой сущности и момента возникновения. В доктрине же некоторые исследователи определяют их как «двустороннюю обязательственную организацию, в рамках которой стороны активно взаимодействуют с целью заключения договора» [9, с. 6].

Корпоративные преддоговорные отношения обладают выраженной спецификой, которая обусловлена многосубъектным составом и необходимостью соблюдения жестких внутрикорпоративных процедур. Если при за-

ключении ординарных коммерческих сделок стороны полностью свободны в определении сроков и условий (кроме существенных), то переговоры о приобретении контрольного пакета акций, заключении акционерного соглашения либо реорганизации упираются в компетенцию совета директоров и общего собрания акционеров. Любое существенное решение на этой стадии требует не только согласования коммерческих параметров, но еще и прохождения так называемых корпоративных фильтров. Контрагент, имеющий разветвленную холдинговую структуру или признаки аффилированности с конкурентами, вынуждает вторую сторону тратить ресурсы на углубленную проверку, что объективно затягивает переговорный процесс и кратно увеличивает транзакционные издержки. Не случайно М. К. Сулейменов в своем исследовании характеризует данный этап как «сложный, многоэтапный, иногда — многомесячный... процесс переговоров сторон» [12, с. 5].

В доктрине до сих пор не сложилось единого мнения среди исследователей о правовой природе преддоговорной ответственности. Ряд исследователей настаивает на ее деликтном характере, обосновывая свою позицию тем, что вред причиняется до возникновения договорного обязательства, то есть за рамками договорных связей. Их оппоненты, опираясь на формальную логику законодателя, поместившего ст. 434.1 в общую часть обязательственного права, относят данную ответственность к квазидоговорной. Более убедительной, на наш взгляд, видится позиция, согласно которой природа такой ответственности лишена гомогенности и варьируется в зависимости от конкретного юридического факта, послужившего основанием ее возникновения. М. Д. Лисьева в своем диссертационном исследовании справедливо замечает: «природа преддоговорной ответственности не может быть однозначно определена... фактически она неоднородна» [11, с. 43]. И действительно, если стороны на преддоговорном этапе заключили отдельное соглашение о порядке ведения переговоров, то ответственность за отступление от его условий приобретает черты договорной. Если же подобное соглашение отсутствует, а вред причинен недобросовестными действиями, применению подлежат деликтные нормы с теми особенностями, что предусмотрены ст. 434.1 ГК РФ [1].

Арсенал правовых средств, используемых корпорациями на преддоговорной стадии, включает как традиционные договорные конструкции, так и специальные институты, имплементированные в ГК РФ в результате реформы обязательственного права.

Предварительный договор остается ключевым механизмом фиксации договоренностей на этапе, предшествующем заключению основного соглашения. В корпоративной практике он выполняет функцию правового резервирования [12, с. 14].

Пункт 5 статьи 434.1 ГК РФ ввел в отечественный правопорядок конструкцию соглашения о порядке ведения переговоров, данный институт совсем недолго применя-

ется на практике [1]. Стороны получают возможность подчинить переговорный процесс детальной регламентации: определить, кто и в каком объеме несет сопутствующие расходы, установить неустойку за отступление от согласованной процедуры и, что особенно важно, очертить круг сведений, подпадающих под режим конфиденциальности. При структурировании сделок M&A ценность такого инструмента возрастает кратно. Объем информации, которую продавец вынужден раскрыть о компании-цели на этапе *due diligence*, требует дополнительных гарантий сохранности. В этой связи трудно не согласиться с выводом экспертов юридической фирмы BRACE, которые указывают, что подобное соглашение «может конкретизировать требования к добросовестному ведению переговоров, устанавливать порядок распределения расходов на ведение переговоров и иные подобные права и обязанности» [15].

Заверения об обстоятельствах (ст. 431.2 ГК РФ) представляют собой важнейший механизм распределения рисков в корпоративных сделках, в особенности при купле-продаже акций или долей. Данный институт позволяет покупателю полагаться на информацию, предоставленную продавцом относительно финансового состояния компании-цели, наличия у не необходимых лицензий, отсутствия скрытых от контрагента обязательств, а также судебных споров. В случае недостоверности предоставленных заверений покупатель вправе требовать возмещения убытков или, в зависимости от условий сделки, он может отказаться от такого договора. Практика применения ст. 431.2 ГК РФ в 2025 году демонстрирует тенденцию к более сбалансированному подходу: суды все чаще учитывают, что преддоговорная проверка «внешним» покупателем не может привести к его полной осведомленности о делах приобретаемой компании, и признают право сторон на перераспределение ответственности за недостоверность заверений [14]. В то же время суды склонны вменять покупателю знание тех обстоятельств, которые он мог бы выяснить из открытых публичных источников (ЕГРЮЛ, ЕГРН, Картотека арбитражных дел), если он не проявил должной осмотрительности.

Совершение корпоративных сделок, которые направлены на приобретение крупных пакетов акций, предприятий как имущественных комплексов или установление контроля над хозяйствующим субъектом, требует учета антимонопольного законодательства.

Законодательство о защите конкуренции устанавливает пороговые значения (суммарная стоимость активов или выручка участников сделки), при превышении которых требуется получение предварительного согласия Федеральной антимонопольной службы (ФАС России) или ее последующее уведомление [2]. Как указывает Е. Ю. Борзило пороговые показатели активов достигают 7 млрд рублей (совокупные активы) и 10 млрд рублей (суммарная годовая выручка)» [8, с. 251]; конкретные величины могут корректироваться законодателем. Помимо финансовых критериев, существенное значение имеет

доля участников сделки на соответствующем товарном рынке: если один из контрагентов включен в Реестр хозяйствующих субъектов, занимающих долю более 35 %, то сделка с его участием подлежит обязательному согласованию.

Особый правовой режим установлен для сделок с участием иностранных инвесторов в отношении хозяйственных обществ, которые имеют стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства [4]. В таких случаях преддоговорная стадия удлиняется на срок рассмотрения ходатайства Правительственной комиссией, а сам факт нахождения в группе лиц приобретателя иностранного инвестора может повлечь применение ограничений [8, с. 26].

Игнорирование требований антимонопольного контроля на преддоговорной стадии порождает риск признания сделки недействительной, а также применения мер административной ответственности. В связи с этим проведение системы внутренних мер по оценке рисков нарушения антимонопольного законодательства, становится неотъемлемым элементом корпоративного управления [13].

Квалификация сделки акционерного общества в качестве крупной требует одновременного присутствия двух признаков: стоимостного (цена сделки — 25 и более процентов балансовой стоимости активов) и качественного (выход за пределы обычной хозяйственной деятельности). В 2024 году Верховный Суд скорректировал понимание качественного критерия, разъяснив, что крупной признается и сделка, по которой отчуждается актив, без него «компания не сможет работать или не сможет вести один из видов деятельности» [13]. Тем самым появилась возможность оспаривать сделки, которые при формальном соблюдении 25-процентного порога фактически прекращают основную деятельность общества.

Компетенция органов управления разграничена в зависимости от цены сделки. При стоимости от 25 % до 50 % балансовых активов решение принимает совет директоров, свыше 50 % — общее собрание акционеров квалифицированным большинством [3]. Решение об одобрении действует один год, если иной срок в нем не оговорен [13]. Публичные акционерные общества обязаны раскрывать сведения о существенных фактах, к которым относится, в частности, принятие решения о совершении крупной сделки. Кроме того, как показывает практика, если сделка была совершена без необходимого одобрения, но впоследствии одобрена (прямо или косвенно), суд может отказать в признании ее недействительной. Например, совершение второй сделки («докупка» долей) в отношении того же общества или подтверждение в договоре получения надлежащих результатов проверки может свидетельствовать о последующем одобрении [14].

Практика арбитражных судов указывает на растущую востребованность механизмов защиты на преддоговорной стадии, однако доказывание по таким спорам остается сложным. Базовым способом защиты выступает

взыскание убытков за недобросовестное ведение или срыв переговоров (ст. 434.1 ГК РФ). Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 7 сформулировал ключевой ориентир: «в результате возмещения убытков... потерпевший должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы не вступал в переговоры с недобросовестным контрагентом» [5]. Под убытками здесь понимается реальный ущерб — затраты на *due diligence* (разумные расходы на подготовку к заключению договора), оплату юридического сопровождения, а также упущенная выгода от несостоявшейся сделки с третьим лицом.

Главную трудность для истца составляет доказывание недобросовестности контрагента. Пленум Верховного Суда РФ исходит из презумпции: «предполагается, что каждая из сторон переговоров действует добросовестно и само по себе прекращение переговоров без указания мотивов отказа не свидетельствует о недобросовестности соответствующей стороны» [5]. Вместе с тем практика признает злоупотреблением правом внезапный и немотивированный срыв переговоров на завершающей стадии, когда поведение ответчика уже породило у контрагента разумные ожидания заключения договора. Верховный Суд РФ разграничил допустимое и недопустимое поведение: параллельные переговоры и выбор лучшего предложения сами по себе правомерны, но умолчание о прекращении переговоров при сформированных ожиданиях сделки может квалифицироваться как недобросовестность [6].

В корпоративных сделках особую остроту приобретает оспаривание договоров и решений органов управления. Обнаружение недостоверных заверений о существенных обстоятельствах компании-цели даёт потерпевшей стороне право требовать не только возмещения убытков, но и признания сделки недействительной по ст. 178 или 179 ГК РФ [1]. Если же срыв заключения основного договора вызван недобросовестным поведением мажоритарного акционера либо единоличного исполнительного органа, умышленно заблокировавших корпоративное одобрение, пострадавший контрагент вправе ставить вопрос о взыскании причинённых таким бездействием убытков.

В таблице 1 систематизированы основные риски и правовые механизмы их минимизации на различных этапах преддоговорной стадии в корпоративных отношениях.

Проведенный анализ свидетельствует: система правовых механизмов, опосредующих преддоговорные отношения корпораций, находится в стадии активного становления. Появление в ГК РФ заверений об обстоятельствах и соглашения о порядке ведения переговоров создало нормативную базу для структурирования переговорного процесса и распределения рисков, однако действенность этих инструментов упирается в противоречивую правоприменительную практику — прежде всего по вопросам исчисления убытков и определения стандарта должной осмотрительности.

Специфика корпоративных преддоговорных отношений задана жесткими внутрикорпоративными процедурами одобрения сделок и императивами антимо-

Таблица 1. Систематизация правовых механизмов минимизации рисков на преддоговорной стадии корпоративных сделок

Этап преддоговорной стадии	Основной риск	Применимый правовой механизм	Правовое основание
Инициирование переговоров	Недобросовестное вступление в переговоры с целью получения конфиденциальной информации	Заключение соглашения о конфиденциальности (NDA) или соглашения о порядке ведения переговоров	П. 4, 5 ст. 434.1 ГК РФ
Проверка контрагента (Due Diligence)	Предоставление продавцом недостоверных сведений о компании-цели	Получение от продавца заверений об обстоятельствах	Ст. 431.2 ГК РФ
Согласование условий	Срыв переговоров после согласования ключевых коммерческих условий	Взыскание убытков за недобросовестное прекращение переговоров	П. 3 ст. 434.1 ГК РФ
Корпоративное одобрение	Отказ органа управления в одобрении сделки или затягивание процедуры	Фиксация обязанности получить одобрение в предварительном договоре; взыскание убытков	Ст. 429 ГК РФ, ст. 15 ГК РФ
Антимонопольный контроль	Признание сделки недействительной из-за отсутствия согласия ФАС	Предварительное согласование сделки с антимонопольным органом	Глава 7 Закона о защите конкуренции

нопольного законодательства. Пренебрежение этими требованиями грозит не только имущественными потерями, но и аннулированием правового результата сделки. Дальнейшее развитие регулирования должно идти по пути унификации оценки добросовестности, уточнения

методик расчёта убытков и расширения внесудебных механизмов урегулирования преддоговорных споров. Перспективным направлением остаётся внедрение антимонопольного комплаенса, позволяющего минимизировать риски уже на этапе планирования сделки.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. О защите конкуренции: Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (ч. 1). — Ст. 3434.
3. Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 1.
4. О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства: Федеральный закон от 29.04.2008 № 57-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2008. — № 18. — Ст. 1940.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (ред. от 22.06.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2016. — № 5.
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29.01.2020 № 305-ЭС19-19395 по делу № А40-98757/2018 // Картотека арбитражных дел. — URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 10.04.2026).
7. Батанов А. А. Особенности правового регулирования преддоговорных соглашений в странах общего права: некоторые аспекты // Юридическая наука. — 2023. — № 10. — С. 77–81.
8. Борзило Е. Ю. Антимонопольные риски предпринимательской деятельности: научно-практическое руководство. — М.: Статут, 2014. — 335 с.
9. Дмитриева М. Г. Понятие, правовая природа и отличительные черты переговоров и преддоговорных правоотношений // Молодой учёный. — 2026. — № 6 (609). — С. 255–259.
10. Лаврикова Н. И. Антимонопольный комплаенс: учебно-методическое пособие. — Орёл: Академия ФСО России, 2021. — 81 с.
11. Лисьева М. Д. Преддоговорная ответственность в гражданском праве России: магистерская диссертация. — Томск, 2020. — 72 с.

12. Сулейменов М. К. Преддоговорные отношения // Юридическая наука. — 2022. — № 4. — С. 1–15.
13. Как одобрить крупную сделку для АО // Система Юрист. — URL: <https://www.1jur.ru/article/kak-odobrit-krupnuyu-sdelku-dlya-ao> (дата обращения: 10.04.2026).
14. Мамагешвили В. Тенденции в судебной практике по заверениям об обстоятельствах // Право.ru. — 19.11.2025. — URL: <https://pravo.ru/story/256789/> (дата обращения: 10.04.2026).
15. Переговоры и преддоговорная ответственность: правовой анализ и судебная практика по ст. 434.1 ГК РФ // Юридическая фирма BRACE. — 28.04.2022. — URL: <https://brace-llf.com/analytics/> (дата обращения: 10.04.2026).

Преддоговорная ответственность корпораций: основания и объем возмещаемых убытков

Смирнова Полина Алексеевна, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

В статье исследуются основания и объем преддоговорной ответственности с участием корпораций. Обосновывается квалификация преддоговорных отношений как организационного правоотношения особого рода (sui generis). Анализируются презумпции недобросовестности, закрепленные в статье 434.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также специфические корпоративные основания. Раскрывается содержание негативного интереса как предела возмещения убытков. Выявляются проблемы доказывания недобросовестности и определения размера убытков.

Ключевые слова: преддоговорная ответственность, корпорации, переговоры, добросовестность, убытки

Реформа гражданского законодательства 2015 года, в частности введение статьи 434.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [1], ознаменовала качественный сдвиг в понимании правовой природы переговоров, признав их не просто фактическим, но юридически значимым взаимодействием.

В корпоративной сфере проблема приобретает особую значимость, поскольку корпорации сталкиваются с необходимостью синхронизации внешних коммуникаций с внутренними управленческими процедурами, многозвенностью процесса формирования воли юридического лица, а также повышенными рисками злоупотреблений, связанных с информационной асимметрией и переговорной силой. Действующее законодательство не в полной мере учитывает указанную специфику, оставляя значительное число вопросов на усмотрение судебной практики.

Вопрос о правовой природе преддоговорной ответственности остается дискуссионным, где сформировались три основных подхода: деликтная теория, договорная теория и концепция самостоятельного организационного правоотношения [10, с. 122].

Наиболее обоснованным является подход, согласно которому преддоговорные отношения квалифицируются как организационное правоотношение особого рода (sui generis), возникающее в силу закона из факта вступления в переговоры, поскольку, как отмечает Е. В. Плотников, преддоговорные правоотношения являются самостоятельным типом правовых отношений и имеют сложную структуру, объединяющую элементы организационных, договорных и внедоговорных обязательств, а отсутствие

формальной основы в форме заключенного соглашения не позволяет однозначно указать на договорный характер правоотношений [10, с. 122].

Новеллы гражданского законодательства свидетельствуют о том, что ни законодатель, ни судебная практика, ни доктрина не выработали единой концепции преддоговорной ответственности, а по своей сути она является неоднородной, содержащей элементы как договорной, так и внедоговорной ответственности [10, с. 123].

В корпоративной сфере организационный элемент становится доминирующим, поскольку переговоры опосредуют трансформацию управленческого решения корпорации в имущественный результат, а ответственность наступает не за отказ от договора, а за нарушение процессуальных обязанностей, возникающих из самого факта вступления в переговорный контакт.

Правовая природа преддоговорной ответственности корпораций характеризуется дуализмом, сочетая охранительную функцию, направленную на защиту негативного интереса, и информационную функцию, обеспечивающую прозрачность данных, необходимых для принятия взвешенного экономического решения.

Пункт 1 статьи 434.1 ГК РФ [1] закрепляет принцип свободы переговоров, вместе с тем пункт 2 устанавливает обязанность сторон действовать добросовестно при вступлении в переговоры, в ходе их проведения и по их завершении.

Законодатель закрепил две презумпции недобросовестности: вступление в переговоры или их продолжение при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения, а также предоставление стороне неполной или не-

достоверной информации, включая умолчание об обстоятельствах, которые должны быть доведены до сведения другой стороны, при этом третьим основанием выступает внезапное и неоправданное прекращение переговоров при обстоятельствах, при которых другая сторона не могла разумно этого ожидать. Перечень не является исчерпывающим.

Важное значение имеет распределение бремени доказывания, поскольку по общему правилу, закрепленному в пункте 5 статьи 10 ГК РФ [1], добросовестность участников предполагается, и на истце лежит бремя доказывания недобросовестности ответчика, однако при наличии обстоятельств, предусмотренных подпунктами 1 и 2 пункта 2 статьи 434.1 ГК РФ, недобросовестность ответчика предполагается, и бремя доказывания переходит на него, что подтверждается позицией С. А. Ивановой [4, с. 767].

Критерии добросовестного поведения включают в себя учет прав и законных интересов сторон, оказание необходимого содействия друг другу, предоставление полной и достоверной информации [4, с. 765]. Статья 434.1 ГК РФ не дает определения переговоров, их начала и завершения, что, следовательно, затрудняет ее применение, и представляется, что следует учитывать отношения сторон до начала переговоров и стадии ведения переговоров для определения оснований, условий и сферы ответственности [10, с. 123].

В корпоративной сфере общие основания приобретают специфическое содержание.

Первым специфическим основанием является умолчание о необходимости корпоративного одобрения сделки, что подтверждается делом общества с ограниченной ответственностью Декорт против общества с ограниченной ответственностью АШАН, в котором ответчик умолчал о необходимости получения корпоративного одобрения, создав у истца ложное представление о неизбежности заключения договора [8].

Вторым основанием выступает умолчание о наличии ограничений в уставных документах, препятствующих заключению сделки, к числу которых относятся необходимость согласия совета директоров, преимущественное право акционеров, иные корпоративные процедуры.

Третьим основанием являются параллельные переговоры, которые сами по себе не являются недобросовестными, если иное не предусмотрено соглашением, что подтверждается разъяснением Верховного Суда РФ в Определении от 29 января 2020 года по делу N 305-ЭС19-19395, согласно которому умолчание об этом факте не свидетельствует о недобросовестности, однако если сторона продолжает переговоры, уже зная, что договор заключен не будет, такое поведение может быть признано недобросовестным [9].

Четвертым основанием выступает ведение переговоров неуполномоченным представителем, что подтверждается делом общества с ограниченной ответственностью Орион против акционерного общества Тандер,

в котором суд отказал в иске, указав на отсутствие у менеджера полномочий на проведение переговоров [7].

Пятым основанием является создание обоснованных ожиданий, поскольку, как отмечает А. А. Кружевникова, для образования фактора недобросовестности лицу, вступившему в переговоры, достаточно их прекратить без соответствующего уведомления либо ввести другую сторону в заблуждение относительно обстоятельств, имеющих значение для будущего договора [5, с. 97].

Центральным вопросом при определении объема преддоговорной ответственности является возмещение негативного интереса потерпевшей стороны, поскольку согласно пункту 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 года N 7 [11] потерпевший должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы не вступал в переговоры с недобросовестным контрагентом, и, как указывает Е. В. Плотников, характер убытков законодатель описал в формате негативного интереса [10, с. 123].

Пункт 3 статьи 434.1 ГК РФ [1] устанавливает, что убытками признаются расходы, понесенные в связи с ведением переговоров, а также в связи с утратой возможности заключить договор с третьим лицом. Состав возмещаемых убытков включает расходы на ведение переговоров, расходы по приготовлению к заключению договора, а также убытки, понесенные в связи с утратой возможности заключить договор с третьим лицом. Не возмещаются расходы, которые не имеют тесной связи с переговорами, чрезмерно высокие, неосмотрительно понесенные расходы, а также расходы, результаты которых могут быть использованы за рамками данных переговоров.

Определение размера возмещаемых убытков осуществляется на основе критериев причинно-следственной связи, разумности и необходимости расходов, связи с конкретными переговорами, отсутствия самостоятельной ценности для потерпевшей стороны, а также вины потерпевшего. Как отмечает М. Н. Долгополов, преддоговорный убыток представляет собой далеко не каждый преддоговорный расход, а только тот, который находится во взаимосвязи с правовой и экономической обоснованностью с учетом конкретных обстоятельств, при этом экономическая разумность расходов опосредована юридической [2, с. 216].

Особого внимания заслуживает вопрос о взыскании упущенной выгоды, поскольку, как указывает М. Н. Долгополов, к упущенной выгоде надлежит применять значительно более жесткие требования по доказыванию, так как применяться в конструкции преддоговорной ответственности она должна весьма аккуратно, рискуя фактически стать мерой не восстановления, а наказания [2, с. 216].

Анализ судебной практики позволяет выявить ряд проблем:

1) сложность доказывания недобросовестности контрагента, особенно в случаях, когда недобросовестность выражается в бездействии, что, как отмечает А. В. Чешин,

существенно затрудняет доступ потерпевших к судебной защите [12, с. 428];

2) отсутствие единообразия в судебной практике по вопросу о взыскании упущенной выгоды в рамках преддоговорной ответственности [12, с. 428];

3) определение размера возмещаемых убытков, поскольку, как отмечает в своем научном труде М. Н. Долгополов, в деле общества с ограниченной ответственностью Декорт против общества с ограниченной ответственностью АШАН [8] расчет преддоговорных убытков был произведен по ставкам арендных платежей предыдущих арендаторов, тогда как положения пункта 3 статьи 434.1 ГК РФ не устанавливают возможность взыскания неполученных доходов от расторгнутых с третьими лицами договоров, а позиция Верховного Суда РФ о постановке потерпевшей стороны в положение до вступления в недобросовестные переговоры существенно расширила специальную норму Гражданского кодекса РФ [2, с. 211];

4) доказывание вины конкретного юридического лица, состоящего в группе, поскольку, как отмечает Г. А. Мутафян, истец должен доказать, что именно ответчик, а не какой-либо другой участник в группе, совершил противоправное действие, нарушившее договор, а на практике распоряжения часто отдаются сотрудниками основного общества, а исполняются дочерним [6, с. 58];

5) определение размера убытков в группе юридических лиц, поскольку данный вопрос осложнен высокой степенью взаимозависимости ее участников и наличием трансфертного ценообразования [6, с. 59].

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд предложений по устранению вышеупомянутых проблем., так первое предложение заключается в дополнении статьи 434.1 ГК РФ нормой, прямо обязывающей сторону сообщать контрагенту о наличии или отсутствии необходимых корпоративных одобрений и ограничений в уставных документах, поскольку неисполнение этой обязанности следует презюмировать как недобросовестность.

Следующее предложение состоит в унификации понятия убытков в статье 434.1 ГК РФ по аналогии с гер-

манским подходом, поскольку, как отмечает М. Н. Долгополов, конструкция преддоговорной ответственности переводит часть чисто экономических убытков в подследственные [2, с. 217].

Третье предложение заключается в разработке критериев разграничения между переговорами и подготовкой к их началу, между предварительным договором и соглашением о ведении переговоров.

Заключительное предложение касается рекомендаций корпорациям заключать соглашения о порядке ведения переговоров с четким указанием на эксклюзивность, конфиденциальность, неустойку, определять круг уполномоченных лиц, своевременно раскрывать информацию о корпоративных процедурах.

Исследование позволяет заключить, что преддоговорная ответственность корпораций как самостоятельный вид гражданско-правовой ответственности базируется на организационном правоотношении особого рода (*sui generis*), которое возникает в силу закона из факта вступления в переговоры и характеризуется дуализмом, сочетая охранительную и информационную функции, а ее основания делятся на общие, которые предусматривает статья 434.1 ГК РФ, и специальные корпоративные, при этом объем возмещения ограничен негативным интересом стороны, которой причинен вред, и определяется критериями причинно-следственной связи, разумности, необходимости расходов, связи с переговорами, отсутствия самостоятельной ценности и вины лица, которому причинен вред, тогда как судебная практика демонстрирует сложность доказывания недобросовестности, отсутствие единообразия по взысканию упущенной выгоды и трудности определения размера убытков в группе юридических лиц, а регулирование таких убытков требует баланса общих принципов гражданского права и специфики внутригрупповых экономических связей, поскольку подходы, которые учитывают не только формальное нарушение обязательства, но и экономическую реальность корпоративных отношений, адаптируют толкование правовых норм для адекватного учета реальных правоотношений.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. N 32. Ст. 3301.
2. Долгополов М. Н. Убытки от недобросовестного ведения переговоров (преддоговорные убытки) // Современная наука: актуальные проблемы науки и практики. Серия: Экономика и Право. 2021. N 5. С. 210–217.
3. Зарина А. М., Бессонова Т. С. К вопросу о преддоговорных нарушениях // Вестник экономической безопасности. 2024. N 4. С. 53–57.
4. Иванова С. А. Реализация принципа добросовестности в преддоговорных отношениях // Образование и право. 2026. N 2. С. 764–769.
5. Кружевникова А. А. Критерии добросовестности при разрешении вопроса о преддоговорной ответственности в гражданском праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. N 1. С. 94–101.
6. Мутафян Г. А. Возмещение убытков при нарушении договорных обязательств участниками групп юридических лиц // Legal Bulletin. 2025. N 3. С. 55–63.
7. Определение Верховного Суда РФ от 17.05.2018 N 308-ЭС18–4814 по делу N А32–41814/2016.
8. Определение Верховного Суда РФ от 22.05.2018 N 305-ЭС18–1723 по делу N А41–90214/2016.

9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29.01.2020 N 305-ЭС19-19395 по делу N А40-98757/2018.
10. Плотников Е. В. Убытки в преддоговорных спорах // Вестник магистратуры. 2019. N 6-1(93). С. 122-124.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 N 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. N 5.
12. Чешин А. В. Преддоговорная ответственность в российском гражданском праве // Образование и право. 2026. N 1. С. 424-429.

Корпоративное одобрение сделок, заключаемых посредством смарт-контрактов

Тарасова Дарья Андреевна, студент магистратуры
Сибирский юридический университет (г. Омск)

Статья посвящена особенностям корпоративного одобрения сделок, заключаемых и исполняемых посредством смарт-контрактов. Рассматривается правовая природа смарт-контракта, анализируется применимость к нему норм о крупных сделках, сделках с заинтересованностью и полномочиях органов юридического лица.

Развитие технологий распределенного реестра способствует распространению смарт-контрактов, позволяющих автоматизировать заключение и исполнение гражданско-правовых сделок. Коммерческие организации могут использовать такие механизмы для расчетов с контрагентами, передачи цифровых активов, предоставления обеспечения и осуществления иных юридически значимых действий. Однако технологическая автоматизация не отменяет требований корпоративного законодательства. Если сделка обладает признаками крупной сделки или сделки с заинтересованностью, ее совершение может требовать согласия совета директоров либо общего собрания участников или акционеров.

Основная проблема состоит в том, что законодательство о корпоративном одобрении было сформировано применительно к традиционным договорам, содержание которых фиксируется в бумажном или электронном документе. Смарт-контракт представляет собой программный код, автоматически выполняющий предусмотренные алгоритмом операции при наступлении заданных условий. Вследствие этого возникают вопросы о предмете корпоративного одобрения, моменте совершения сделки, пределах полномочий лица, активирующего алгоритм, и правовых последствиях расхождения между текстом корпоративного решения и программным кодом.

Цель настоящей статьи заключается в определении особенностей применения института корпоративного одобрения к сделкам, заключаемым и исполняемым посредством смарт-контрактов.

Использование смарт-контрактов юридическими лицами вызывает вопрос о соблюдении корпоративных процедур. Если операция является крупной сделкой либо сделкой с заинтересованностью, ее заключение может требовать предварительного согласия соответствующего органа корпорации. Автоматизация исполнения не отме-

няет этих требований, но затрудняет их практическое соблюдение.

Смарт-контракт следует рассматривать не как отдельную договорную конструкцию, а как технологический способ заключения или исполнения сделки. Его программный код фиксирует условия, проверяет наступление определенных обстоятельств и автоматически осуществляет передачу цифровых активов или иное действие.

При этом код не всегда отражает содержание договоренности в полном объеме. Такие категории, как добросовестность, разумность, существенное изменение обстоятельств или злоупотребление правом, трудно формализовать. Поэтому правовые последствия операции должны определяться не только программным кодом, но и законодательством, корпоративными документами и соглашением сторон.

Российское корпоративное законодательство предусматривает специальные правила совершения крупных сделок и сделок, в которых имеется заинтересованность. В зависимости от организационно-правовой формы и обстоятельств согласие на их совершение может относиться к компетенции совета директоров или общего собрания участников.

Применение смарт-контракта не освобождает организацию от получения необходимого согласия. Корпоративное одобрение характеризует законность формирования воли юридического лица, тогда как смарт-контракт обеспечивает ее техническую реализацию. Следовательно, запуск автоматизированного исполнения должен происходить только после завершения обязательных корпоративных процедур.

Основная проблема заключается в определении момента совершения сделки. Им может быть признан момент согласования условий, размещения кода в распределенном реестре либо наступления события, запускающего

исполнение. Для снижения правовой неопределенности сторонам необходимо заранее определить в договоре, на каком этапе корпоративное одобрение должно быть получено.

Еще одна проблема связана с проверкой полномочий лица, которое инициирует смарт-контракт. Наличие у работника или руководителя цифрового ключа технически позволяет запустить операцию, но не всегда подтверждает наличие корпоративного согласия. Кроме того, автоматическое исполнение может продолжиться даже после прекращения полномочий соответствующего лица.

Нарушение порядка одобрения способно повлечь оспаривание сделки на основании статьи 173.1 ГК РФ и положений специальных законов. Однако возврат активов, переданных через блокчейн, может оказаться затруднительным из-за необратимости операций и анонимности участников. Даже признание сделки недействительной не гарантирует автоматического восстановления первоначального положения сторон.

Для согласования смарт-контрактов с корпоративными процедурами целесообразно применять механизм электронной многосторонней подписи. Исполнение сделки должно запускаться только после подтверждения со стороны всех необходимых лиц или органов корпорации.

В программный код также может быть включен цифровой аналог отлагательного условия: смарт-контракт активируется после внесения в систему решения об одобрении сделки.

Внутренние документы организации должны устанавливать порядок разработки и проверки кода, перечень лиц, имеющих доступ к цифровым ключам, лимиты автоматизированных операций и процедуру экстренной приостановки исполнения. При этом техническая остановка не должна зависеть от единственного лица, поскольку это повышает риск злоупотреблений.

Смарт-контракт представляет собой технологический способ автоматизированного исполнения обязательств и не отменяет требований корпоративного законодательства. Сделки, совершаемые с его использованием, подлежат одобрению по общим правилам о крупных сделках и сделках с заинтересованностью.

Основными рисками являются неопределенность момента совершения сделки, недостаточная проверка полномочий, необратимость операций и сложность применения последствий недействительности. Для их снижения корпоративное одобрение необходимо технически связывать с запуском смарт-контракта посредством многосторонней электронной подписи, цифровых условий и системы внутреннего контроля.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. — Текст: непосредственный.
2. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах». — Текст: непосредственный.
3. Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью». — Текст: непосредственный.
4. Савельев, А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права / А. И. Савельев. — Текст: непосредственный // Вестник гражданского права. — 2016. — № 3. — С. 32–60.
5. Новоселова, Л. А. Цифровые права как новый объект гражданского права / Л. А. Новоселова. — Текст: непосредственный // Закон. — 2019. — № 5. — С. 31–39.

Особенности договора поставки для государственных и муниципальных нужд

Уткин Александр Владиславович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В данной статье проводится всесторонний анализ современной системы государственных и муниципальных закупок в Российской Федерации, с акцентом на правовое регулирование договора поставки товаров для нужд государства и муниципалитетов. Исследуются специфические характеристики данного вида договора, его отличия от стандартной модели договора поставки, а также анализируется взаимосвязь понятий «государственный заказ» и «государственная закупка».

Детально рассматривается субъектный состав участников, а также существенные условия договора, включая предмет и цену. Особое внимание уделяется основным методам определения стоимости контракта, которые играют ключевую роль в обеспечении прозрачности и эффективности закупочных процедур. Анализируются ключевые федеральные законы, регулирующие закупки.

В заключительной части статьи выявляются основные проблемы, существующие в правовом регулировании закупок, и предлагаются комплексные решения для повышения эффективности данной системы. Особое внимание уделяется вопросам совершенствования нормативно-правовой базы, оптимизации закупочных процедур и внедрения современных технологий для повышения прозрачности и контроля в сфере государственных и муниципальных закупок.

Ключевые слова: государственные закупки, муниципальные закупки, договор поставки, муниципальный контракт, государственный контракт.

Features of the supply contract for state and municipal needs

This article provides a comprehensive analysis of the current system of state and municipal procurement in the Russian Federation, with a focus on the legal regulation of the supply contract for goods intended for the needs of the state and municipalities. The specific characteristics of this type of contract, its differences from the standard model of a supply contract, are examined, and the relationship between the concepts of “state order” and “state procurement” is analysed. The subject composition of the participants, as well as the essential terms of the contract, including the subject matter and price, are examined in detail. Special attention is paid to the main methods for determining the contract value, which play a key role in ensuring the transparency and efficiency of procurement procedures. The key federal laws regulating procurement are analyzed. In the final part of the article, the main problems existing in the legal regulation of procurement are identified, and comprehensive solutions are proposed to improve the efficiency of this system. Special attention is paid to the issues of improving the regulatory framework, optimizing procurement procedures, and introducing modern technologies to enhance transparency and control in the field of state and municipal procurement.

Keywords: public procurement, municipal procurement, supply agreement, municipal contract, state contract.

Современная система государственных и муниципальных закупок, функционирующая в рамках специального правового режима, играет ключевую роль в обеспечении эффективной работы государственных и муниципальных структур. Договор поставки товаров для государственных или муниципальных нужд (статья 526 Гражданского кодекса Российской Федерации [2]) является самостоятельным правовым институтом, который тесно переплетается с общим договором поставки. Этот договор представляет собой возмездное соглашение, в котором поставщик обязуется передать товары заказчику, а заказчик — оплатить их за счёт бюджетных или внебюджетных средств.

Договор поставки для государственных нужд представляет собой комплексный юридический механизм, предназначенный для приобретения товаров с участием государственных заказчиков, при этом финансирование осуществляется из бюджетных средств. Данный правовой институт регламентируется Гражданским кодексом Российской Федерации, который определяет основные принципы и порядок его заключения и исполнения. Государственный заказ, в свою очередь, отражает фундаментальную экономическую потребность государства, которая находит свое юридическое воплощение в системе государственных закупок. Таким образом, контракт на поставку для государственных нужд является важным инструментом в системе государственного управления, обеспечивающим эффективное и целевое использование бюджетных ресурсов для удовлетворения государственных нужд.

А. А. Демин подчеркивает, что государственный заказ представляет собой основополагающий этап, предшествующий непосредственным закупкам и являющийся их практической реализацией [6, с. 25]. Термин «государственные закупки», используемый в данном контексте, охватывает не только экономическое значение, связанное с приобретением товаров за счет бюджетных средств, но

и юридическое измерение, включающее контрактные отношения. В российской практике данное понятие также распространяется на товары, предназначенные для последующей перепродажи, а не только для удовлетворения государственных нужд.

В Бюджетном кодексе РФ «государственные закупки» определяются как бюджетные ассигнования на приобретение товаров и услуг, хотя вопросы о включении трансфертов, партийности поставок и территориальных границах закупок остаются дискуссионными [1]. Согласно 44-ФЗ, «закупка товаров, работ, услуг» — это комплекс действий от выбора поставщика до исполнения контракта [3]. Таким образом, «государственный заказ» и «государственная закупка» — взаимосвязаны, но не тождественны. Первый определяет потребность, а вторая — способ её удовлетворения. Государственная закупка является завершающим этапом реализации государственного заказа, включая приобретение необходимых товаров, работ и услуг для нужд государственных и муниципальных органов.

Поставки товаров для государственных и муниципальных нужд направлены на комплексное удовлетворение потребностей государства, включая обороноспособность, национальную безопасность и защиту жизни и здоровья граждан.

Е. В. Шаназарова и О. Е. Савельева в своем исследовании [8] обращают особое внимание на субъектный состав поставок данного вида товаров. В качестве заказчиков выступают органы государственной власти Российской Федерации, региональные органы власти субъектов РФ и органы местного самоуправления. Поставщиком-продавцом по договору поставки товаров для государственных или муниципальных нужд, как правило, является предприниматель.

Заключение государственных и муниципальных контрактов осуществляется в строгом соответствии с планом-графиком закупок, разработанным и утвержденным

в рамках действующего законодательства Российской Федерации. Финансовая поддержка данных контрактов осуществляется исключительно в пределах бюджетных ассигнований, за исключением случаев, регламентированных пунктом 3 статьи 72 Бюджетного кодекса Российской Федерации.

Хаширова А. В. [9] отмечает, что правовое регулирование договоров поставки для государственных и муниципальных нужд опирается на § 4 главы 30 ГК РФ. В случае пробелов применяются Федеральный закон № 44-ФЗ от 5 апреля 2013 года и общие положения о договоре поставки из § 3 главы 30 ГК РФ, а также нормы о купле-продаже из § 1 главы 30 ГК РФ.

Федеральный закон от 18 июля 2011 года № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [4] регулирует закупочную деятельность широкого спектра организаций, включая государственные корпорации, компании с государственным участием, естественные монополии и автономные учреждения. В отличие от Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ, который устанавливает строгие рамки для процессов закупок, 223-ФЗ предоставляет заказчикам значительную автономию в выборе методов закупок, определении квалификационных требований к участникам и разработке внутренних регламентов закупочной деятельности. Эта гибкость позволяет организациям более эффективно адаптировать свои закупочные процессы к специфическим условиям и оперативно реагировать на динамические изменения рыночной конъюнктуры. Однако данная свобода предполагает повышенную ответственность за обеспечение прозрачности и результативности закупочных процедур, что требует от организаций тщательного соблюдения установленных норм и стандартов. Таким образом, несмотря на общую направленность на регулирование закупочной деятельности, 44-ФЗ и 223-ФЗ различаются в подходах к регламентации и применяются к различным категориям заказчиков, что обуславливает их функциональную дифференциацию в системе государственного и корпоративного управления закупками.

Поставки продукции для государственных нужд регулируются общими правовыми нормами и могут подчиняться специальным законам, таким как закон «О государственном материальном резерве» [5]. Эти поставки, как и коммерческие, включают передачу вещей, обычно родовых, и могут осуществляться единовременным, поэтапным способом или по заявке.

Данный вид поставки характеризуется рядом особенностей: в большинстве случаев предметом соглашения выступают вещи с родовыми признаками, но также допускается поставка индивидуально-определенных предметов. Срок выполнения обязательств может не совпадать с датой заключения договора и включать различные варианты: поэтапную, единовременную поставку или исполнение по заявке. При анализе договоров необходимо различать важные и второстепенные условия. Важные условия являются обязательными для заключения соглашения, их отсутствие де-

лает договор недействительным. Второстепенные условия не влияют на юридическую силу договора.

Для действительности договора нужно согласовать его существенные условия. Предмет договора — ключевое условие, определяющее обязательства сторон. При отсутствии согласованного предмета возникает правовая неопределенность. Предметом может быть существующая или будущая вещь (ст. 455 ГК РФ), с обязательным указанием количества и наименования для четкой определенности.

В процессе участия в государственных закупках важно тщательно согласовать ключевые параметры контракта, включая его предмет. Это необходимо для обеспечения законности и реализуемости договорных обязательств, а также для минимизации рисков, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением условий контракта.

Стоимость контракта зависит от его предмета. Статья 22 № 44-ФЗ регулирует определение и обоснование цены, включая начальную (максимальную) цену и цену при закупке у единственного поставщика. Используемые методы: сопоставимых рыночных цен, нормативный, проектно-сметный, затратный и тарифный.

В контракте должна быть твердая цена, неизменная на весь срок. Но в особых случаях, предусмотренных Правительством РФ, допускается указание ориентировочной цены, формулы расчёта или максимального значения. Эти подходы применяются при особых характеристиках объекта закупки. Обоснование цены и формулы могут быть в отдельном протоколе, который является частью контракта.

Ключевые положения договора охватывают нормы закона, условия, требующиеся для регулирования специфических отношений, а также условия, которые по закону считаются обязательными для данного типа договора. Составление этого перечня осуществляется всесторонне.

В области закупок А. А. Кондаков выявил несколько проблем:

- Ограничения законодательства, распространяющиеся только на юрлица, позволяют недобросовестным ИП участвовать в тендерах, снижая контроль. Предлагается распространить нормы на всех физических лиц.

- Дублирование функций контрактного управляющего и закупочной комиссии из-за нечеткого распределения обязанностей.

- Отсутствие четкого понятийного аппарата затрудняет применение закона.

- Отсутствие нормативного определения термина «эффективность» закупок мешает контролю за процессом.

Для оптимизации процесса государственных закупок необходимо внедрение комплекса мер, направленных на пересмотр договорных условий и модернизацию нормативно-правовой базы.

В целях минимизации рисков, связанных с коррупционными практиками и недобросовестным исполнением обязательств со стороны индивидуальных предпринимателей, необходимо расширить сферу применения нормативных актов, регулирующих процедуры государственных и муниципальных закупок, на всех потенци-

альных участников данного процесса, включая физических лиц.

Необходимо чётко определить полномочия и ответственность контрактного управляющего и закупочной комиссии, чтобы устранить неясность в их обязанностях, что затрудняет привлечение к ответственности.

Также следует устранить пробелы в законодательстве, чтобы предотвратить дробление закупок и не допускать манипуляций с заменой товаров на аналогичные.

Для обеспечения корректной интерпретации и анализа исследуемых процессов необходимо четко детерми-

нировать ключевые термины, что позволит избежать двусмысленности и субъективных трактовок. Кроме того, требуется разработать и внедрить объективные критерии и стандарты, которые позволят объективно оценивать эффективность закупочных процедур, минимизируя влияние субъективных факторов и обеспечивая прозрачность и подотчетность в данной сфере.

Таким образом, договор поставки для государственных нужд, являясь самостоятельным правовым институтом, требует всестороннего совершенствования, охватывающего как договорную практику, так и нормативную правовую базу.

Литература:

1. «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025). — Текст: электронный // Консультант Плюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 16.01.2025).
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024). — Текст: электронный // Консультант Плюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/f0e1d64b52f6095fe01c6bfc14ac6583fb4c83e3/ (дата обращения: 16.01.2025).
3. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ (последняя редакция). — Текст: электронный // Консультант Плюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 16.01.2025).
4. Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 № 223-ФЗ (последняя редакция). — Текст: электронный // Консультант Плюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964/ (дата обращения: 16.01.2025).
5. Федеральный закон «О государственном материальном резерве» от 29.12.1994 № 79-ФЗ (последняя редакция). — Текст: электронный // Консультант Плюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5435/ (дата обращения: 16.01.2025).
6. Демин А. В. Публично-правовой аспект государственного контракта / А. В. Демин // Право. — 2015. — № 3. — С. 23–27.
7. Кондаков А. А. Проблемы Гражданско-правового регулирования договора поставки товаров для государственных нужд // Скиф. 2021. № 5 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-grazhdansko-pravovogo-regulirovaniya-dogovora-postavki-tovarov-dlya-gosudarstvennyh-nuzhd> (дата обращения: 17.01.2025).
8. Шаназарова Е. В., Савельева О. Е. Условия договора на поставку товаров для государственных и муниципальных нужд// Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-dogovora-na-postavku-tovarov-dlya-gosudarstvennyh-i-munitsipalnyh-nuzhd> (дата обращения: 15.01.2025).
9. Хаширова А. В. Правовое регулирование договора поставки товаров для государственных и муниципальных нужд// Вестник магистратуры. 2019. № 1–1 (88). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-dogovora-postavki-tovarov-dlya-gosudarstvennyh-i-munitsipalnyh-nuzhd> (дата обращения: 17.01.2025).

Розыск военнослужащих, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда: теоретико-правовые основы и проблемы правоприменения

Федченко Сергей Сергеевич, студент
Московский университет «Синергия»

В статье рассматриваются особенности организации и осуществления розыска военнослужащих, уклоняющихся от уголовного преследования. Анализируются нормативно-правовые основания розыскной деятельности в отношении данной категории лиц, специфика взаимодействия военных следственных органов с иными правоохранительными структурами. Исследуются проблемные вопросы квалификации действий военнослужащих как «скрывшихся от следствия»,

критерии разграничения законного отсутствия и умышленного уклонения. Особое внимание уделяется современным цифровым технологиям поиска и международно-правовому сотрудничеству при розыске военнослужащих за пределами территории Российской Федерации.

Ключевые слова: военнослужащий, оперативно-розыскная деятельность, розыскная работа, органы военной юстиции, приостановление предварительного следствия, уклонение от следствия, военные следственные органы Следственного комитета РФ.

Институт розыска лиц, скрывающихся от правосудия, является одним из старейших и наиболее важных элементов уголовно-процессуальной системы любого государства. Его основная цель — обеспечение принципа неотвратимости наказания и восстановление нормального хода уголовного судопроизводства. Однако применительно к такой специфической категории субъектов, как военнослужащие, данный институт приобретает особую сложность и многогранность [2].

Статус военнослужащего накладывает отпечаток на все аспекты его правового положения, включая порядок привлечения к уголовной ответственности и процедуру розыска. Сочетание норм военного законодательства, Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) и Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» создает уникальную правовую конструкцию, требующую детального научного осмысления. Актуальность темы обусловлена не только статистическими данными о количестве военнослужащих, находящихся в розыске, но и трансформацией самих способов уклонения от следствия в условиях цифровизации общества и изменения характера военной службы [5].

Целью настоящей статьи является комплексный анализ правовых основ и практических механизмов розыска военнослужащих, а также выявление пробелов в законодательстве и предложение путей их устранения.

Основой для осуществления розыскных мероприятий выступает Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Статья 2 данного закона прямо указывает на осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, как одну из ключевых задач ОРД [3].

Однако специфика субъекта — военнослужащего — требует обращения к специальным нормам:

Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Регламентирует основания для объявления лица в розыск (ст. 208, 210 УПК РФ) и порядок приостановления производства по делу. Важнейшей новеллой последних лет стало развитие дискуссии о возможности проведения отдельных следственных действий даже после приостановления дела, что критически важно для эффективного розыска [1].

Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» и общевоинские уставы. Определяют обязанности военнослужащего находиться в распоряжении части или следовать установленному порядку убытия. Нарушение этих правил часто становится первичным основанием для подозрения в уклонении.

Подзаконные акты Министерства обороны РФ и приказы Председателя СКР, регламентирующие взаимодействие между органами внутренних дел, ФСБ и военными следственными органами.

Как отмечает Д. А. Гринева, понятие «розыскная работа» соотносится с «оперативно-розыскной деятельностью» как частное с общим. Розыскная работа представляет собой комплексную систему мер профилактического, административного, уголовно-процессуального и поискового характера [1]. Для военнослужащих эта система усложняется необходимостью координации между гражданской полицией и комендантскими патрулями, военной полицией.

Военнослужащий может скрыться от органов следствия на разных этапах прохождения службы: будучи срочником, контрактником или курсантом военного учебного заведения. Это определяет компетенцию органа, осуществляющего розыск.

Если преступление совершено в период прохождения службы и связано с ней, уголовное дело находится в производстве военных следственных органов СК России. Соответственно, решение об объявлении в розыск принимает руководитель военного следственного отдела.

Основаниями для начала розыскных мероприятий являются:

- Неявка военнослужащего по вызовам следователя или суда без уважительных причин.
- Фактическое отсутствие по месту службы или жительства, когда местонахождение неизвестно.
- Совершение побега из-под стражи или из расположения воинской части (ст. 313 УК РФ).

Одной из главных проблем правоприменения является разграничение временного отсутствия (например, самовольное оставление части — СОЧ, ст. 337 УК РФ) и целенаправленного уклонения от следствия по другому составу преступления. Зачастую военнослужащий совершает СОЧ, а затем выясняется, что он причастен к более тяжкому преступлению. Следователю необходимо доказать умысел именно на сокрытие от расследования конкретного дела, что требует анализа всей совокупности обстоятельств [5].

Традиционные методы (обработка связей, проверка адресов родственников, засады) дополняются современными технологическими решениями. В контексте розыска военнослужащих особое значение имеют:

Геолокационный контроль. Получение сведений о соединениях абонентских устройств и биллинге позволяет установить перемещение лица. Как указы-

вают Н. Н. Ковтун и Д. В. Ростов, запрет на проведение таких действий по приостановленному делу существенно снижает эффективность розыска и нуждается в пересмотре [1].

Анализ цифрового следа. Социальные сети, мессенджеры, использование банковских карт оставляют следы, которые оперативные подразделения научились эффективно анализировать.

Межведомственное взаимодействие. Ключевую роль играет обмен информацией между ГИАЦ МВД России, где формируется федеральная база розыска, и информационными системами Минобороны и Главной военной прокуратуры.

Особая категория — военнослужащие, скрывающиеся за границей. Здесь задействуется механизм международного розыска через каналы Интерпола и прямые соглашения с министерствами внутренних дел союзных государств (например, Республики Беларусь), что имеет высокую эффективность ввиду схожести баз данных и прозрачности границ Союзного государства [1].

Несмотря на наличие правовой базы, практика сталкивается с рядом системных трудностей:

Бюрократическая инерция. Передача информации от командира части к военному комиссариату, оттуда в полицию и далее в базу розыска занимает время, достаточное для того, чтобы лицо покинуло регион.

Создание единой цифровой платформы учета личного состава ВС РФ с автоматическим уведомлением правоохранительных органов о фактах невозвращения из увольнительной/отпуска.

Проблема статуса «скрывающегося». Судебная практика показывает неоднозначность трактовки факта неявки. Некоторые суды требуют доказательств активных

действий по маскировке, другие считают достаточным простой факт неустановленного местонахождения [1].

Разъяснение Пленума Верховного Суда РФ относительно критериев признания военнослужащего скрывающимся, учитывающее специфику казарменного положения и ограниченного доступа к средствам связи.

Конкуренция составов преступлений. Часто действия военнослужащего квалифицируются одновременно по ст. 337 УК РФ (СОЧ) и по той статье, от расследования которой он уклоняется. Возникает вопрос о подсудности и необходимости соединения уголовных дел.

Закрепление в УПК РФ правила приоритетной подследственности, согласно которому расследование всех деяний скрывшегося военнослужащего концентрируется в одном органе для исключения противоречий [1].

Розыск военнослужащих, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, представляет собой сложный междисциплинарный процесс, находящийся на стыке уголовного процесса, административного права и военного управления. Эффективность этой деятельности напрямую влияет на обороноспособность страны и авторитет военной службы.

Современный этап развития законодательства характеризуется попыткой адаптировать классические методы ОРД к новым реалиям цифровой среды. Однако дальнейшее повышение результативности розыска невозможно без устранения коллизий между воинскими уставами и процессуальным законодательством, а также внедрения сквозных цифровых технологий мониторинга перемещения личного состава. Баланс между интересами быстрого раскрытия преступлений и соблюдением прав разыскиваемого лица остается центральной задачей законодателя и правоприменителя.

Литература:

1. Легализация результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе Российской Федерации: монография / под общ. ред. Д. В. Фетищева. — М.: Проспект, 2025. — (Анализ соотношения ОРД и розыскной работы).
2. Григорьев В. Н., Тарасов М. Ю. О некоторых вопросах и результатах сотрудничества органов внутренних дел Российской Федерации и Республики Беларусь в сфере розыскной деятельности // Международное уголовное право и международная юстиция. — 2024. — № 2. — (Международный аспект розыска).
3. Гриненко А. В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: постатейный научно-практический комментарий. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2026. — (Актуальный доктринальный комментарий к процедурам ОРД).
4. Ковтун Н. Н., Ростов Д. В. Институт приостановления производства по уголовному делу: о новом «вине» и старых «мехах» // Российская юстиция. — 2023. — № 4. — (Критика запретов на следственные действия при розыске).
5. Долгих Т. Н. Основания и порядок объявления подсудимого в розыск // Подготовлен для системы Консультант-Плюс, 2026. — (Новейшая аналитика судебной практики).

К вопросу о правовых аспектах регулирования трудоустройства инвалидов в Российской Федерации

Хазирова Анастасия Андреевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассмотрены нормативно-правовые акты, закрепляющие определенные меры поддержки в области повышения инклюзивности рынка труда. Приводятся рекомендации по совершенствованию нормативно-правового регулирования трудоустройства инвалидов.

Ключевые слова: инвалид, рынок труда, трудоустройство, государственные меры поддержки.

Российская Федерация (далее — РФ), являясь правовым, социальным государством, особое внимание уделяет социальной поддержке инвалидов.

К началу 2025 года в России на учете стоят 11,1 миллиона человек

с инвалидностью, что составляет значительный процент от общего числа граждан. В настоящее время важным вектором развития трудовых отношений является повышение инклюзивности рынка труда путём оказания различных мер поддержки при трудоустройстве лицам с ограниченными возможностями здоровья (далее — ОВЗ), чьё развитие трудового потенциала изначально несколько ограничено из-за дискриминирующих факторов.

Основным законом РФ — Конституцией РФ предусмотрена возможность каждого человека реализовывать свое право на труд без каких-либо то не было дискриминирующих факторов. В Трудовом кодексе РФ (далее — ТК РФ) как основном нормативно-правовом акте, регулирующем трудовые отношения, нормы, затрагивающие правовое регулирование труда инвалидов разрознены: отсутствует глава, систематизирующая особенности реализации данной категорией лиц трудовой функции, как это сделано, например, для дистанционных работников (Глава 49.1 ТК РФ) или несовершеннолетних (Глава 42 ТК РФ).

Тем не менее, в Кодексе закреплён ряд положений, который применяется для регулирования труда: сокращённая продолжительность рабочего времени для инвалидов I и II группы (Статья 92 ТК РФ), обязанность работодателя предоставить отпуск до 60 дней без сохранения заработной платы по заявлению работника-инвалида (Статья 128 ТК РФ), запрет на привлечение без письменного согласия к сверхурочной работе и работе в ночное время (Статья 99, 96 ТК РФ), запрет в направлении в командировки без письменного согласия и без наличия медицинского заключения о надлежащем состоянии здоровья инвалида (Статья 167 ТК РФ).

Законодатель не выделяет в ТК РФ инвалидов, как отдельную категорию граждан, для регулирования труда которых требовалась бы специальная глава. Но, учитывая особенности здоровья, необходимость соблюдения работодателем индивидуальной программы реабилитации или абилитации (ИПРА) инвалида, было бы целесообразно внести изменения и сформировать главу «Особенности

регулирования труда инвалидов», которая включала бы в себя уже закреплённые особенности правового регулирования труда инвалидов, рассмотренные выше, а также:

— право инвалидов брать перерыв для проведения специальных физических упражнений при невозможности продолжать исполнение трудовой функции в виду ограниченности здоровья;

— обязанность работодателя оборудовать рабочее место инвалида в соответствии с ИПРА, в том числе подготовить здание и помещения общего пользования должным образом с целью обеспечения доступа в них работника-инвалида;

— запрет расторгать трудовой договор по инициативе работодателя в период прохождения инвалидом медицинской, социальной реабилитации.

Также возникает вопрос, почему для инвалидов III группы не установлена сокращённая продолжительность рабочего времени. Так как инвалиды I группы имеют значительные устойчивые ограничения функций организма, следовало бы установить для них более сокращённое рабочее время — 30 часов в неделю, а для инвалидов II, III группы — 35 часов в неделю [1, С. 155–156].

Одним из инструментов, который способствует инвалиду трудоустроиться, является создание специальных рабочих мест. Очевидно, что без специализированных технических устройств, оборудования, инвалиду будет проблематично осуществлять трудовую функцию. При этом ФЗ «О социальной защите инвалидов в РФ» закрепляет возможность компенсировать затраты работодателя за счёт бюджетных средств. На практике же, встречается нецелевое использование субсидированных денежных средств, бюрократические барьеры, которое не позволяет в должной мере оценить эффективность существования такой меры поддержки [2, с. 64].

В Российской Федерации, как и во многих зарубежных странах действует такой важный механизм, способствующий трудоустройству инвалидов, как квотирование рабочих мест [3, с. 1691–1692]. В Федеральном законе «О занятости населения в Российской Федерации» не закреплёно понятие «квота», его можно найти лишь в нормативно-правовых актах, действующих на региональном уровне. Также законом предусмотрен диапазон размера квоты в размере от 2 до 4 процентов, который субъект РФ вправе дифференцировать региональным актом.

Так, в Законе Камчатского края «О квотировании в Камчатском крае рабочих мест для отдельных категорий граждан, испытывающих трудности в поиске работы» закреплено понятие «квота», под которой понимается минимальное количество рабочих мест для трудоустройства отдельных категорий граждан, испытывающих трудности в поиске работы, в процентах к среднесписочной численности работников. Размер квоты для работодателей в Камчатском крае составляет:

- 2 % при численности работников более 100 человек;
- 3 % при численности работников не менее 35 человек и не более 100 человек.

При этом в данном Законе Камчатского края закреплён порядок расчета определения размера квоты при получении дробного числа, обязанности работодателей в области трудоустройства инвалидов, таких как принятие локальных нормативных актов, предоставление ежемесячного отчета в центр занятости о наличии свободных мест, о выполнении квоты, создание специальных условий труда и т. д.

Важным нововведением в процесс реализации квотирования инвалидов стала возможность работодателя выполнить квоту не путем заключения напрямую договора с инвалидом, а составлением соглашения между работодателем и организацией, которая в последующем трудоустроит лицо с ОВЗ. При этом расходы, связанные с оплатой труда принятого работника-инвалида ложатся на работодателя, заключившего данное соглашение. Данная мера безусловно положительно влияет на повышение инклюзивности трудоустройства, однако имеются недостатки у данного механизма.

Во-первых, данные работники не будут приносить экономической пользы работодателю, так как выполнять трудовую функцию и приносить эффективность в рабочий процесс по выполнению трудовой функции они будут для организации, устроившей на работу лицо с ОВЗ по соглашению, при этом статья затрат на оплату труда работника-инвалида у работодателя будет.

Во-вторых, исходя из существования организаций, специализирующихся на взаимодействии с инвалидами, можно предположить, что соглашение о приеме на работу инвалидов будет заключаться преимущественно с такими организациями. И, если по большей мере они имеют финансовую поддержку со стороны государства, то таким при наличии соглашения с работодателем, выходит «перекладывание» финансовой ответственности на бизнес, что совершенно не выгодно частным организациям [4, с. 68–69].

Предлагается целесообразным использовать соглашение с иными организациями для выполнения квотирования рабочих мест для инвалидов лишь в исключительных случаях, например, когда невозможно оборудовать помещение для передвижения лица с ОВЗ в виду технико-строительных ограничений.

С учетом наличия законодательного закрепления различных механизмов, способствующих трудоустройству инвалидов, для повышения эффективности действий органов исполнительной власти субъектов РФ, высших должных лиц субъектов РФ в рамках мероприятий для улучшения процесса интеграции инвалидов в трудовую среду целесообразно закрепить самостоятельный показатель эффективности.

Так, в Указ Президента РФ от 4 февраля 2021 г. № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» следовало бы внести такой показатель для оценки эффективности, как «Доля трудоустроенных инвалидов трудоспособного возраста». Данная мера дополнительно будет стимулировать ответственных должностных лиц проводить все необходимые мероприятия и взаимодействовать с организациями с целью улучшения инклюзивного трудоустройства.

Литература:

1. Заманов Э. Г. О некоторых вопросах правового регулирования квотирования рабочих мест для инвалидов в России // Вестник науки. 2026. Т. 5, № 3 (96). С. 152–157.
2. Люханова В. А. Правовое регулирование трудоустройства лиц с инвалидностью: баланс между трудовыми гарантиями и мерами социальной защиты // Юриспруденция, правосудие и государство: актуальные вопросы теории и практики: Сборник статей X Международной научно-практической конференции. 2026. С. 62–65.
3. Мирзабалаева Ф. И. Зарубежный опыт государственного регулирования и интеграции инвалидов в сферу занятости // Экономика труда. 2024. С. 1691–1712.
4. Жаворонков Р. Н. Реализация права инвалидов на труд в условиях современных вызовов // За права трудящихся! Гражданин как субъект трудового права: реализация и защита прав и законных интересов в условиях современных вызовов: Материалы Десятой Международной научно-практической конференции. С. 62–70.

Значение очередного заседания участников общества с ограниченной ответственностью

Чернова Елена Сергеевна, адвокат
Невская коллегия адвокатов Санкт-Петербурга

В данной статье анализируется значимость проведения очередного заседания участников общества с ограниченной ответственностью. Освещается нормативно-правовая база, на основе которой осуществляется проведение собраний. В заключение сделан вывод, какая ответственность может наступить за уклонение от проведения такого собрания.

Ключевые слова: очередное заседание участников общества ООО, собрание участников ООО, ответственность.

Правовое положение общества с ограниченной ответственностью, права и обязанности его участников, порядок проведения заседаний участников определяется Федеральным законом от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».

Несмотря на давнее и не сложное установление в законе порядка проведения в обществе с ограниченной ответственностью собраний участников, на практике, многие общества пренебрегают проведением очередного (годового) заседания своих участников. Очередным заседанием называется то, которое необходимо проводить обязательно раз в год в установленный срок. Остальные проводимые в обществе собрания в течение года называются внеочередными.

Причиной пренебрежения является, в том числе то, что протокол о проведении очередного ежегодного заседания участников не подлежит сдаче в качестве отчетности в государственные органы и зачастую руководство обществ не озадачивается хлопотами по проведению такого собрания. Представление финансовой отчетности в налоговые органы и органы статистики осуществляется без подтверждения утверждения её общим собранием, так как законодательство о бухгалтерском учете не связывает эти процедуры напрямую.

Между тем, проведение очередного заседания общего собрания участников общества является обязанностью общества. Нельзя недооценивать значимость такого собрания, поскольку на нём в обязательном порядке утверждаются годовые результаты деятельности общества и годовая бухгалтерская (финансовая) отчетность за предыдущий год. Данный вопрос является обязательным в повестке дня очередного (годового) заседания участников Общества [1, п. 2 ст. 34]. Годовая бухгалтерская отчетность должна быть утверждена [2, ч. 9 ст. 13]. Без утверждения отчетности распределение дивидендов будет незаконным. Отсутствие утвержденной годовой отчетности также может негативно сказаться на репутации общества при получении кредитов, участии в тендерах или заключении крупных сделок, так как контрагенты и банки требуют подтверждения финансовой устойчивости, подкрепленного решением высшего органа управления.

Также в повестку годового собрания участников можно включить иные вопросы, рассмотрение которых входит в полномочия заседания, и принять решения по иным назревшим в обществе вопросам.

За непроведение или несвоевременное проведение очередного (ежегодного) заседания общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью, также за нарушение порядка его проведения установлена ответственность в виде административного штрафа: на должностных лиц — от 20 000 до 30 000 рублей; на юридических лиц — от 500 000 до 700 000 рублей (ч. 11 ст. 15.23.1 КоАП РФ).

Возможность привлечения общества за нарушение сроков проведения очередного заседания общего собрания участников по ч. 11 ст. 15.23.1 КоАП РФ подтверждается сложившейся судебной практикой [4–6]. Судебная практика подтверждает, что суды привлекают общества к ответственности по ч. 11 ст. 15.23.1 КоАП РФ за уклонение от созыва очередного собрания, при этом часто назначают штраф в размере 500 000 рублей, но при наличии определенных смягчающих обстоятельств могут снизить его до 250 000 рублей [3, ч.1 и ч.2 ст. 4.1.2]. Например, Постановлением Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 19.07.2024 по делу N 16–2856/2024, суд оставил в силе назначение штрафа в размере 500 000 рублей, указав, что состав правонарушения является формальным и отсутствие вреда не свидетельствует о малозначительности деяния. А определением Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 22.08.2024 по делу № 16–2404/2024, суд счел возможным снизить размер административного штрафа ниже низшего предела, учитывая имущественное и финансовое положение юридического лица, а также характер правонарушения.

Суды часто идут навстречу юридическим лицам, снижая штраф до 250 000 рублей (половина от минимального размера), если общество докажет тяжелое финансовое положение, отсутствиеотягчающих обстоятельств или факт совершения правонарушения впервые.

Для начала проверки в отношении общества достаточно написать соответствующую жалобу в Центральный Банк РФ, который запросит документы проводились ли очередные (ежегодные собрания), соблюден ли порядок их проведения. Часто такие жалобы пишут сами же участники обществ, между которыми имеется корпоративный конфликт.

Привлекают к ответственности не только сами Общества, но и их руководителей, как должностных лиц. При этом, сумма штрафа на Общество в последующем может

быть взыскана с руководителя общества по иску участников или общества, как убытки, понесенные Обществом по вине руководителя (не выполнил должностные обязанности в части проведения ежегодного собрания участников общества). Участники общества к ответственности не привлекаются, поскольку они не являются лицами, уполномоченными созывать очередное (годовое) общее собрание.

Состав данного административного правонарушения является формальным и требует в качестве обязательного условия наступление негативных последствий для общества. В связи с чем, отсутствие вреда для общества само по себе не свидетельствует о малозначительности нарушения и не освобождает от ответственности [9]. Вместе с тем при назначении административного наказания юридическому лицу учитываются имущественное и финансовое положение юридического лица, обстоятельства, смягчающие административную ответственность, и обстоятельства, отягчающие административную ответственность [3, ч. 3 ст. 4.1].

В ситуациях, когда участники общества находятся в неприязненных отношениях, уклонение от созыва собрания может использоваться как инструмент блокировки принятия решений или способ избежать обсуждения результатов деятельности общества. Однако, если какой-то участник Общества систематически не является на собрание, это приводит к невозможности принять важное решение в Обществе, вследствие чего ущемляются права остальных участников. Участник Общества обязан участвовать в собраниях для принятия корпоративных решений.

Участник, который грубо нарушает свои обязанности или своими действиями затрудняет деятельность общества, может быть исключен из него в судебном порядке. На это указывают ст. 10 Федерального закона от 08.02.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» и ст. 67 Гражданского кодекса РФ.

При этом действующим законодательством установлен срок давности для привлечения к ответственности за не проведение очередного заседания участников общества, который составляет один год со дня совершения административного правонарушения (ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ). Срок начинает исчисляться со дня совершения правонарушения (дня, когда собрание должно было быть проведено, но не было созвано или проведено с нарушением порядка).

Литература:

1. Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (с изменениями и дополнениями).
2. Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. N 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» (с изменениями и дополнениями)
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ (КоАП РФ) (с изменениями и дополнениями);
4. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 01.10.2021 N 16–5161/2021;
5. Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 06 сентября 2024 г. по делу N 16–3283/2024;

Очередное собрание участников должно проводиться в сроки, определенные уставом общества, но не реже чем 1 раз в год, при этом не ранее чем через 2 месяца и не позднее чем через 4 месяца после окончания финансового года [1, ст. 34]. Изменение указанного срока не допускается. Если в Обществе всего один участник, то обязанность проводить ежегодное собрание отсутствует. Вместо этого участник просто принимает письменное решение [1, ст. 39].

Значение очередного(годового) заседания участников общества недооценивается. Ведь, на нём не только утверждается годовой отчет и бухгалтерская отчетность, что подтверждает одобрение участниками общества результатов работы общества и действия руководителя за прошедший год, делает законным распределение дивидендов. Это регулярный способ для участников оценить эффективность деятельности общества и управления им. Процедура обеспечивает соблюдение прав всех участников на получение информации о деятельности общества. Директор, не отчитывающийся перед участниками, фактически выходит из-под контроля, что создает риск злоупотреблений.

Таким образом, непроведение очередного (ежегодного) заседания участников общества с ограниченной ответственностью — это серьезное нарушение, которое может повлечь не только крупный штраф для компании, но и финансовые последствия для её руководителя.

Учитывая, что процедура организации очередного общего собрания участников ООО является регламентированной и при должной подготовке не представляет существенной сложности, а потенциальные административные штрафы за нарушение порядка созыва достигают

700 000 рублей, целесообразно закрепить в качестве обязательного внутреннего правила в обществе ежегодное проведение данного мероприятия. Это позволит исключить возможность привлечения общества и его должностных лиц к административной ответственности.

Проведение годового собрания — это «иммунитет» общества от корпоративных конфликтов и административных штрафов. Игнорирование этой обязанности — это не экономия времени, а накопление рисков.

В действующем законодательстве целесообразно закрепить возможность проведения собраний в упрощенном порядке для обществ с небольшим числом участников (например, через электронную почту, если это закреплено в уставе).

6. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 13 ноября 2024 г. по делу N 16–6903/2024;
7. Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 19.07.2024 по делу N 16–2856/2024;
8. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 22.08.2024 по делу N 16–2404/2024.
9. Решение Благовещенского городского суда Амурской области от 12.10.2023 по делу N 12-968/2023.

Корпоративный договор как элемент частноправового регулирования

Чечкина Полина Олеговна, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

В статье рассматриваются правовая природа корпоративного договора, его соотношение с уставом и смежными конструкциями, способы защиты прав сторон. На основе доктрины и практики 2024–2025 годов обосновывается вывод: корпоративный договор — поименованный организационный договор, сочетающий обязательственную форму и корпоративную направленность.

Ключевые слова: корпоративный договор, акционерное соглашение, хозяйственные общества, устав, корпоративный контроль, защита прав.

Институт корпоративного договора занимает особое место в системе правового регулирования хозяйственных обществ. Он позволяет участникам согласовать порядок осуществления корпоративных прав, распределить риски корпоративного конфликта и установить механизмы выхода из тупиковых ситуаций. Договорная автономия при этом действует не вместо закона и устава, а внутри очерченных ими границ: соглашение связывает прежде всего его стороны и не должно подменять компетенцию органов общества [1].

В российском праве корпоративный договор является относительно молодым институтом. Его легальное закрепление произошло в ходе реформы гражданского законодательства 2014 года. Однако вопросы правовой регламентации сохраняют высокую степень дискуссионности: проблемы предмета договора, пределов содержания, соотношения с императивными нормами и уставом, а также неоднозначность субъектного состава остаются ключевыми [2].

Российское право восприняло корпоративный договор позднее и не механически: модель статьи 67.2 ГК РФ сочетает договорную свободу с континентальным разграничением уставного и обязательственного регулирования. Предпосылки сложились в 1990-е годы: иностранные инвестиции, совместные предприятия и сделки M&A выявили недостаточность одного устава для урегулирования отношений инвесторов [3].

В середине 2000-х суды относились к акционерным соглашениям настороженно: в делах «Мегафон» и «Русский Стандарт Страхование» они отказались защищать условия, затрагивающие личный закон общества и императивный порядок управления. В 2009 году Закон об АО был дополнен статьей 32.1, а Закон об ООО — пунктом 3 статьи 8, однако легальная фиксация оказалась усечённой [4].

Федеральным законом от 05.05.2014 № 99–ФЗ ГК РФ был дополнен статьёй 67.2 о корпоративном договоре. Норма объединила ранее разрозненное регулирование

акционерных соглашений и договоров об осуществлении прав участников ООО. После реформы практика смягчилась: в деле ЗАО «Эрбитек» суд обязал сторону выкупить акции по цене, предусмотренной соглашением [5].

До реформы 2014 года доминировал обязательственно-правовой подход (Е. А. Суханов — рядовая сделка; Д. И. Степанов — особая конструкция; И. С. Шиткина — дуалистическая природа; Д. В. Ломакин — упорядочение уже существующих прав).

Таким образом, корпоративный договор следует определять как консенсуальный, обычно многосторонний организационный договор, имеющий обязательственную форму и корпоративную направленность. Он не создаёт у сторон новых корпоративных прав вопреки закону и уставу, а устанавливает согласованный режим осуществления имеющихся прав. Даже когда договор подписан всеми участниками непубличного общества, он не становится вторым уставом: его действие остаётся преимущественно относительным.

Устав и корпоративный договор выполняют разные функции: устав — учредительный документ, действующий в отношении общества и всех участников; договор связывает только его стороны. По п. 7 ст. 67.2 ГК РФ стороны не вправе ссылаться на недействительность договора из-за противоречия уставу. Однако договор не изменяет устав, не связывает общество и не позволяет нарушать обязательные процедуры.

Пределы содержания корпоративного договора определяются тремя ограничениями. Первое: договор не может ущемлять права сторон, других участников, общества или третьих лиц (п. 1 ст. 10 ГК РФ). Второе: положения не должны расходиться с императивными нормами. Третье: договор не может изменить устав или освободить стороны от обязательной корпоративной процедуры. Однако само расхождение условий с уставом не влечёт недействительности договора между сторонами [6].

В доктрине сложилось два подхода к предмету корпоративного договора. Сторонники расширительного подхода (И. С. Шиткина, А. А. Осипов) исходят из того, что перечень возможных положений не должен быть жёстко ограничен действиями, прямо перечисленными в законе. Представители ограничительного подхода (Д. В. Ломакин) настаивают на том, что предмет должен быть ограничен исключительно положениями, установленными в ч. 1 ст. 32.1 Закона об АО, ч. 3 ст. 8 Закона об ООО и п. 1 ст. 67.2 ГК РФ [7].

При толковании п. 1 ст. 67.2 ГК РФ выделяется три вида предмета. Первый — соглашение, направленное на совместное осуществление корпоративных прав (единая цель, сходство с простым товариществом). Второй — соглашение, где стороны преследуют различные цели (организационный договор). Третий — соглашение о приобретении или отчуждении доли (акций) по определённой цене или при наступлении обстоятельств (сходство с куплей-продажей и опционом) [8].

Вопрос о субъектном составе окончательно не решён. Д. В. Ломакин подчёркивал, что сторонами могут быть только учредители или действующие участники. Дискуссионным является отнесение к числу сторон самого общества. Однако такие доли не учитываются при голосовании, а акции не предоставляют права голоса. Поэтому основания для отнесения общества к числу сторон отсутствуют [9].

Содержание договора образуют права и обязанности сторон и закрепляющие их конструкции: порядок голосования; регулирование оборота долей (акций); согласованные действия по управлению, созданию, реорганизации и ликвидации общества. Для тупиковых ситуаций применяются «Русская рулетка», «Техасская перестрелка» и «Голландский аукцион».

Защита прав сторон строится на сочетании общегражданских и специальных средств. Закон об АО (п. 7 ст. 32.1) допускает убытки, неустойку и компенсацию; ГК РФ (п. 6 ст. 67.2) — оспаривание решения органа и сделки нарушителя [10].

Практика 2024–2025 годов подтверждает возможность взыскания значительной договорной неустойки. По делу № А40–84274/2021 суд поддержал взыскание 4 млн рублей штрафа за голосование вопреки договору. По делу № А84–7448/2022 с участника взысканы 15 169 320 рублей убытков,

тогда как в иске к обществу отказано. По делу № А50–13449/2023 суды отказали в понуждении к продаже акции из-за неопределённости обязанности. Эти примеры показывают: суды готовы защищать договорённости, но не восполняют за стороны существенные пробелы [11].

Сравнительно-правовой анализ позволяет выделить договорную, корпоративно-уставную и смешанную модели. Английское право представляет развитую договорную модель: *shareholders' agreement* связывает подписавших его лиц, но не отменяет обязательные требования закона. Право Делавэра в 2024 году прямо подтвердило полномочие корпорации заключать договоры с акционерами (§ 122(18) DGCL). Для германского права характерна континентальная договорная модель: обязанность имеет относительный характер, договор не изменяет устав.

Российская модель является смешанной. Пункты 5 и 7 статьи 67.2 ГК РФ закрепляют договорную логику, а пункт 6 предусматривает специальные корпоративные последствия. Основная проблема российского права состоит не в недостатке перечня допустимых условий, а в исполнимости организационных обязанностей. Отсюда возникает интерес к возмещающему судебному решению — судебному акту, который заменяет несовершенное волеизъявление обязанной стороны.

Заимствование такого механизма оправданно при строгих условиях: договор должен позволять установить содержание заменяемой воли без усмотрения суда; решение не должно создавать компетенцию органа; не должны нарушаться права третьих лиц; исполнение должно оставаться фактически возможным. Нельзя установить общее правило о судебном «пересчёте голосов» при любом нарушении [12].

Таким образом, корпоративный договор выступает самостоятельным элементом частноправового регулирования, расположенным между уставным устройством корпорации и обычным имущественным обязательством. Российская смешанная модель в целом обеспечивает необходимый баланс, но нуждается в развитии механизмов исполнения, а не в отказе от разграничения договора и устава. Развитие института должно идти через повышение качества договорных формулировок, последовательную квалификацию смешанных условий и формирование предсказуемых критериев судебной защиты [13].

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.01.2016).
2. Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации».
3. Степкин С. П. Гражданско-правовой институт акционерных соглашений. — М., 2011.
4. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «Об акционерных обществах».
5. Постановление АС Московского округа от 29.01.2015 по делу № А40–47005/2014.
6. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под ред. В. А. Белова. — М., 2007.
7. Осипов А. А. Соглашения между акционерами как вид гражданско-правового договора // Право и образование. 2009. № 12.

8. Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения. — М., 2001.
9. Костырко А. Б. Акционерные соглашения: проблемы и перспективы // Закон. 2007. № 12.
10. Постановление Пленума ВАС РФ от 22.12.2011 № 81.
11. Постановление Девятого ААС от 26.02.2024 по делу № А40–84274/2021; Постановление АС Центрального округа от 09.04.2024 по делу № А84–7448/2022; Постановление АС Уральского округа от 04.03.2025 по делу № А50–13449/2023.
12. Богусевич С. И. О возможности противопоставления корпорации корпоративного договора // Актуальные проблемы российского права. 2026. № 2.
13. Лаптев В. А. Корпоративный договор на современном этапе // Труды ИГП РАН. 2025. Т. 20. № 2.

Маркировка ИИ-контента: нужна ли обязательная метка для профилактики кибербуллинга среди молодежи?

Чикомазова Дарья Евгеньевна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

В статье обосновывается необходимость внедрения обязательной маркировки контента, созданного с использованием генеративного искусственного интеллекта, как элемента комплексной системы профилактики кибербуллинга среди молодёжи. Раскрывается двойственная природа маркировки: её превентивный потенциал для формирования цифровой грамотности и технические ограничения, снижающие эффективность при изолированном применении. Анализ российской нормативно-правовой базы и зарубежного опыта выявляет пробелы в законодательном закреплении стандартов идентификации синтетического медиа и ответственности за их нарушение. Предложена двухуровневая модель маркировки, сочетающая неуничтожимые метаданные и адресную визуальную индикацию для персонализированных генераций. Обоснована необходимость интеграции технологических, санкционных и образовательных мер для формирования у молодёжи компетенции верификации ИИ-контента как условия обеспечения цифровой безопасности в современном информационном пространстве.

Ключевые слова: маркировка ИИ-контента, кибербуллинг, дипфейки, цифровая грамотность молодёжи, правовое просвещение.

Распространение генеративного искусственного интеллекта радикально изменило ландшафт цифровых угроз. Согласно данным АНО «Диалог Регионы», за январь–сентябрь 2025 года в российском сегменте интернета выявлено 342 уникальных дипфейка, что в 4,1 раза превышает показатель за весь 2024 год, а количество их копий выросло в 5,9 раза. По данным исследования «Взрослые и дети в интернете», проведённого «Лабораторией Касперского» в ноябре 2025 года (выборка — 1 157 пар родителей и детей в возрасте 6–17 лет), 13 % детей сталкивались с различными формами кибербуллинга, при этом 14 % родителей, осведомлённых о случаях травли их детей, сообщили об использовании поддельных изображений и видео, созданных с помощью нейросетей [1, 2]. Кибербуллинг с использованием ИИ-генераций приобретает массовый характер: создаются компрометирующие видео, аудиозаписи и изображения, которые распространяются в закрытых чатах и социальных сетях. В этих условиях возникает вопрос о необходимости обязательной маркировки ИИ-контента как инструмента профилактики цифрового насилия среди молодёжи.

В связи с этим, необходимо оценить эффективность обязательной маркировки как превентивной меры и опре-

делить оптимальную модель её внедрения в российское законодательство.

Аргументы за введение обязательной маркировки:

1. Наличие видимой метки «сгенерировано искусственным интеллектом» позволяет потенциальным жертвам и свидетелям кибербуллинга критически оценить контент ещё до того, как он причинит репутационный или психологический вред. Исследования показывают, что маркировка ИИ-контента значительно снижает доверие к нему: по данным Уиттенберг и соавторов (2024, N = 7 579), все протестированные виды меток снижали степень веры в утверждения, сопровождавшие ИИ-изображения, при этом метки, указывающие на потенциальную дезинформацию, также снижали готовность делиться контентом. Однако, как отмечают исследователи, простые метки «создано ИИ» ограниченно влияют на поведенческое вовлечение, что требует дополнять маркировку другими мерами — от алгоритмической детекции до медиаграмотности [3].

2. Правовая определённость при квалификации правонарушений. Обязательная метка упрощает работу правоприменителя: наличие сознательно удалённой или поддельной маркировки может свидетельствовать об умысле на распространение заведомо ложной информации. Это

особенно важно при квалификации по ст. 128.1 УК РФ (клевета) и ст. 5.61 КоАП РФ (оскорбление), где ключевым элементом является осознание ложности распространяемых сведений.

3. Воспитательный эффект и формирование цифровой грамотности. Систематическое взаимодействие с маркированным контентом формирует у молодёжи устойчивый рефлекс проверки информации — важнейший компонент цифровой правовой культуры. По аналогии с маркировкой рекламы (п. 6 ст. 10 ФЗ № 149-ФЗ) и медицинской продукции, визуальные индикаторы ИИ-происхождения должны стать частью информационного ландшафта [4].

Ограничения и контраргументы:

1. Техническая обходимость. Злоумышленники легко удаляют видимые метки с помощью простейших графических редакторов или используют нейросети, генерирующие контент без встроенных водяных знаков. По данным Роскомнадзора за I полугодие 2026 года, более 85 % выявленных дипфейков в русскоязычном сегменте интернета не содержали никакой маркировки, несмотря на наличие технических возможностей у платформ [5].

2. Риск стигматизации легитимного творчества. Избыточная маркировка может дискредитировать образовательный, художественный и развлекательный контент, созданный с помощью ИИ. EU AI Act (ст. 50) предусматривает исключения для творческих, сатирических и художественных произведений, однако чёткие критерии разграничения остаются дискуссионными [6].

3. Недостаточность как самостоятельной меры. Маркировка сама по себе не останавливает агрессора, мотивированного на причинение вреда. Без системы санкций за создание и распространение немаркированного ИИ-контента, а также без эффективных механизмов досудебного удаления, данная мера остаётся декларативной.

Сбалансированный подход: двухуровневая модель маркировки

Представляется целесообразным внедрение двухуровневой системы маркировки, сочетающей технические и визуальные элементы:

Технический уровень (обязательный для платформ): Внедрение стандарта C2PA (Coalition for Content Provenance and Authenticity) или аналогичного российского стандарта, обеспечивающего сохранение метаданных об ИИ-происхождении контента даже при его пересылке

и редактировании. Ответственность за внедрение возлагается на операторов информационных ресурсов (по аналогии со ст. 10.1 ФЗ № 149-ФЗ).

Визуальный уровень (обязательный для пользователей): Видимая маркировка требуется только для контента, имитирующего реальных физических лиц (особенно несовершеннолетних), а также для контента, связанного с новостной, политической и медицинской тематикой. Художественные генерации без привязки к реальным лицам освобождаются от обязательной визуальной метки.

Санкционный компонент: Введение административной ответственности за умышленное удаление или подделку маркировки ИИ-контента, распространяемого публично (дополнение гл. 13 КоАП РФ новой статьёй).

Маркировка должна работать в связке с правовым просвещением: включение модуля по верификации ИИ-контента в школьный курс «Основы безопасности жизнедеятельности» и в вузовские программы цифровой грамотности.

Обязательная маркировка ИИ-контента необходима, но не как панацея, а как элемент комплексной системы противодействия кибербуллингу. Её эффективность напрямую зависит от технической реализации (неуничтожимые метаданные), адресности (персонализированные генерации) и интеграции с образовательными программами.

Рекомендации:

1. Внести изменения в Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», установив обязанность операторов платформ внедрять стандарты маркировки ИИ-контента.

2. Разработать и утвердить национальный стандарт метаданных для синтетического медиа с участием Минцифры России и ведущих IT-компаний.

3. Дополнить КоАП РФ статьёй об ответственности за умышленную подделку или удаление маркировки ИИ-контента.

4. Интегрировать модуль по верификации ИИ-генераций в федеральные государственные образовательные стандарты основного и среднего общего образования.

5. Только системный подход, сочетающий технологические, правовые и образовательные меры, способен обеспечить реальную защиту молодёжи от цифровых угроз эпохи генеративного ИИ.

Литература:

1. АНО «Диалог Регионы». В России зафиксирован исторический максимум распространения дипфейков: пресс-релиз от 6 окт. 2025 г. / АНО «Диалог Регионы» // Газета.ру: [информационный интернет-портал]. — Москва, 2025. — URL: (дата обращения: 30.08.2026).
2. Онлайн-коммуникация с незнакомцами и дипфейки как инструмент травли: отчёт «Взрослые и дети в интернете» (ноябрь 2025 г.) / «Лаборатория Касперского». — Москва, 2025. — URL: (дата обращения: 30.08.2026).
3. Wittenberg C. Labeling AI-Generated Media Online / C. Wittenberg [et al.] // PNAS. — 2024. — URL: (дата обращения: 30.08.2026).

4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 36.06.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (ч. 1). — Ст. 3448.
5. Отчёт Роскомнадзора о правоприменительной практике в сфере регулирования ИИ-контента за I полугодие 2026 года. — М., 2026. — С. 18–22.
6. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. L 2024/1689. Art. 50.

Конкуренция исков в цивилистическом процессе: понятие, истоки и сущность

Шиловских Артем Николаевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Саламатова Марина Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент

Новосибирский государственный университет экономики и управления

В настоящее время подача иска в суд как одно из основных способов защиты нарушенных прав граждан и организаций имеет особое значение. Правильный выбор способа защиты прав позволяет избежать необоснованных судебных расходов, затягивания судебного разбирательства, риска отказа в удовлетворении исковых требований, а также обеспечивает эффективное восстановление нарушенных прав и законных интересов. Все вышеперечисленное вызывает необходимость в изучении вопроса о конкуренции исков.

Постоянное совершенствование законодательства и стремительное развитие цивилистического процесса обуславливают возникновение новых правовых конструкций и механизмов, что способствует усложнению существующих категорий юридической практики. Одним из ярких примеров подобного развития и является институт конкуренции исков.

Актуальность данной темы обусловлена наличием дискуссий по вопросу конкуренции исков в цивилистическом процессе, причем не только среди ученых-юристов, но и юристов-практиков.

Для написания работы детально были изучены труды А. А. Токаревой, которая всесторонне рассмотрела вопрос конкуренции исков. Научные статьи вышеуказанного автора освещают как общие положения о конкуренции исков, в частности, понятие, сущность и виды, так и более актуальные вопросы, например, особенности конкуренции конкретных исков, разрешения споров судами при конкуренции исков и так далее. Также нами были изучены научные труды следующих авторов: Г. А. Амбарцумяна, С. Ф. Афанасьева и Е. Н. Холмогоровой.

Цель данной работы состоит в изучении проблемы конкуренции исков в цивилистическом процессе.

Конкуренция исков как правовое явление берет свое начало из римского права. Она возникала в тех ситуациях, когда одна сторона имеет возможность подать несколько исков, направленных на достижение одной цели. Римские юристы считали, что при наличии конкурирующих исков они не могут быть удовлетворены одновре-

менно [4]. В целом римляне утверждали, что выбор конкретного способа защиты прав не может в дальнейшем быть изменен.

В настоящее время отсутствует единое понимание понятия «конкуренция исков», что безусловно негативно сказывается на юридической практике. Стоит отметить, что в целом среди ученых-юристов складывается отрицательное отношение к конкуренции исков. В связи с этим считаем необходимым рассмотреть различные точки зрения относительно вышеуказанного понятия.

Так, например, Ю. С. Гамбаров пишет, что «это судебное осуществление одного из многих притязаний, представляющих собой различные средства для достижения одной и той же цели» [1].

М. А. Ерохова определяет конкуренцию исков сразу в двух ее смыслах: в объективном и субъективном. Согласно первому пониманию «это множественность вариантов требований, вытекающих из одних и тех же юридических обстоятельств, а согласно второму — это выбор конкретного вида требования в рамках гражданских правоотношений» [2].

Е. Н. Холмогорова указывает, что конкуренция исков — это «ситуация, когда для достижения одного результата лицу предлагается использовать несколько вариантов защиты нарушенного права» [4].

Д. В. Лоренц пишет, что под конкуренцией исков следует понимать «ситуацию, когда несколько различных по природе, но тождественных по характеру притязаний принадлежат одному лицу и направлены против одного нарушителя» [1].

В. В. Груздев считает, что конкуренция исков — «это вероятность изначально неограниченного выбора одного из составляющих между собой юридических средств защиты» [2].

Рассмотрев несколько точек зрения относительно понятия «конкуренция исков» мы считаем, что наиболее подходящим определением данного понятия является именно определение М. А. Ероховой. Точки зрения других авторов безусловно имеют право на существование, они также описывают понятие конкуренции исков. Однако их

описание не так полно отражает сущность рассматриваемого нами правового явления.

Наша позиция обусловлена в первую очередь тем, что автор рассматривает конкуренцию исков сразу с двух сторон: объективной (наличие множества требований, каждое из которых может основываться на одном и том же юридическом факте) и субъективной (выбор конкретного иска среди всех имеющихся). Подобное двойственное толкование приводит к более глубокому пониманию юридической «природы» конкуренции исков. Данный подход подчеркивает как наличие правовых оснований различных требований, так и свободу субъекта в выборе конкретного иска как способа защиты нарушенных прав.

Помимо того, что в настоящий момент отсутствует единое понятие «конкуренция исков», даже не смотря на длительность существования данного правового явления, также не сложилось и единого мнения в целом о его возникновении. Некоторые юристы считают, что конкуренция исков может быть допустима, другие же пишут об

обратном и утверждают о невозможности ее возникновения [3].

По-нашему мнению мы не просто можем говорить о конкуренции исков, но и должны о нем говорить. Наличие такого правового явления обусловлено самой природой цивилистического процесса. Конкуренция исков отражает реальную сложность взаимоотношений субъектов гражданского оборота, особенно в условиях многообразия договорных обязательств. Вместе с этим, конкуренция исков отвечает принципу цивилистического процесса — диспозитивность.

Таким образом, термин «конкуренция исков» возникает тогда, когда одно лицо имеет право предъявить разные иски, которые в итоге позволят достичь одного и того же результата в рамках цивилистического процесса. Выбор конкретного иска зависит от обстоятельств дела, характера самого нарушения прав и целей истца по делу. В целом конкуренция исков как правовое явление является необходимым условием эффективного правосудия.

Литература:

1. Амбарцумян Г. А. Конкуренция исков в российской научной доктрине гражданского права / Г. А. Амбарцумян // Актуальные проблемы частного права в российской Федерации: сборник статей III ежегодной Всероссийской студенческой научно-практической конференции, Симферополь, 19 марта 2020 года. — Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2020. — С. 11–17. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43800335>
2. Афанасьев С. Ф., Токарева А. А. К вопросу о конкуренции исков в цивилистическом процессе // С. Ф. Афанасьев, А. А. Токарева / Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2018. — № 4(123). — С. 81–87. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35572260>
3. Токарева А. А. О конкуренции исков в цивилистическом процессе / А. А. Токарева // Цивилистика: право и процесс. — 2018. — № 1. — С. 100–103. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38196983>
4. Холмогорова Е. Н. Конкуренция исков в гражданском праве: понятие и сравнительный анализ в правовых системах / Е. Н. Холмогорова // ExLegis: правовые исследования. — 2021. — № 4. — С. 33–35. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50739887>

Роль аппарата Национального антитеррористического комитета во главе с Директором ФСБ России в координации единой системы публичной власти при противодействии терроризму

Шубин Валерий Николаевич, студент магистратуры
Тамбовский государственный технический университет

В статье рассматриваются институционально-правовые основы и практические аспекты координации деятельности органов единой системы публичной власти при противодействии терроризму. Особое внимание уделено роли Национального антитеррористического комитета (НАК) и его аппарата, возглавляемого Директором Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Научная новизна работы заключается в разработке трехконтурной матрицы функционального сопряжения субъектов публичной власти при ведущей роли НАК. Анализируются механизмы межведомственного взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, региональных и муниципальных структур в рамках единой вертикали управления.

Ключевые слова: Национальный антитеррористический комитет, ФСБ России, единая система публичной власти, противодействие терроризму, национальная безопасность, координация, аппарат НАК.

В современных условиях обеспечение национальной безопасности Российской Федерации выступает в качестве важнейшего стратегического приоритета государственной политики. Трансформация характера угроз террористического и экстремистского характера требует постоянного совершенствования механизмов взаимодействия всех уровней управления [3, с. 96]. С принятием конституционных поправок в отечественном правовом поле прочно закрепилось понятие единой системы публичной власти, объединяющей федеральные государственные органы, органы государственной власти субъектов РФ, иные государственные органы и органы местного самоуправления в единый слаженный механизм.

Эффективность функционирования данной системы в сфере противодействия терроризму во многом определяется качеством межведомственной координации. Центральное место в этом процессе занимает Национальный антитеррористический комитет (НАК) — координирующий орган, деятельность которого обеспечивает объединение усилий государства и общества [2, с. 82].

Институционально-правовые основы деятельности аппарата НАК

Создание и развитие российской системы противодействия терроризму отражают объективную необходимость централизации ресурсов для нейтрализации деструктивных проявлений [1, с. 45]. В архитектуре этой системы ключевая роль принадлежит аппарату НАК, деятельность которого организуется и направляется Председателем Комитета — Директором Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

Возглавляя одновременно ключевой орган специальной компетенции в сфере безопасности и высший антитеррористический координационный орган, Директор ФСБ России обеспечивает синергетический эффект при реализации полномочий различных уровней публичной власти [5, с. 37]. Аппарат НАК выступает в качестве рабочего органа, обеспечивающего подготовку решений Комитета, контроль за их исполнением, а также экспертно-аналитическое сопровождение принимаемых мер.

Как подчеркивают исследователи Р. В. Чара и Н. С. Ракша, НАК представляет собой важнейший институт обеспе-

чения национальной безопасности, интегрирующий усилия всех ветвей и уровней власти [6, с. 344]. При этом аппарат НАК осуществляет постоянную методическую поддержку региональных структур, обеспечивая единство правоприменительной практики на всей территории страны.

Взаимодействие органов ФСБ и публичной власти

Органы Федеральной службы безопасности занимают базовое положение в системе обеспечения безопасности государства, образуя фундамент для реализации оперативно-розыскных и контртеррористических мероприятий [5, с. 38]. В условиях интеграции публичной власти координационный потенциал НАК позволяет эффективно преодолевать ведомственную разобщенность.

Как справедливо указывает М. Г. Курбанов, противодействие политическому экстремизму и терроризму должно рассматриваться как комплексное направление публичного управления, в котором задействованы не только силовые структуры, но и институты гражданского общества, сферы образования и культуры [4, с. 63].

Руководящая роль Директора ФСБ России в качестве главы НАК формирует прямой и устойчивый канал связи между федеральным центром и региональными антитеррористическими комиссиями (АТК), возглавляемыми высшими должностными лицами субъектов РФ. Это позволяет оперативно доводить стратегические установки до исполнителей на местах и осуществлять жесткий контроль за реализацией профилактических и контртеррористических мероприятий.

Научно-практическая новизна проведенного исследования выражается в систематизации и формализации процессов взаимодействия органов публичной власти через призму трехконтурной матрицы межведомственного и межуровневого функционального сопряжения. В отличие от линейно-ведомственных схем управления, предлагаемая модель позволяет трансформировать статичное распределение полномочий в динамическую систему предиктивного контроля и ситуационного реагирования на угрозы национальной безопасности.

Внедрение представленной матрицы позволяет качественно повысить оперативность реагирования единой системы публичной власти за счет устранения функцио-

Таблица 1. Уровни координации и субъекты противодействия терроризму в единой системе публичной власти

Уровень управления	Основные субъекты	Ключевые задачи и функции
Федеральный	Национальный антитеррористический комитет (НАК), аппарат НАК, ФСБ России, федеральные министерства и ведомства	Выработка стратегических решений, координация общероссийских мероприятий, нормативно-правовое обеспечение
Региональный	Антитеррористические комиссии (АТК) в субъектах РФ, региональные органы исполнительной власти	Реализация решений НАК на местах, мониторинг общественно-политической обстановки, профилактика
Муниципальный	Органы местного самоуправления, территориальные подразделения правоохранительных органов	Первичная профилактика, адресная работа с населением, контроль объектов с массовым пребыванием людей

Таблица 2. Матрица функционального сопряжения и механизмов предиктивной координации единой системы публичной власти под эгидой НАК

Управляющий контур	Субъекты публичной власти и безопасности	Специфика координационных механизмов под эгидой аппарата НАК	Научно-практическая новизна элемента
Стратегическо-нормативный (федеральный)	Директор ФСБ России (Председатель НАК), аппарат НАК, федеральные министерства и ведомства	Формирование единой правовой политики, нормативная стандартизация регламентов межведомственного взаимодействия	Ликвидация ведомственной разобщенности за счет единого нормативного стандарта антитеррористической политики
Оперативно-прогностический (региональный)	Антитеррористические комиссии (АТК) в субъектах РФ, территориальные органы ФСБ России, региональные органы исполнительной власти	Ситуационный мониторинг индикаторов риска, ведение баз данных защищенности объектов, координация силовых ресурсов	Внедрение единых алгоритмов оценки рисков и сквозного контроля исполнения решений НАК на местах
Социально-профилактический (муниципальный)	Органы местного самоуправления, муниципальные АТК, институты гражданского общества	Адресная информационно-просветительская работа, первичный контроль объектов массового пребывания людей	Интеграция органов местного самоуправления в единый контур безопасности без нарушения их правового статуса

нального дублирования и ликвидации межведомственных барьеров. Сосредоточение ключевых функций аналитического и оперативного управления в аппарате НАК под началом Директора ФСБ России обеспечивает непрерывность сквозного контроля и гармонизацию усилий всех публичных институтов в условиях нарастания внешних и внутренних угроз.

Подводя итог, можно сделать вывод, что аппарат Национального антитеррористического комитета во главе с Директором ФСБ России играет системообразующую

роль в координации единой системы публичной власти при противодействии терроризму. Благодаря органичному сочетанию оперативного потенциала органов безопасности и широких административных возможностей коллегиального органа обеспечивается высокая степень готовности государства к отражению современных террористических угроз. Дальнейшее повышение эффективности данной системы связано с цифровизацией процессов мониторинга рисков и укреплением межведомственного информационного обмена.

Литература:

1. Ахъядов Э. С. М. Организационно-правовое противодействие терроризму в России в условиях нарастания угроз национальной безопасности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. — 2025. — Т. 25. — №. 4. — С. 45–52.

2. Григорьев Н. Ю. Формирование и развитие российской системы противодействия терроризму // Издается с 1973 года DOI 10.34823/SGZ. 2026.2. 262002. — С. 82.

3. Карасев, А. Т. Обеспечение национальной безопасности как одно из направлений взаимодействия органов единой системы публичной власти в Российской Федерации / А. Т. Карасев, О. А. Кожевников, А. В. Крысанов // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2024. — № 1(41). — С. 96–100. — EDN BBUYTU.

4. Курбанов, М. Г. Противодействие политическому экстремизму и терроризму в системе публичного управления национальной безопасностью России / М. Г. Курбанов // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. — 2024. — Т. 50, № 2. — С. 63–73. — DOI 10.21779/2224-0241-2024-50-2-63-73. — EDN LQBTJZ.

5. Нефедова, А. Г. Роль органов ФСБ в системе публичной власти / А. Г. Нефедова // Научные труды Московского гуманитарного университета. — 2023. — № 3. — С. 37–40. — DOI 10.17805/trudy.2023.3.8. — EDN SUYSBI.

6. Чара, Р. В. Национальный антитеррористический комитет и его роль в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации / Р. В. Чара, Н. С. Ракша // Концепция развития общества в условиях новой правовой реальности: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции, Курск, 14 апреля 2026 года. — Курск: Юго-Западный государственный университет, 2026. — С. 344–348. — EDN UELKLV.

Использование примирительных процедур на стадии подготовки дела к судебному разбирательству: правовые возможности и практические ограничения

Яров Максим Кириллович, студент

Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

Статья посвящена анализу правовых возможностей и практических ограничений применения примирительных процедур на стадии подготовки гражданского дела к судебному разбирательству. Рассматриваются виды примирительных процедур, закреплённые в гл. 14.1 ГПК РФ, полномочия суда по содействию примирению сторон, а также препятствия, снижающие эффективность данного института: формальный подход судей, дефицит судебных примирителей, пробелы в правовом регулировании, злоупотребления сторон. Предлагаются направления совершенствования законодательства и практики.

Ключевые слова: примирительные процедуры, подготовка дела к судебному разбирательству, мировое соглашение, судебное примирение, медиация, гражданский процесс.

Стадия подготовки дела к судебному разбирательству занимает особое место в системе гражданского судопроизводства. Именно на этом этапе закладываются основы для правильного и своевременного разрешения спора, а также создаются условия для возможного мирного урегулирования конфликта. Законодатель включает примирение сторон в число самостоятельных задач подготовки (п. 5 ч. 1 ст. 150 ГПК РФ), тем самым признавая его приоритетное значение наряду с уточнением обстоятельств, определением предмета доказывания и разрешением вопросов состава участников [1]. Несмотря на систематизацию норм о примирительных процедурах, осуществлённую Федеральным законом от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ и выразившуюся в выделении самостоятельной главы 14.1 ГПК РФ, практика их применения на стадии подготовки дела остаётся ограниченной. Это обусловлено как правовыми, так и организационными факторами, что делает актуальным анализ соотношения нормативных возможностей и реальных барьеров реализации примирительного потенциала на подготовительном этапе.

Действующее гражданское процессуальное законодательство предоставляет сторонам широкие возможности для примирения. Согласно ч. 4 ст. 153.1 ГПК РФ примирение сторон возможно на любой стадии гражданского процесса и при исполнении судебного акта, если иное не предусмотрено законом. Примирение осуществляется на основе принципов добровольности, сотрудничества, равноправия и конфиденциальности (ч. 2 ст. 153.1 ГПК РФ) [1]. На стадии подготовки дела к судебному разбирательству обязанность суда по содействию примирению закреплена в п. 5 ч. 1 ст. 150 ГПК РФ: судья принимает меры по заключению сторонами мирового соглашения, в том числе по результатам проведения процедуры медиации, разъясняет условия и порядок реализации данного права, существо и преимущества примирительных процедур, а также право сторон обратиться за разрешением спора в третейский суд [5].

Виды примирительных процедур перечислены в ст. 153.3 ГПК РФ: переговоры, посредничество, медиация и судебное примирение. Возможно также использование

других примирительных процедур, не противоречащих закону [6]. Каждый из этих видов имеет свою специфику применения на подготовительной стадии. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 мая 2026 г. № 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» конкретизирует обязанности судьи по содействию примирению. Согласно п. 24 указанного Постановления, судья в ходе подготовки дела, в том числе при проведении опроса (собеседования), предлагает сторонам урегулировать возникший между ними спор, провести примирительную процедуру и разъясняет виды доступных примирительных процедур (ст. 153.3–153.6 ГПК РФ), их существо, условия, порядок, преимущества и последствия реализации. При этом судья не вправе предрешать результаты рассмотрения дела и давать оценку имеющимся доказательствам [3]. Предложение судьи о заключении мирового соглашения, сделанное в устной форме, должно быть зафиксировано в протоколе предварительного судебного заседания или в определении о назначении дела к судебному разбирательству. Получив согласие сторон на проведение примирительной процедуры, суд определяет предмет спора и круг вопросов для урегулирования, устанавливает срок проведения процедуры, утверждает кандидатуру судебного примирителя, выбранного сторонами, а также определяет иные необходимые условия (п. 25 Постановления) [3]. Особое значение имеет то, что в предварительном судебном заседании, которое проводится на стадии подготовки, суд может утвердить мировое соглашение или принять полный либо частичный отказ от иска, если это соответствует закону и не нарушает права иных лиц [11].

Стадия подготовки дела является наиболее благоприятным этапом для инициирования примирительных процедур. Это обусловлено рядом факторов. Во-первых, стороны ещё не вовлечены в глубокую процессуальную состязательность, характерную для стадии судебного разбирательства. Конфликт не достиг максимальной остроты, что повышает вероятность достижения компромисса [5]. Во-вторых, заключение мирового соглашения на стадии подготовки (до принятия решения судом первой ин-

станции) влечёт возврат истцу 70 % уплаченной государственной пошлины (подп. 3 п. 1 ст. 333.40 НК РФ). Данный финансовый стимул может служить существенным аргументом при разяснении сторонам преимуществ примирения [2]. В-третьих, законодатель предусматривает процессуальные инструменты для обеспечения проведения примирительной процедуры: суд может объявить перерыв в предварительном судебном заседании, отложить судебное разбирательство, а при необходимости — приостановить производство по делу (ст. 169, 153.2 ГПК РФ) [1]. В-четвёртых, утверждённое мировое соглашение обладает силой судебного постановления и подлежит принудительному исполнению (ст. 153.11 ГПК РФ). Это гарантирует сторонам, что достигнутые договорённости не останутся лишь декларативными, а будут обеспечены механизмом принудительного исполнения [1]. Судебное примирение как отдельный вид примирительной процедуры обладает дополнительными преимуществами: оно проводится бесплатно для сторон (финансирование осуществляется за счёт федерального бюджета), а судебным примирителем выступает судья в отставке, что обеспечивает высокий уровень юридической квалификации посредника (ст. 153.6 ГПК РФ) [7].

Несмотря на развитую нормативную базу, практика применения примирительных процедур на стадии подготовки дела сталкивается с рядом существенных ограничений. Одной из ключевых проблем является то, что обязанность судьи по содействию примирению сторон на практике нередко реализуется формально. Судьи ограничиваются перечислением распорядительных прав сторон, включая право на заключение мирового соглашения, не предпринимая активных действий для организации переговоров или привлечения медиатора. Как отмечается в литературе, действия суда по примирению сторон остаются на усмотрение судьи, который может ограничиться простым упоминанием о возможности сторон заключить мировое соглашение [5]. Высокая нагрузка на судебную систему и отсутствие стимулирующих механизмов для судей, способствующих мирному урегулированию споров, усугубляют эту проблему. Судьи зачастую опасаются затягивания сроков рассмотрения дела и предпочитают разрешать споры самостоятельно [8].

Применение судебного примирения серьёзно ограничено недостаточным количеством судебных примирителей. По состоянию на 2026 г. список судебных примирителей насчитывает лишь 342 человека, причём в ряде субъектов Российской Федерации (Алтайский край, Республика Мордовия, Чукотский автономный округ) действует лишь по одному примирителю [7]. Как отмечает П. А. Клинина, показательным является решение Сузунского районного суда Новосибирской области от 15 января 2025 г. по делу № 2–24/2025, в рамках которого стороны выразили предварительное согласие на проведение судебного примирения, однако единственный судебный примиритель, действующий в регионе, был занят в другом процессе. Суд, руководствуясь принципом со-

блюдения разумных сроков судопроизводства (ст. 6.1 ГПК РФ), отказал в удовлетворении ходатайства об отложении разбирательства и рассмотрел дело по существу [7]. Данный казус наглядно демонстрирует дисбаланс между количеством судов и числом примирителей, а также отсутствие гибких процессуальных механизмов, позволяющих синхронизировать сроки судебного разбирательства с временными затратами на поиск свободного примирителя [8].

Действующее законодательство не лишено пробелов, препятствующих эффективному применению примирительных процедур. В частности, отсутствует единый федеральный закон о судебном примирении. Нормы ГПК РФ и Регламент проведения судебного примирения, утверждённый Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2019 г. № 41, не образуют системного правового регулирования, что порождает неопределённость в отношении порядка взаимодействия суда и примирителя, ответственности примирителя за ненадлежащее исполнение обязанностей, а также правовых последствий уклонения стороны от участия в примирительной процедуре [7] [4]. Закон не предусматривает ответственности медиатора в случае заключения соглашения, которое приведёт стороны к убыткам или повлечёт нарушение прав и законных интересов третьих лиц. Также не предусмотрена ответственность сторон в случае их недобросовестного поведения — сокрытия важной информации, искусственного создания препятствий, затягивания переговоров. Сторона может соглашаться на участие в примирительной процедуре лишь формально, не имея реального намерения достигнуть соглашения, используя процедуру для получения времени на подготовку к судебному разбирательству или оказания давления на другую сторону [10]. Кроме того, вызывает вопросы установленный Регламентом критерий отбора кандидатов в примирители — наличие научной деятельности. Данное требование не имеет прямой корреляции с навыками ведения переговоров и управления конфликтами и необоснованно сужает круг потенциальных кандидатов из числа опытных судей в отставке [7].

Действующим законодательством не предусмотрено обязательное прохождение судебными примирителями каких-либо образовательных курсов, связанных с практикой примирения. Судья в отставке, имеющий значительный опыт разрешения споров, фактически не имеет опыта примирительной деятельности, которая существенно отличается от судебного разбирательства по своим целям и методам. Это обуславливает необходимость введения обязательного образовательного курса, детально раскрывающего психологические аспекты проведения процедуры судебного примирения [9]. Большинство граждан воспринимают обращение в суд как средство «выиграть спор», а не как возможность урегулировать его мирным путём. Отсутствие устойчивых традиций медиативного поведения существенно ограничивает распространение примирительных механизмов. Отсутствие по-

ложительной информационной кампании о примирении и низкий уровень активности просветительской работы о возможности применения примирительных процедур усугубляют эту проблему [12] [13].

Анализ правовых возможностей и практических ограничений позволяет сформулировать ряд предложений. Представляется целесообразным принятие специального федерального закона «О судебном примирении в Российской Федерации», который комплексно урегулировал бы правовой статус судебного примирителя, порядок инициирования и проведения процедуры, её сроки, основания и последствия прекращения, а также гарантии конфиденциальности и механизмы взаимодействия с судом [7]. Необходимо расширение корпуса судебных примирителей с обеспечением их равномерного территориального распределения, в том числе путём упрощения критериев отбора (исключение требования о научной деятельности) и введения обязательной программы повышения квалификации в области медиативных технологий для кандидатов [7]. В процессуальном законодательстве следует предусмотреть возможность продления срока рассмотрения дела на период проведения судебного примирения в пределах разумных временных рамок, что позволит избежать конфликта между задачей примирения и принципом процессуальной экономии [8]. Необходимо закрепление обязанности судьи на стадии подготовки дела направлять стороны на информационную встречу с су-

дебным примирителем или медиатором для установления возможности применения соответствующих примирительных процедур [6]. Следует ввести ответственность сторон за недобросовестное поведение в ходе примирительных процедур, включая ответственность за затягивание переговоров и сокрытие существенной информации, что снизит риски злоупотребления правом на примирение [10].

Стадия подготовки дела к судебному разбирательству обладает значительным потенциалом для урегулирования спора мирным путём. Законодатель создал необходимую нормативную базу, включив примирение сторон в число задач подготовки и предусмотрев разнообразные виды примирительных процедур. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 мая 2026 г. № 15 существенно конкретизировало обязанности судьи по содействию примирению на подготовительном этапе [3]. Однако реализация этого потенциала сдерживается комплексом практических ограничений: формальным подходом судей, дефицитом судебных примирителей, пробелами в правовом регулировании, недостаточной подготовкой примирителей и низкой правовой информированностью населения. Устранение этих ограничений требует системного подхода, включающего как совершенствование законодательства, так и организационные меры по развитию института примирительных процедур в гражданском судопроизводстве.

Литература:

1. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 23.09.2026).
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 23.09.2026).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.05.2026 N 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству». — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 23.09.2026).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 N 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения». — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 23.09.2026).
5. Чекмарева, А. В. Проблемы примирения сторон при подготовке гражданского дела к судебному разбирательству / А. В. Чекмарева. — Текст: непосредственный // Современное право. — 2018. — № 4. — С. 77–83.
6. К вопросу о примирении сторон на стадии подготовки дела к судебному разбирательству. — Текст: электронный // КиберЛенинка: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-primireanii-storon-na-stadii-podgotovki-dela-k-sudebnomu-razbiratelstvu?ysclid=mud7w4ur6o916809505> (дата обращения: 23.09.2026).
7. Клинина П. А. Судебное примирение в гражданском процессе: проблемы теории и практики применения. — Текст: электронный // КиберЛенинка: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnoe-primirenie-v-grazhdanskom-protsesse-problemy-teorii-i-praktiki-primeneniya> (дата обращения: 23.09.2026).
8. Трезубов, Е. С. Проблемы эффективности судебного примирения в российском цивилистическом процессе / Е. С. Трезубов. — Текст: непосредственный // Журнал российского права. — 2023. — № 4. — С. 59–71.
9. Шереметова, Г. С. Условия эффективности судебного примирения / Г. С. Шереметова. — Текст: непосредственный // Арбитражный и гражданский процесс. — 2023. — № 9. — С. 24–28.
10. Грачева, О. С. Проблемы и ограничения в применении примирительных процедур в Российской Федерации / О. С. Грачева, Т. Я. Рябова. — Текст: непосредственный // Matters of Russian and International Law. — 2025. — № 15. — С. 80–87.

11. Боловнев, М. А. Отдельные аспекты заключения мирового соглашения в стадии предварительного судебного заседания / М. А. Боловнев. — Текст: электронный // cyberleninka.ru: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-aspekty-zaklyucheniya-mirovogo-soglasheniya-v-stadii-predvaritelnogo-sudebnogo-zasedaniya?ysclid=mud8f9p31368826506> (дата обращения: 23.09.2026).
12. Шибанова, С. А. Примириительные процедуры в гражданском процессе / С. А. Шибанова. — Текст: электронный // Молодой ученый: [сайт]. — URL: <https://moluch.ru/archive/419/93201?ysclid=mud8gm3m1365493302> (дата обращения: 23.09.2026).
13. Михайлова, Е. В. Медиация и судебное примирение: проблема соотношения / Е. В. Михайлова. — Текст: электронный // lawinfo.ru: [сайт]. — URL: <https://lawinfo.ru/en/articles/3525/mediaciya-i-sudebnoe-primirenje-problema-sootnoseniya> (дата обращения: 23.09.2026).

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

Фридайвинг как вид спорта для внутреннего баланса и самоконтроля

Волков Павел Андреевич, студент

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

В работе рассмотрены история развития фридайвинга как спорта, приведены основные дисциплины, используемые в соревнованиях по фридайвингу, рассмотрены мировые и российские спортсмены и ассоциации фридайвинга.

Введение

Тысячи лет назад люди уже умели нырять за сокровищами под водой и на дне морей и океанов, но только в середине прошлого века фридайвинг как философия поведения под водой, как спорт сложных достижений появилась в мире. Постоянное развитие фридайвинга продолжается и в наше время. Все больше людей выбирают фридайвинг не только как спорт, но и как возможность использовать его для большего единения с подводным миром, изучения его красот и тайн без вреда для экологии. Фридайвинг объединяет людей со всего мира, действуют различные национальные ассоциации фридайвинга, работают международные федерации. Опасность фридайвинга заключается в обязательном соблюдении всех правил, без которых можно нанести непоправимый вред для здоровья. Одновременно можно говорить, что фридайвинг — это сочетание элементов йоги и глубокого самоконтроля с умением медитировать и концентрироваться на главном, не думая о лишнем.

Цель исследования: изучить историю зарождения фридайвинга в мире в целом и в России в частности и понять влияние фридайвинга на внутреннее состояние человека, рассмотреть основные дисциплины в соревнованиях по фридайвингу и их внутренние отличия одна от другой.

Методы и организация исследования. Анализ фридайвинга как вида спорта.

Результаты исследования и их обсуждение.

Стоит начать с того, что такое фридайвинг. В дословном переводе с английского фридайвинг (от англ. free — свободно и англ. dive — нырять) — подводное плавание с задержкой дыхания (апноэ).

Кто-то может пошутить, что фридайвинг — это что, бесплатный дайвинг? Или чем он отличается от дайвинга? Ответом будет то, что фридайвинг гораздо более многогранный, чем даже дайвинг, но при этом и более опасный с точки зрения соблюдения техник и правил при погружении на глубину на задержке дыхания. Ныряльщики иногда говорят, что это апноэ-дайвинг, потому что происходит при «остановке дыхательных движений», но звучит странно такое упоминание, поэтому общеизвестным является именно название фридайвинг.

Несмотря на по факту многовековое существование (ведь ныряли за жемчугом еще 4500 лет назад), фридайвинг исторически принято считать от середины XX века, а точнее с 1949 года. В этом году Раймондо Буше, итальянец, поспорил и чтобы выиграть, нырнул на глубину 30 метров (но для подстраховки на глубине были аквалангисты с оборудованием). Никто не мог поверить в то время, что без специального снаряжения вообще возможно такое погружение. И именно после этого нырка другие любители подводного плавания и спортсмены стали стремиться побить этот рекорд. При этом в то время считалось, что 50 метров — это абсолютный максимум глубины для человека, а дальше уже под давлением воды грудная клетка спортсмена может разрушиться.

Поэтому только спустя 11 лет, в 1960 году, также итальянец по происхождению, Энцо Майорка, смог погрузиться уже на 49 метров и позднее — на 54 метра.

Дальше пальму первенства по достижимой глубине перехватил француз Жак Майоль, который в 1976 году смог достичь глубины в 100 метров, а через 9 лет превзойти свой же рекорд с отметкой 105 метров.

Удивление на нырянии на такую глубину вызывает тот факт, что все это было реализовано без дополнительного оборудования, только на задержке дыхания.

Если говорить про профессиональное сообщество фридайвинга, то первое было учреждено в 1958 году, когда в Монако создана Всемирная конфедерация подводной деятельности (CMAS). С того времени она остается единственной признанной в международном масштабе организацией, которая ответственна за деятельность подводного спорта. Однако в 1976 году CMAS перестала учитывать рекорды глубины спортсменов, не разделяя риски для здоровья фридайверов и возможные риски нарушения техники безопасности при таких погружениях без оборудования.

Поэтому в 1992 году в Ницце была создана Международная фридайверская ассоциация (AIDA), которая как раз и должна была стать официально фиксирующей рекорды глубины, а также ответственной за организацию и проведение соревнований на международном уровне и за разработку безопасных стандартов для обучения фридайверов.

Со времени создания и до сегодняшних дней признание AIDA стало еще сильнее, и теперь эта ассоциация проводит наиболее значимые и многочисленные по количеству участников соревнования по фридайвингу. Также AIDA отвечает за постоянную разработку и усовершенствование стандартов обучения фридайверов, правила безопасности, обучение и сертификацию спортсменов, судей и инструкторов.

Если посмотреть на историю фридайвинга, то может показаться, что в нем участвуют только мужчины, но это вовсе не так, потому что все больше женщин-спортсменок принимают участия и в соревнованиях, и просто занимаются фридайвингом и становятся не менее успешными, чем мужчины.

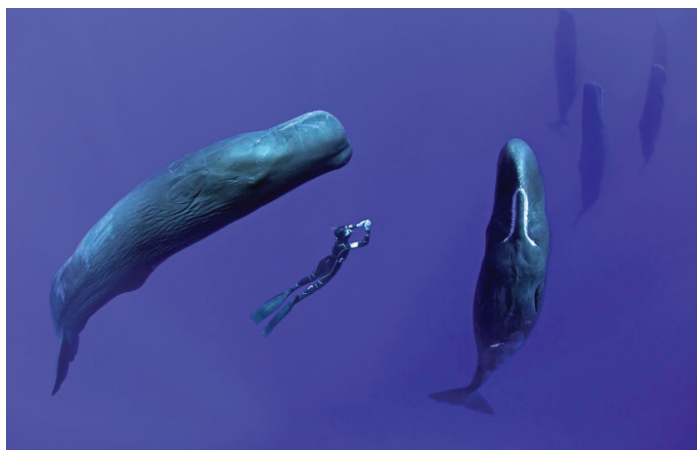
Среди женщин первой рекордсменкой погружения на 30 метров стала британка Эвелин Петтерсон, а в 1970 годах по стопам своего известного отца-фридайвера пошли его дочери — Россана и Патриция (дочери Энцо Майорки).

Первое преодоление 100-метровой глубины среди женщин принадлежит итальянке Анджеле Бандини, именно она в 1989 году нырнула сразу на 107 метров.

Тут можно отметить и россиянку Наталью Молчанову — она стала всемирно известной рекордсменкой, а ее достижения вдохновили спортсменов всего мира. Наталья Молчанова начала заниматься фридайвингом в 40 лет, в 42 года поставила первый мировой рекорд, и за годы участия в соревнованиях стала 22-х кратной чемпионкой мира, установила 41 мировой рекорд.

Важным фактом любви к фридайвингу у спортсменов является и тот, что фридайвинг часто сравнивают с влиянием на человека как с влиянием йоги: и там, и там очень важны дыхание, необходимо контролировать тело и эмоции, важно уметь сосредоточиться на движениях с одновременным отключением ненужных мыслей. Фридайвинг никак не вредит подводному миру и его морским обитателям, ведь спортсмены не используют ни акваланги, ни моторные батискафы, которые могут загрязнять природу.

Для правильного погружения фридайверу необходимо следующее оборудование, которое является легким, простым и эргономичным:

- грузы. Это специальные пояса с навесами, которые необходимы для выравнивания фридайвера в воде, чтобы исключить всплытия при погружении
- гидрокостюмы. Они бывают сухие и мокрые. Сухие не пропускают воду и воздух, сохраняют тепло в холодной воде, а мокрые жидкость впитывают, но не выпускают ее, поэтому вода, которая попадает в поры тканей гидрокостюма, нагревается, и человеку нужно меньше затрат энергии для поддержания температуры своего тела.
- ласты. Обязательно необходимы для развития скорости, являются фактически подводными плавниками для фридайвера, лучшие ласты — длинные, жесткие, тогда и скорость будет более высокой.
- маски. Для фридайвинга есть особенность — нужны маски с минимальным пространством внутри, такие маски позволяют экономить воздух для поддувания маски при погружении.
- трубки. В трубке у фридайвера не должно быть гофрированной мягкой вставки перед загубником, потому что в этом случае есть риск затруднения дыхания, которое вызовет завихрения воздуха. Фридайверы часто маску не крепят трубку к ремешку маски, а просто ее вставляют под ремешок.
- подводные ножи. В случае с фридайвингом нож — не оружие под водой, а как спасательный элемент безопасности, особенно если нырять в незнакомом месте, с плохой видимостью или при подводной охоте. Важно, чтобы нож был легким, не мешал плаванию, но при этом крепился удобно, чтобы можно было его легко достать и даже в неопределенных перчатках на руках.
- фонарь. Под водой миниатюрный фонарик позволит освещать видимость на пути фридайвера.
- наручный компьютер. Это больше, чем просто часы: он фиксирует глубину, задержку дыхания и интервалы восстановления, тем самым позволяя спортсмену повышать безопасность и эффективность тренировок и нырний.

Фридайвинг как спорт, как и любой другой спорт — это соревнования по различным категориям, в различных местах их проведения (актуальный календарь выкладывается на официальном сайте AIDA). Отличие фридайвинга в том, что все соревнования проводятся только в открытой воде. Спортсмен, который участвует в состязании, заранее регистрируется на категорию нырка, которую может выбирать из достаточно большого списка доступных в таких соревнованиях. Для участия доступен и множественный выбор из нескольких дисциплин. Допуск спортсмена — обязательное предъявление медицинской справки, в которой отсутствуют противопоказания для занятия этим видом спорта.

Состав жюри определяет международная организация. В случае проведения соревнований международного уровня фиксируются 5 судей соответствующей необходимой квалификации подготовки. В задачи жюри, кроме непосредственного судейства соревнований, также входит обязанность проверки соблюдения всех правил по дисциплинам, проверка снаряжения спортсменов, наложение штрафных санкций, приостановка соревнований по необходимости, получение и вердикт после рассмотрения жалоб и протестов участников.

Для обеспечения безопасности при проведении соревнований также обязательно присутствуют страховочные дайверы и команда медицинской помощи.

При проверке медицинского состояния участников соревнований могут отстранить из-за временных противопоказаний, которыми могут являться ОРВИ (заложенность носа) и беременность, также могут запретить в случае наличия гипертонии (повышенного давления), диабет или при очень пожилом возрасте фридайвера. Абсолютным запретом для фридайвинга являются болезни сердца и легких.

Обязательным этапом перед любыми соревнованиями является прохождение всеми участниками допинг-контроля.

К соревнованиям допускаются участники старше 18 лет, в исключительных случаях могут принимать участие с 16 лет, но при письменном разрешении от родителей.

Каждый спортсмен, принимающий участие в соревнованиях, должен являться членом национальной ассоциации апноэ, а также оплатить регистрационный взнос участия в состязаниях.

Всего в свободном нырянии есть 8 дисциплин, из которых как соревновательные выделяют 6. Все 6 соревновательных дисциплин проводятся при специально установленном тросе, уходящем вглубь. Трос является ориентиром визуально, также на нем отмечается глубина, и он может использоваться для погружения или всплытия.

1) Постоянный вес без ласт (Constant Weight Without Fins, CNF) — вертикальный спуск вниз и подъем на задержке дыхания только при помощи собственных мышц. Запрещается использования какого-либо дополнительного снаряжения, также запрещено движение по тросу с использованием рук. Разрешено коснуться троса только в нижней точке, а также до окончания спуска и начала подъема. Это считается наиболее сложной спортивной дисциплиной в глубоководных соревнованиях, потому что нельзя ничего использовать для погружения и всплытия. Данный вид соревнования требует от спортсменов высокой координации движений, контроля ими плавучести и отточенной техники плавания.

2) Постоянный вес (Constant Weight, CWT) — фридайвер спускается вертикально вниз и подъем обратно на задержке дыхания. Отличие этой дисциплины — использование моноласты (единой конструкции, которая приводится в действие двумя ногами одновременно). Техника плавания в моноласте называется «дельфин». В данной дисциплине запрещается подтягиваться по тросу или изменять вес грузов в течение погружения. Касаться троса можно только в нижней точке, а также для окончания спуска и начала подъема.

3) Постоянный вес в би-ластах (Constant Weight, CWT BF) — фридайвер спускается вертикально вниз и подъем обратно на задержке дыхания, применяя ласты. Запрещается подтягиваться по тросу или изменять вес грузов в течение погружения. Касаться троса можно только в нижней точке, а также для окончания спуска и начала подъема.

4) Свободное погружение (Free Immersion, FIM) — фридайвер погружается под воду без использования дополнительного снаряжения на задержке дыхания, подтягиваясь руками по тросу в течение спуска и подъема.

5) Переменный вес (Variable Weight, VWT) — спуск вниз фридайвер осуществляет с помощью дополнительного груза, подъем вверх — на задержке дыхания, используя силу своих собственных мышц. В данной дисциплине разрешается подниматься с подтягиванием по тросу. Переменный вес — одна из двух дисциплин, в которой используется специальная тележка (след) для спуска вниз. На новых тележках фридайвер спускается ногами по направлению своего движения, а ранее такой спуск был с погружением вниз головой.

6) Без ограничений (No Limit, NLT) — самая глубоководная дисциплина. Фридайвер спускается на тележке или с применением дополнительного веса на задержке дыхания, а всплытие проводит при помощи шара, который наполняется воздухом, или с помощью фридайверского костюма, или с применением пояса с надувными элементами, или любого другого снаряжения по собственному усмотрению спортсмена. «Без ограничений» считается наиболее опасной дисциплиной, ведь определено точно и технически крайне сложно осуществить страховку фридайвера командой имеющих на каждом соревновании аквалангистов на глубинах спуска, превышающих 100 метров.

Во время выступлений на соревнованиях участник не имеет право принимать никакую помощь со стороны партнера по команде или тренера, также никому из них не дается разрешение касаться спортсмена во время погружения под воду.

До начала выступлений каждый участник проходит медицинский контроль, а также обязан соблюдать антидопинговый кодекс, а согласно ему, запрещено в том числе вдыхать чистый кислород или его смеси менее чем за 45 минут до начала заплыва.

В индивидуальных соревнованиях победителем становится тот фридайвер, кто набирает наибольшее количество очков, в групповых соревнованиях учитывается сумма результатов членов команды по всем соревновательным дисциплинам. Все итоги фиксируются и вносятся в международный рейтинг.

После всплытия каждый спортсмен обязан выполнить «поверхностный протокол» — так называют список действий, которые необходимо сделать. На выполнения отводится время не более 15 секунд:

- участнику необходимо снять маску, клипсу и очки (маску)
- участнику необходимо подать знак рукой ОК, который должен быть хорошо видимым и различимым
- участнику необходимо произнести ОК вслух (в международных соревнованиях — на английском языке).

Лишние жесты или знаки со стороны спортсмена могут считаться нарушением правил и стать причиной даже дисквалификации.

Виды нарушений, которые могут быть, варьируются от степени их тяжести и классифицируются как предупреждение, наложение штрафов или дисквалификация. Также дисквалификация применяется при наличии трех предупреждений.

Поэтому очень важно, что все спортсмены должны соблюдать правила и вести себя должным образом во время соревнований.

В настоящее время, по состоянию на 7 мая 2025 года, рекорды по дисциплинам фридайвинга (в мире) распределены следующим образом [4] (рис. 1).

Другие рекорды, которые были установлены профессиональными фридайверами и вписаны в историю фридайвинга, также поражают воображение (рис. 2).

Статическая задержка дыхания (STA — Static Apnea)	11 мин 35 с (08.06.2009), Стефан Мифсуд (Франция)
	9 мин 7 с (27.06.2024), Хайке Швердтнер (Германия)
Ныряние в длину без ласт (DNF — Dynamic Without Fins)	250 м (01.05.2022), Матеуш Малина (Польша)
	213 м (13.06.2023), Юлия Козерская (Польша)
Ныряние в длину в раздельных ластах (биластах) (DYNB — Dynamic With Bifins)	290 м (27.03.2022), Матеуш Малина (Польша)
	243 м (02.05.2022), Магдалена Солич-Таланда (Польша)
Ныряние в длину в ластах или моноласте (DYN — Dynamic With Fins)	307 м (25.08.2024), Уильям Джой (Китай)
	277 м (10.04.2022), Магдалена Солич-Таланда (Польша)
Ныряние в глубину без ласт (CNF — Constant Weight Without Fins)	102 м (21.07.2016), Уильям Трубридж (Новая Зеландия)
	84 м (02.12.2024), Екатерина Садурская (Украина)
Ныряние в глубину в раздельных ластах (биластах) (CWTB — Constant Weight With Bifins)	125 м (10.09.2024), Алексей Молчанов (Россия)
	111 м (30.07.2023), Аленка Артник (Словения)
Ныряние в глубину в ластах или моноласте (CWT — Constant Weight)	136 м (29.09.2023), Алексей Молчанов (Россия)
	123 м (24.05.2023), Алессия Дзеккини (Италия)
Ныряние в глубину по тросу (на руках) (FIM — Free Immersion)	135 м (27.09.2023), Петар Кловар (Хорватия)
	102 м (25.07.2023), Фатима Корок (Венгрия)

Рис. 1

214 метров...	... достиг отметки в дисциплине no limits (без ограничений) Герберт Нич, австрийский ныряльщик, обладатель титула «самый глубоководный человек мира». Установил 32 мировых рекорда в 8 дисциплинах, задерживает дыхание на 9 минут.
70 метров...	... на такую глубину погрузился подлед норвежского фьорда Энтони «Ант» Уильямс из Австралии 27.03.2019 при температуре воздуха -25 градусов
24 мин 33 сек...	... на такое время задержал дыхание весной 2021 г. хорватский спортсмен Будимир Шобат — неофициальный рекордсмен по статическому апноэ. Удалось ему это благодаря медицинскому кислороду, которым он дышал перед погружением, тем самым почти полностью избавился от диоксида углерода в системе. Рекорд зарегистрирован в книге рекордов Гиннесса.
11 мин 35 сек...	.. официальный рекорд в статическом апноэ (без медицинского кислорода!), который установил француз Стефан Мифсуд
20 метров...	... глубина погружения в пресную воду Владимира Бетева в возрасте 76 лет в 2015 году, спортсмена из Йошкар-Олы

Рис. 2

В России существует и объединяет фридайверов Российская федерация фридайвинга. В состав Федерации фридайвинга входят члены, представляющие следующие школы и системы обучения фридайвингу [5]:

- Molchanovs — первая международно-признанная самостоятельная национальная школа фридайвинга в России;
- AIDA — Международная Ассоциация Развития Фридайвинга AIDA;
- CMAS — Всемирная конфедерация подводной деятельности;
- Apnea Academy — Школа по обучению и исследованию фридайвинга;
- SSI — Scuba Schools International;
- NDL — Национальная Лига Дайвинга (Россия);
- PADI — Профессиональная ассоциация инструкторов по дайвингу

Основными фокусами внимания федерации являются ведение научной и образовательной деятельности, достижение спортивных результатов и поднятие престижа России как спортивной державы, развитие физической культуры и спорта в стране, занимается популяризацией здорового, активного образа жизни населения России.

Федерация ведёт активную работу по популяризации и изучению новых мест для фридайвинга в России. Крупнейшие проекты на сегодняшний день организуются в таких локациях, как:

- Озеро Байкал (Иркутская область);
- Чёрное море (Сочи, Краснодарский край);
- Голубое озеро Черек-Кёл (Кабардино-Балкарская Республика);
- Белое море (Северный Ледовитый океан, Республика Карелия);
- Озеро Лама (плато Путорана, Норильск, Красноярский край);
- Остров Монерон — природный парк регионального значения (Сахалинская область);
- Приморский край (Владивосток) (рис. 3).

Рис. 3.

«Фридайвинг позволяет проверить навык управления своим вниманием в качестве медитации и медитативного состояния на практике. Фридайвинг в этом плане — тот случай, когда навык йоги можно применить к практическому действию: погружению, дыханию и качественному состоянию самоконтроля. Спокойствие, расслабление получается сохранять. И все это на уровне, на котором сложнее это проверить на суше.

Фридайвинг — это про море, про общение с природой, водой. Фридайверы трепетно относятся к чистоте воды, потому что они погружаются и тренируются. Неприятно нырять, если вода грязная» [1].

Выводы

Подводя итог, можно отметить, что фридайвинг — это не только спорт сложных достижений, соревнования и установленные рекорды, фридайвинг — это еще и удовольствие от возможности лицезреть подводный мир, а также желание разделять его философию: здоровый образ жизни, отказ от вредных привычек. Фридайвинг — это подводный полет в единстве с подводным миром, для которого нужны ласты, большое желание и обязательно специальная подготовка в целях собственной безопасности.

Литература:

1. [Электронный ресурс]. Журнал «Вокруг света». Интервью с А.Молчановым. <https://www.vokrugsveta.ru/articles/navstrechu-temnoi-bezdne-pochemu-vam-stoit-uiti-na-glubinu-i-kak-eto-sdelat-s-maksimalnoi-polzoi-id850833/> (дата обращения: 20.05.2025)
2. [Электронный ресурс]. Официальная международная ассоциация фридайвинга AIDA. <https://www.aidainternational.org/> (дата обращения: 21.05.2025)
3. [Электронный ресурс]. «Что такое фридайвинг и почему его сравнивают с йогой». <https://food.ru/articles/17395-cto-takoe-fridajving/> (дата обращения: 20.05.2025)
4. [Электронный ресурс]. «Как проходят соревнования по фридайвингу». <https://freedivingrussia.ru/blog-glubina/sorevnovaniya-po-fridaivngu/> (дата обращения: 22.05.2025)
5. [Электронный ресурс]. «Ассоциация фридайверов Федерация фридайвинга». <https://freediving.ru/o-federaczii/> (дата обращения: 23.05.2025)

История Олимпийских игр: от античных истоков до современного олимпийского движения

Волков Павел Андреевич, студент

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

В статье изложена история Олимпийских игр от античности до наших дней: их зарождение в Древней Греции, возрождение в конце XIX века благодаря Пьеру де Кубертену, эволюция под влиянием политики и войн, а также участие российских спортсменов от Российской империи до Сочи-2014. Отдельная глава посвящена истории Паралимпийских игр.

Цель исследования: систематизировать историю Олимпийских игр от античности до современности с акцентом на участие российских спортсменов, а также включить обзор Паралимпийских игр как неотъемлемой части олимпийского движения.

Метод исследования: анализ исторических, нарративных и документальных источников с элементами сравнительного и биографического подхода.

Введение: Больше, чем спорт.

Олимпийские игры представляют собой уникальный феномен в истории человеческой цивилизации. Это единственное событие, которому удалось пережить полное забвение длительностью в полторы тысячи лет, а затем не просто возродиться, но стать самым масштабным и престижным соревнованием планеты. Сегодня Олимпиада — это квинтэссенция человеческих возможностей, полити-

ческий барометр, экономический мегапроект и глобальное телевизионное шоу с аудиторией в миллиарды зрителей. Однако за блеском медалей, дышащими огнем стадионами и драматичными финишами скрывается история длиной почти в 2800 лет. Это рассказ о том, как священный бег в честь Зевса стал символом единства враждующих государств, как средневековая церковь прокляла языческие игры, а затем — как французский гуманист вытащил их из небытия, превратив в мечту каждого спортсмена. В этом материале мы отправимся в глубокое путешествие: от пыльных троп Олимпии через забвение темных веков к величию современности. Особое внимание будет уделено долгому и тернистому пути России — от робких попыток офицеров-энтузиастов и трагедии Стокгольма-1912 до триумфа советской спортивной машины, золотого дождя в Москве-1980 и драматичного возвращения в Сочи-2014.

Часть 1. Античные истоки: Священный бег в честь Зевса

1.1. География мифа: Почему Олимпия?

Для понимания истоков необходимо посетить священную рощу Альтис в области Элида на северо-западе Пелопоннеса. Олимпия не была городом в привычном смысле. Это был санктуарий — храмовый комплекс, посвященный верховному богу Зевсу. В отличие от шумных Афин или спартанских казарм, Олимпия жила в ритме религиозных праздников. Выбор места не случаен: здесь, по легенде, Зевс одержал победу над своим отцом Кроносом, а также здесь Геракл (не путать с героем мифов о подвигах, а с одним из «куретов») устроил первые бега.

Традиционно историки ведут отсчет от 776 года до нашей эры. Эта дата высечена на мраморной плите, найденной при раскопках. Однако современные археологи и палеографы утверждают, что состязания существовали задолго до этого, возможно, с IX века до н. э., но 776 год стал точкой «канонизации» — именно тогда начали вести списки победителей (олимпиоников). С этого момента история Греции отсчитывалась четырехлетними циклами — олимпиадами.

1.2. Легенды и божественные покровители

Мифологический фундамент Игр невероятно богат. Выделим три главные легенды, которые изучают в школах Эллады:

Подвиг Геракла (Идейского): Согласно одной из версий, Геракл привел своих братьев-идейцев (мифических воинов) в Олимпию, чтобы почтить Зевса. Он измерил беговую дорожку (стадий) своими стопами. Говорят, что он принес в жертву такое количество быков, что из их костей выросла священная олива, из ветвей которой венчали чемпионов.

Пелопс и Гипподамия: Самая драматичная легенда. Царь Писан Эномай владел колесницей, подаренной Аресом, и боялся пророчества, что зять убьет его. Он вызывал женихов дочери Гипподамии на гонки. Проигравших ждала смерть (их головы украшали ворота дворца). Юный Пелопс, внук Зевса, подкупил возничего Эномая Миртила, заменив чеку колеса воском. Колесо разрушилось, царь погиб. Пелопс женился на Гипподамии и учредил поминальные игры в честь своей победы. От его имени и происходит название полуострова — Пелопоннес («остров Пелопса»).

Перемирие (Экехерия): Самая важная легенда для истории. Царь Элиды Ифит, уставший от бесконечных войн с соседней Спартой, обратился к Дельфийскому оракулу. Пифия велела ему учредить игры в честь Зевса, во время которых все воюющие стороны должны сложить оружие. Ифит и спартанский законодатель Ликург подписали договор, текст которого был высечен на бронзовом диске. Во время Игр никто не мог войти в Элиду с оружием. Даже

если враги осаждали город, осада прекращалась. Это правило работало почти 1000 лет.

1.3. Программа античных состязаний: Жестокость и красота

В отличие от современного многообразия (32 вида спорта летом), программа античности менялась медленно, но неумолимо усложнялась:

Дромос (бег): Изначально только бег на 1 стадий (192 м). Позже добавился диаулос (туда-обратно) и долихос (от 7 до 24 стадиев — до 4.6 км). Бежали босиком по укатанному песку.

Пентатлон: Идеал атлета по мнению Аристотеля. Состоял из: стадион (бег), прыжки в длину (с гантелями-калькателями для увеличения амплитуды), диск (из камня или бронзы), копье (металлический наконечник, металлы под определенный ритм авлоса — двойной флейты), пале (борьба).

Пале (борьба): Запрещались только удары и болевые на скручивание пальцев. Побеждал тот, кто трижды коснулся земли спиной.

Пюкс (кулачный бой): Кулаки обматывались ремнями из воловьей кожи (сфайрай), позже — с металлическими шипами. Бой не имел раундов и весовых категорий. Заканчивался нокаутом или сдачей (поднятый вверх палец). Известны случаи смерти на ринге.

Панкратион: «Всемирная сила». Смесь борьбы и бокса. Разрешалось всё, кроме укусов и выдавливания глаз. Удары ногами, удушения, заломы суставов — норма. Это был вид спорта для спартанских воинов. Легендарный борец Аррихион из Фигалеи выиграл олимпийский венок, будучи уже мертвым: его соперник применил удушение, но Аррихион успел сломать тому палец на ноге. Соперник от боли сдался, а Аррихион испустил дух. Его объявили чемпионом посмертно.

1.4. Атлеты, зрители и запреты

Атлеты начинали тренироваться за 10 месяцев до Игр. За 30 дней они прибывали в Элиду для прохождения «эланодиков» (судей) — строжайшего медицинского и морального ценза. Платная подготовка была под присмотром тренеров-гимнастов.

Нагота (гимнос) имела священный смысл: атлет сбрасывал одежду как символ брэнного мира и представлял перед богами в своей божественной сути — мускулы, красота пропорций. Женщины под страхом смерти не допускались. Исключение — жрица Деметры Хамина (сидела на алтаре) и... девственницы? Нет. Единственная женщина, которая могла владеть колесницей и формально считаться победительницей (не присутствуя) — спартанская царевна Киниска, чьи лошади победили в гонках колесниц.

Награда была только символической: венок из священной оливы и пальмовая ветвь. Но на родине победителя ждало пожизненное обеспечение, место в театре,

статуя и освобождение от налогов. Смерть или изгнание ждали уличенных в подкупе — их штрафовали, а на вырученные деньги ставили статуи Зевса (Zanes) вдоль дороги на стадион.

Закат античных Игр начался с завоеванием Греции Римом. Римляне привнесли коммерцию и гладиаторские бои, что противоречило духу священного состязания. В 393 году н. э. император-христианин Феодосий I, фанатично боровшийся с язычеством, издал эдикт о запрете всех «языческих зрелищ». Храмы Олимпии были разрушены землетрясениями в VI веке и ушли под толщу речных наносов на 8 метров. Тишина длилась 1500 лет.

Часть 2. Возрождение: Воля, энтузиазм и дипломатия XIX века

2.1. Предтечи: Заппас, Суцос и доктор Брукс из Мач-Уэнлока

Идея возрождения витала в воздухе после Греческой войны за независимость (1821–1829). Поэт Панайотис Суцос в своей оде «Диалог мертвых» призвал греков вернуться к истокам. Его услышал богатый филантроп Евангелис Заппас — человек-легенда, участник освободительной борьбы, наживший состояние в Румынии.

Заппас предложил королю Оттону I проект: отреставрировать древний стадион в Афинах и провести первые соревнования. Король согласился. В 1859 году состоялись «Олимпии» — смесь сельхозярмарки, гонок и легкой атлетики. Хотя уровень был низким (бегали местные пастухи), сам факт имел значение. Заппас умер, но завещал огромное состояние на продолжение Игр. В 1870 и 1875 годах прошли еще две Олимпиады, но интерес угас из-за отсутствия международного участия.

Параллельно в Англии, в городке Мач-Уэнлок (графство Шропшир), местный врач и энтузиаст Уильям Пенни Брукс основал «Олимпийское общество Мач-Уэнлока». С 1850 года он проводил ежегодные «Олимпийские игры», включавшие крикет, бег с препятствиями и даже квиддич-подобные игры на пони. Брукс первым понял: нужны международные игры. Он писал письма в Грецию, Францию, даже приглашал атлетов из Афин. В 1860-х он засыпал предложениями британское правительство и королеву Викторию. Все игнорировали.

2.2. Пьер де Кубертен: Мечтатель и организатор

В 1889 году французский барон Пьер де Кубертен посетил выставку в США, где был впечатлен университетским спортом. Вернувшись в Париж, он понял: спорт объединяет нации лучше политики. Кубертен был аристократом, но ненавидел лень дворян. Он прочитал труды Брукса (уже умершего), посетил Мач-Уэнлок, а затем отправился в Олимпию, где увидел руины.

23 июня 1894 года в Большом амфитеатре Сорбонны собрался конгресс. Присутствовали представители 34

стран, но в основном спортивные чиновники. Кубертен предложил: «Давайте возродим Олимпийские игры, но на современной основе. В них будут участвовать профессионалы? Нет! Только любители. И пусть они сменяют друг друга каждые четыре года». Идею приняли. Создали Международный олимпийский комитет (МОК), куда вошли видные деятели: генерал Бутовский (Россия), граф де Бютелл (Греция), профессор Шиме (Венгрия).

Спор возник о месте проведения. Греки требовали: только Афины! Кубертен опасался: в Греции нет денег. Но греческий наследный принц Константин создал комитет, распродал мрамор из карьеров, получил пожертвования от диаспоры. В итоге проголосовали за Афины.

2.3. Афины-1896: Первый шаг на хрупком льду

Начало было катастрофическим. Строители опаздывали. Золотая драма испортила оргкомитет. Но 6 апреля 1896 года Панагинаикос стадион, отделанный белым мрамором (копия древнего, но с прямыми трибунами), был полон — 80 000 зрителей. Король Георг I открыл Игры. Прозвучал Олимпийский гимн (слова К. Паламаса, музыка С. Самараса) — единственный случай, когда гимн был написан для конкретной Олимпиады, но позже он стал официальным.

Участвовал 241 атлет из 14 стран (самая большая команда — Греция, 196 чел). Женщин не было, несмотря на просьбы французской бегуны. Программа: легкая атлетика, борьба, плавание (в холодном заливе Пирей — дистанции 100, 500, 1200 м), велоспорт, фехтование, гимнастика, тяжелая атлетика, стрельба, теннис.

Герои:

Джеймс Коннолли (США): выиграл тройной прыжок (13.71 м). Стал первым чемпионом за 1503 года.

Спиридон Луис (Греция): местный почтальон, выиграл марафон (40 км, от поля боя Марафона до Афин). Прибежал с окровавленными ногами. Король спустился с трибуны и аплодировал стоя. Греция ликовала.

Херман Вайнгертнер (Германия): победил в гимнастике и борьбе.

Игры спасли олимпийское движение. Кубертен писал: «Античная Греция предстала перед миром во всем своем блеске».

Часть 3. Первая половина XX века: Кризисы, войны и нацистский спектакль

3.1. Париж-1900: Хаос на Всемирной выставке

Следующие Игры чуть не убили идею. Организаторы в Париже «приклеили» Олимпиаду к Всемирной выставке, растянув соревнования на 5 месяцев (май–октябрь). Их называли «чемпионат мира по упражнениям». Атлеты не знали, что участвуют в Олимпиаде. Многие виды спорта были курьезными: подводное плавание (за глубину и время), перетягивание каната, гольф, крокет

(в котором участвовали только французы). Женщины впервые выступили в теннисе (победительница Шарлотта Купер) и гольфе.

3.2. Сент-Луис-1904 и Лондон-1908

В Сент-Луисе Игры вновь утонули в ярмарке. Многие европейцы не приехали из-за дороговизны. Зато появился «антропологический день» — расистский забег «дикарей» (пигмеев и индейцев). Игры выжили чудом.

Лондон-1908 стал поворотным: впервые построили стадион (Уайт-Сити) с беговой дорожкой (660 ярдов) и бассейном. Появилась стандартизация правил. Именно в Лондоне прозвучала фраза: «Главное — не победа, а участие» (её сказал епископ Пенсильвании Этельберт Талбот, утешая итальянца Дорандо Пьетри, которого дисквалифицировали за помощь на марафоне).

3.3. Берлин-1936: Нацистские игры

Самые политизированные Игры до начала Холодной войны. В 1931 году МОК присудил Игры Берлину, когда у власти были демократы. В 1933 году пришли нацисты. Геббельс увидел в Олимпиаде гигантскую пропагандистскую машину: «Мы должны показать миру сильную, единую Германию».

Был построен комплекс «Олимпиаштадион» на 110 000 зрителей, впервые пронесен олимпийский огонь из Олимпиады в Берлин (идея Карла Дима). Но газеты молчали о цыганах и евреях, отправленных в концлагеря. Еврейских атлетов отстранили.

На этом фоне Джесси Оуэнс, чернокожий американец, выиграл 100 м, 200 м, 4x100 м и прыжок в длину. Гитлер, публично поздравлявший немцев, демонстративно покинул стадион, когда Оуэнс получал медаль. Оуэнс сказал: «Гитлер не пожал мне руку. Но мне не нужна его рука». Этот момент стал символом крушения расовой теории на глазах у всего мира.

Часть 4. Холодная война и бойкоты: Олимпиада как поле битвы

4.1. Выход СССР: Хельсинки-1952

После Второй мировой войны СССР долго сомневался: Сталин считал спорт «буржуазным пережитком», но победы на чемпионатах Европы убеждали. В 1951 году признали МОК. В Хельсинки поехала огромная команда (295 атлетов). Америка была в шоке: русские приехали.

Советские спортсмены доминировали в борьбе, тяжелой атлетике, гимнастике. Виктор Чукарин (гимнастика, 4 золота) стал кумиром. США и СССР разделили медальный зал, но по золоту США выиграли (40 против 22). Однако советская система подготовки произвела фурор.

4.2. Мельбурн-1956, Рим-1960, Токио-1964

В Мельбурне разгорелся конфликт из-за Венгерской революции, но спортсмены соревновались. Лариса Латынина начала собирать свою коллекцию: 18 олимпийских медалей (9 золотых) — рекорд, побитый только Майклом Фелпсом в 2012 году.

В Риме-1960 появилась легендарная Вильма Рудольф (США, «черная газель»), а в Токио-1964 Валерий Попенченко (бокс, СССР) установил абсолютный рекорд по числоте ударов.

4.3. Мюнхен-1972: Трагедия

11 сентября 1972 года палестинские террористы из «Черного сентября» проникли в Олимпийскую деревню, убили двух израильских спортсменов и взяли в заложники еще 9. В ходе неудачной операции по освобождению в аэропорту Фюрстенфельдбрук погибли все заложники. Игры были остановлены на 34 часа. Президент МОК Эвери Брендедж произнес речь: «Игры должны продолжаться». Многие сочли это цинизмом. Но мемориал на стадионе в Мюнхене напоминает о той трагедии до сих пор.

4.4. Москва-1980 и Лос-Анджелес-1984: Бойкотная дуэль

Кульминация Холодной войны. В 1979 году СССР ввел войска в Афганистан. Президент США Джимми Картер объявил бойкот московской Олимпиады. К нему присоединились 60 стран (ФРГ, Япония, Канада). Тем не менее, в Москву приехали 80 стран, в том числе Великобритания и Франция (политически не поддержав бойкот).

Советская сборная установила абсолютный рекорд: 80 золотых, 69 серебряных, 46 бронзовых медалей. Советский пловец Владимир Сальников первым проплыл 1500 м быстрее 15 минут. Талисман Миша улетел под слезы 100 000 зрителей на церемонии закрытия.

Ответный бойкот 1984 года в Лос-Анджелесе был полным: СССР и большинство соцстран не поехали, сославшись на «нарушение безопасности». Это позволило США выиграть 174 медали.

Часть 5. Российский путь: От имперских офицеров до нейтрального флага

5.1. Российская империя: Первые и несчастные

1908 год, Лондон. Россия послала всего 6 спортсменов. Но какой сюрприз! Николай Панин-Коломенкин (фигурное катание) выиграл золото, исполнив уникальную композицию из сложных фигур (специальная программа, ныне отмененная). Это был первый русский олимпийский чемпион. Его личность удивительна: профессиональный стрелок, фигурист, автор учебников по фигурному катанию. Борцы Николай Орлов и Александр Петров взяли серебро.

1912 год, Стокгольм. Провал. 181 спортсмен (крупная команда), финансирование от царя Николая II. Результат: 2 серебра, 2 бронзы (16-е место). Главный позор: полуфинальный поединок борца греко-римского стиля Макса Кляйна. Схватка с финном Асикайненем длилась 11 часов (!) без перерыва. Кляйн сломал ребро, но победил. В финал он выйти не смог. Царь был в ярости. Министр спорта подал в отставку. Это поражение стимулировало развитие спорта, но было слишком поздно — началась Первая мировая война.

5.2. Советский Союз: От Хельсинки до Сеула

Советский период — это превращение в сверхдержаву. После Хельсинки-1952 последовали:

Мельбурн-1956: 37 золотых. Владимир Куц (бег на 10 000 м) уничтожил английского рекордсмена Пири, установив мировой рекорд.

Рим-1960: дебют Юрия Власова (тяжелая атлетика, штанга 537.5 кг — рекорд).

Мюнхен-1972: Валерий Борзов выиграл 100 и 200 метров у американцев, которые бойкотировали? Нет, победил в честной борьбе.

Монреаль-1976: гимнаст Николай Андрианов (7 медалей, 4 золота).

Москва-1980: абсолютный триумф. Александр Дитятин (гимнастика) завоевал 8 медалей из 8 возможных (3 золота, 4 серебра, 1 бронза) — уникальное достижение.

Сеул-1988: последняя советская Олимпиада. Владимир Артемов (гимнастика, 4 золота), Сергей Бубка (прыжки с шестом, золото). А также триумф советской сборной по футболу (золото, обыграв Бразилию).

5.3. Постсоветская Россия: 1992–2014

Барселона-1992: Объединенная команда СНГ выступает под олимпийским флагом. Российские атлеты составляют костяк. Александр Карелин берет третье золото (после 1988 и 1992). Евгений Садовый (плавание) выигрывает 200 и 400 м вольным стилем.

Атланта-1996: Россия выступает отдельно. Светлана Мастеркова выигрывает 800 и 1500 м. Александр Карелин берет четвертое золото, но проигрывает в финале Сиднея-2000 американцу Гарднеру — сенсация века.

Сидней-2000: Елена Исинбаева дебютирует (бронза, но в 2004 и 2008 возьмет золото с мировыми рекордами). Алексей Немов (гимнастика) завоевывает 6 медалей.

Сочи-2014: Зимние Игры в России. Результат — 13 золотых, 11 серебряных, 9 бронзовых (1-е место в командном зачете). Триумф фигуристов (Евгений Плющенко в командных соревнованиях), скелетонист Александр Третьяков, конькобежец Виктор Ан (6 медалей). Но уже тогда поползли слухи о допинге, которые вылились в скандал 2016 года.

5.4. Кризис 2016–2022: Нейтральный статус

Доклад Макларена (2016) и скандал с манипуляцией проб на Играх в Сочи привели к санкциям. Российские легкоатлеты не поехали в Рио-2016. В 2018 году (Пхенчхан) — нейтральный флаг. В Токио-2020 — флаг Олимпийского комитета России (ОКР) и гимн Чайковского. В Пекине-2022 — та же ситуация. Несмотря на это, российские спортсмены (гимнасты, пловцы, фехтовальщики, фигуристы) продолжали завоевывать медали, доказывая, что школа жива.

Заключение: Вечный огонь

Олимпийские игры прошли путь от жертвенного бега до глобального бизнеса с оборотом в миллиарды долларов. Они пережили расцвет и падение античности, религиозные запреты, мировые войны, терроризм и допинговые войны. Сквозь всю эту историю красной нитью проходит пример России — страны, которая пришла на Игры с опозданием, но быстро стала одной из главных героинь, пережила политическое крушение СССР, выиграла домашнюю Олимпиаду и сейчас находится в непростых условиях. Однако традиция, зажженная в Олимпии 2800 лет назад, продолжает жить. Пока есть атлеты, готовые на подвиг, и зрители, готовые аплодировать, олимпийский огонь не погаснет. В этом и заключается величие Игр — они напоминают нам о том, что человеческий дух сильнее обстоятельств.

Часть 6. Паралимпийские игры: Триумф духа над телом

6.1. Рождение идеи: Сэр Людвиг Гуттманн и пациенты Сток-Мандевилья

Если Олимпийские игры славят силу и красоту человеческого тела, то Паралимпийские игры славят нестигаемость человеческого духа. Этот мощнейший спортивный турнир, проводимый вслед за Олимпиадой на тех же объектах, имеет своего собственного «отца-основателя» — не менее великого, чем Пьер де Кубертен. Им стал сэр Людвиг Гуттманн, немецкий еврей-невролог, бежавший от нацистского режима в Англию в 1939 году.

В 1944 году британское правительство поручило Гуттманну возглавить Национальный центр спинальных травм в больнице Сток-Мандевиль (город Эйлсбери). Врач столкнулся с сотнями молодых солдат и гражданских, которые стали инвалидами-колясочниками в результате Второй мировой войны. Медицина того времени рассматривала их как «безнадежных» — обреченных на пролежни, инфекции и скорую смерть. Гуттманн, чей гений граничил с упрямством, решил: тело можно восстановить через спорт.

Он ввел обязательные упражнения, стрельбу из лука (развивает мышцы спины) и настольный теннис. Чтобы

мотивировать пациентов, 28 июля 1948 года — в день открытия Олимпийских игр в Лондоне — он организовал первые Сток-Мандевильские игры. Участвовали 16 парализованных мужчин и женщин (14 мужчин и 2 женщины), бывших военных. Единственным видом спорта была стрельба из лука. Это была даже не «Олимпиада», а реабилитационное соревнование, но идея сработала: пациенты начали жить.

В 1952 году к Играм присоединились ветераны из Нидерландов — появился международный характер. Сам Гуттманн скромно называл это «параллельными Олимпийскими играми» (от греческого *para* — «возле», «рядом»). Позже термин «паралимпийские» стали расшифровывать как «паралитические» (от *paraplegia*), но с 1980-х годов официальная трактовка — «параллельные Олимпийским».

6.2. От Рима-1960 до официального признания

Первые Игры, которые задним числом называли «I Паралимпийскими», состоялись в 1960 году в Риме, сразу после Олимпиады. Участвовали уже 400 спортсменов из 23 стран, все — с повреждениями спинного мозга (колясочники). Программа включала легкую атлетику, плавание, стрельбу из лука, настольный теннис, баскетбол на колясках и фехтование.

Литература:

1. https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%9A%D0%A0_%D0%BD%D0%B0_%D0%9E%D0%B%D0%B8%D0%BC%D0%BF%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85_%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%85
2. https://www.bbc.co.uk/china/learningenglish/takeawayenglish/tae/2008/07/printable/080703_olympic_tae_1_ancient_olympics.shtml
3. https://en.wikipedia.org/w/index.php?title=Russia_at_the_Summer_Olympics&printable=yes
4. <http://www.smsport.ru/expo/katalog/olimp/>
5. https://simple.m.wikipedia.org/w/index.php?title=Olympic_Games&diff=prev&oldid=5393849
6. <https://www.olympedia.org/countries/rus>
7. <https://tambweb.ru/tiki-index.php?page=%D0%9E%D0%9B%D0%98%D0%9C%D0%9F%D0%98%D0%99%D0%A6%D0%AB-%D0%A2%D0%90%D0%9C%D0%91%D0%9E%D0%92%D0%A7%D0%90%D0%9D%D0%95>
8. <https://english.alarabiya.net/sports/2024/05/10/road-to-the-olympic-games-a-120-year-history-of-sporting-excellence>
9. <https://worldathletics.org/news/press-releases/russias-past-and-present-heroes-moscow-2013>
10. <https://huntportal.ru/journal-online/rhm-2025-07/oruzhie-i-strelba/dinastiya-chempionov>

Переломный момент наступил в 1976 году в Торонто: впервые приняли спортсменов с ампутациями и нарушениями зрения. Игры перестали быть «только для колясочников». В 1988 году (Сеул) Паралимпиада впервые прошла на тех же объектах, что и Олимпиада — и с тех пор это правило стало обязательным. В 1992 году (Альбервилль) состоялись первые зимние Паралимпийские игры.

Официальное слияние под эгидой МОК произошло в 2001 году: подписан договор «одна заявка — одни Игры». Теперь город, претендующий на Олимпиаду, автоматически обязан подготовить инфраструктуру и для Паралимпиады.

6.3. Виды спорта и классификация: Сложность, о которой не говорят

Паралимпийский спорт — это не «облегченная версия» обычного. Это высокотехнологичные дисциплины с жесткой медицинской классификацией

Итоговый вывод: История Олимпийских игр — это зеркало истории человечества. Она отражает наши идеалы и пороки, достижения и трагедии. Российский опыт в этой истории уникален: от почти полного отсутствия в начале XX века до статуса одной из ведущих держав, а затем — через кризисы — к борьбе за возвращение доверия. Паралимпийское движение, в свою очередь, напоминает, что главная победа — это победа над собственными ограничениями.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Versus Battle: от субкультуры к индустрии развлечений

Левина Александра Александровна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Рассматривается влияние хип-хоп культуры на трансформацию современной индустрии развлечений на примере проекта Versus Battle. Исследуется эволюция хип-хопа в России — от маргинального явления 1980-х гг. до массового культурного феномена 2010-х гг., ставшего одним из факторов изменений в медианпространстве. Выявлена роль рэп-баттлов в цифровизации развлекательного контента, развитии новых форм его распространения и монетизации.

Ключевые слова: хип-хоп культура, рэп-баттлы, Versus Battle, индустрия развлечений, цифровизация медиа, монетизация контента, субкультурные практики, стриминговые сервисы, социальная медиатизация, коммерциализация культуры.

Versus Battle: from subculture to entertainment industry

The influence of hip-hop culture on the transformation of the contemporary entertainment industry is examined through the example of the Versus Battle project. The evolution of hip-hop in Russia is explored, from a marginal phenomenon of the 1980s to a mass cultural phenomenon of the 2010s that became one of the factors driving changes in the media landscape. The role of rap battles in the digitalization of entertainment content and the development of new forms of its distribution and monetization is identified.

Keywords: hip-hop culture, rap battles, Versus Battle, entertainment industry, media digitalization, content monetization, subcultural practices, streaming services, social mediatization, commercialization of culture.

Хипхоп культура представляет собой многогранное явление, оказавшее существенное влияние на современную индустрию развлечений. Превосходя рамки музыкального жанра, она сформировалась в целостную субкультурную систему, включающую специфический язык, эстетику, формы самовыражения и уникальные практики [1; 2]. Ключевым фактором в развитии этого феномена стал проект Versus Battle, который превратил рэпбаттлы из андеграундного явления в масштабное развлекательное шоу, способное конкурировать с традиционными формами телевидения и интернетконтента.

Зарождение хипхоп культуры в России относится к концу 1980х годов. В это время первые отечественные исполнители начали экспериментировать с рэпформатом. Процесс протекал в условиях культурной изоляции и отсутствия чётких образцов для подражания. Изначально хипхоп воспринимался как маргинальное явление, лишённое перспектив в российской культурной среде. Молодёжь, увлечённая новыми музыкальными формами, сталкивалась с непониманием со стороны общества и СМИ, испытывала дефицит ресурсов — от студий записи до площадок для выступлений.

В 1990е годы начался первый этап развития хипхопа в России. Появились первые рэпгруппы и исполнители, создававшие музыку под влиянием западных образцов. Этот период ознаменовался формированием уникальной российской идентичности хипхоп культуры. Американские традиции органично сочетались с отечественным контекстом. Музыканты адаптировали зарубежные ритмы и тексты к реалиям постсоветской действительности, создавая самобытный стиль [3]. Тематика песен отражала социальные проблемы, уличные реалии и поиск идентичности в меняющемся обществе.

Следующий этап (2000е годы) был связан с коммерциализацией хипхопа и его интеграцией в массовую культуру. Возникли крупные лейблы, начали проводиться фестивали и концерты, формировалась система дистрибуции контента. Хипхоп постепенно выходил из подполья, становясь частью музыкальной индустрии. Телевизионные шоу, радиоэфир и первые музыкальные чарты включили рэписполнителей, однако жанр попрежнему воспринимался многими как «несерьёзный», далёкий от традиционных культурных ценностей.

Третий этап (2010е годы) ознаменовался качественным скачком в развитии хипхоп культуры. Распространение интернетплатформ и социальных сетей — YouTube, ВКонтакте, Telegram — открыло новые горизонты для продвижения рэписполнителей. Именно в этот период появился проект Versus Battle. Его развитие соответствовало общей логике платформенных медиа, в которых распространение и популярность контента зависят от взаимодействия платформы, авторов и пользователей [6; 7].

Формат рэпбаттлов зародился в США в конце 1970х годов как способ соревнования между MC (мастерминд-исполнителями) за признание в уличной среде. Это был не просто музыкальный поединок, а сложный ритуал, объединяющий словесное фехтование, импровизацию и перформанс.

В России к ранним примерам жанра относят поединок SirJ и MC Hassan 1994 г. [4]. Изначально баттлы существовали в двух форматах: онлайнсоревнования на форумах и фристайл-баттлы с импровизацией на месте. Они собирали небольшую аудиторию энтузиастов и проходили в неформальной обстановке.

Важным этапом в развитии баттлов стало появление площадки HipHop.ru — виртуального центра хип-хоп-сообщества. Здесь публиковались тексты песен и аудиозаписи, организовывались онлайнсоревнования. На этой площадке формировались правила баттлов, развивалась культура словесного поединка, рождались будущие звёзды российского хипхопа — Loc-Dog, Stlm, Noize MC*, Oxxxymiron* [4].

Проект Versus Battle, запущенный 1 сентября 2013 года Александром «Ресторатором» Тимарцевым в Санкт-Петербурге в баре «1703» на Лиговском проспекте, стал заметным этапом в развитии интернеткультуры России [4]. Это интернетшоу, в котором исполнители рэпа и хипхопа соревнуются в живых словесных выступлениях, не только популяризировало рэп-баттлы, но и трансформировало многие аспекты цифровой среды.

Запуск Versus Battle ознаменовал взлёт офлайн-баттлов — очных встреч двух рэперов, которые без музыки зачитывают заранее подготовленные рифмованные строки. Проект превратил баттлы из андеграундного явления в массовое развлечение, наблюдаемое миллионами. По сведениям, приведённым журналом «Эксперт» в 2018 г., за баттлами следили 92,3 % опрошенных молодых людей в возрасте от 14 до 25 лет, а среднее количество просмотров популярных рэп-баттлов на YouTube оценивалось в 17,6 млн [4]. Эти показатели следует рассматривать как оценочные: в публикации не раскрыта методика опроса, а число просмотров не тождественно числу уникальных зрителей. Ключевым фактором успеха стала трансляция офлайнпоединков на YouTube. Баттлы приобрели характер спортивного состязания с чёткими правилами: три раунда, заученные оскорбления, решение судей — обычно от трёх до пяти человек. Это создало новый формат кон-

тента, сочетающий элементы шоу, поэзии и социального комментария.

С появлением баттл-площадок, включая Versus, существенно изменилась и техника читки. Она стала значительно разнообразнее: появились новые приёмы — флоу, бэд-барс, грайм, флип. Тексты начали сочиняться и репетироваться заранее, усложнилась рифмовка. Особую роль сыграла популяризация литературных отсылок. Например, Oxxxymiron* в баттле с Johnyboy продемонстрировал особый слог и использование литературных аллюзий, что впоследствии стало устойчивым трендом среди других баттлрэперов.

Важным фактором роста популярности баттлов стало пересечение аудиторий рэпбаттлов и видеоблогеров. Участие известных видеоблогеров, например, Юрия Хованского и Дмитрия Ларина в баттле марта 2016 года, привело к рекордным просмотрам — более 2,5 млн за первые сутки [4]. Это закрепило формат баттлов как эффективный способ увеличения аудитории для разных медийных личностей. Мода на «вызовы на Versus» распространилась среди знаменитостей, не связанных с рэпкультурой. Так, рэперы Децл и Серёга вызывали на баттл Басту, Сява — Big Russian Boss, а рок-музыкант Сергей Шнуров — телеведущего Владимира Познера.

Versus не остановился на классическом формате офлайн-баттлов без музыки. В декабре 2016 года стартовал новый формат поединков — Versus BPM, где участники выступали на музыкальных битках. Кроме того, была создана лига для новичков Versus: Fresh Blood — турнир с турнирной сеткой и финалом, победитель которого получал 200 тысяч рублей и возможность сразиться с именитыми соперниками [4].

Баттлы стали важным инструментом для продвижения артистов. Многие рэперы получили известность благодаря участию в Versus. Например, Rickey F после участия в Fresh Blood собрал концертную аудиторию примерно в тысячу человек в Москве [4]. В то же время баттлы могли оказывать и негативное влияние на карьеру: после участия в баттле на Versus карьера Johnyboy, по оценке обозревателя журнала «Эксперт», заметно замедлилась почти на три года [4].

Versus Battle стал площадкой для обсуждения острых социальных тем, политики, культуры и даже религии. Баттлы часто выходили за рамки музыкальной критики, превращаясь в культурные события национального масштаба. Так, баттл Oxxxymiron* против Johnyboy в апреле 2015 года набрал около миллиона просмотров за сутки [4]. Поединок Oxxxymiron* против Славы КПСС в августе 2017 года получил широкий медиарезонанс; по данным РБК, за первые 12 часов его запись набрала более 4 млн просмотров [5]. Ещё одним резонансным событием стал баттл Гуфа и Птахи в феврале 2018 года, который привлёк внимание широкой аудитории благодаря медийной составляющей и истории отношений соперников.

¹ * Иван Алексеев (Noize MC) и Мирон Федоров (Oxxxymiron) включены Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных агентов [9].

Вместе с ростом популярности проект столкнулся и с критикой. В 2019 году в СМИ появились обзоры, где Versus Battle называли воплощением негативных тенденций современного шоу-бизнеса. В частности, его критиковали за популяризацию нецензурной лексики и аморального поведения среди молодёжи, за акцент на оскорблениях и личных выпадах. На сайте Pandoraopen.ru подчёркивалось, что проект формирует мировоззрение молодёжи через использование ненормативной лексики и обсуждение табуированных тем.

Влияние Versus Battle вышло далеко за пределы музыкальной культуры. Он оказал воздействие на смежные сферы: телевидение, моду, маркетинг и образование. Рэп-соревнования существовали и на федеральном телевидении: например, программа «Битва за респект» выходила на «МузТВ» ещё до запуска Versus. Поэтому эти проекты корректнее рассматривать как разные этапы адаптации баттлового формата к массовым медиа, а не как прямую причинно-следственную связь. В моде произошла популяризация уличной эстетики и стиля streetwear. В маркетинге элементы баттлов стали активно использовать в рекламных кампаниях для привлечения молодой аудитории. В сфере образования возникли курсы по рэпу, сценической речи и импровизации, основанные на технике баттлов.

Трансформация формата под влиянием Versus Battle привела к созданию инновационной модели развлекательного контента. Проект внедрил профессиональное производство видео, развитие стриминг-платформ, создание уникальной визуальной эстетики — сочетания урбанистических мотивов и элементов шоу-бизнеса, а также эффективную систему продвижения через социальные сети: тизеры, закулисные ролики, интервью с участниками.

Медиатизация культуры породила новые форматы взаимодействия с аудиторией: прямые трансляции с возможностью комментирования, закулисные съёмки, дополнительные материалы — анализы текстов, обзоры поединков, рейтинги участников, — вовлечение зрителей через голосования, опросы и конкурсы.

Экономическая модель проекта демонстрирует один из вариантов монетизации интернет-развлечений. Подобные модели объединяют платформенное распространение, рекламные интеграции, спонсорство и превращение внимания аудитории в коммерческий ресурс [8]. Монетизация достигалась за счёт рекламных контрактов с крупными брендами — телекоммуникационными компаниями, производителями одежды, — спонсорских пакетов разных уровней, позволяющих компаниям ассоциировать свой бренд с молодёжной культурой, прямых трансляций с платной подпиской, дающих доступ к эксклюзивному контенту, продажи мерчендайзинга — мерч с логотипами проекта, одежда, аксессуары, — и партнёрских программ со стриминговыми сервисами и музыкальными платформами.

Сотрудничество с технологическими компаниями, брендами одежды и обуви, развлекательными сервисами, производителями продуктов питания и автомобильными компаниями создало синергию между хипхоп культурой и бизнесом, доказав коммерческую жизнеспособность низового контента.

Анализ влияния хипхоп культуры на индустрию развлечений через призму проекта Versus Battle показывает, что хипхоп стал неотъемлемой частью медиaproстранства, трансформируя форматы контента и способы взаимодействия с аудиторией. Versus Battle создал новую модель производства и монетизации развлекательного контента, объединяющую элементы шоу-бизнеса, спорта и цифровых технологий. Рэп-баттлы прошли путь от андеграундного явления до массового формата, способного конкурировать с традиционными телешоу. Проект стал одним из заметных примеров цифровой трансформации развлекательного контента, продемонстрировав возможности видеоплатформ, социальных медиа и интерактивного взаимодействия с аудиторией. Хипхоп культура продолжает быть драйвером инноваций, открывая новые возможности для творчества, бизнеса и социализации.

Литература:

1. Chang J. Can't Stop Won't Stop: A History of the Hip-Hop Generation. — New York: St. Martin's Press, 2005. — 560 p.
2. Krims A. Rap Music and the Poetics of Identity. — Cambridge: Cambridge University Press, 2000. — 217 p.
3. Androutsopoulos J., Scholz A. Spaghetti Funk: Appropriations of Hip-Hop Culture and Rap Music in Europe // Popular Music and Society. — 2003. — Vol. 26, no. 4. — P. 463–479. — DOI: 10.1080/0300776032000144922.
4. Тихонов С. Баттл-революция молодежного сознания, или Что на самом деле смотрят ваши дети // Эксперт. — 2018. — № 6 (1062). — С. 48–57. — URL: <https://monocle.ru/expert/2018/06/battl-revoljutsiya-molodezhnogo-soznaniya/> (дата обращения: 20.09.2026).
5. Баттл Oxxxymiron* против Гнойного за 12 часов посмотрели более 4 млн раз // РБК. — 2017. — 14 августа. — URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/599168fc9a79478d12001df4> (дата обращения: 20.09.2026).
6. Van Dijck J., Poell T. Understanding Social Media Logic // Media and Communication. — 2013. — Vol. 1, no. 1. — P. 2–14. — DOI: 10.17645/mac.v1i1.70.
7. Burgess J., Green J. YouTube: Online Video and Participatory Culture. — 2nd ed. — Cambridge: Polity Press, 2018. — 180 p.
8. Cunningham S., Craig D. Social Media Entertainment: The New Intersection of Hollywood and Silicon Valley. — New York: New York University Press, 2019. — 368 p.
9. Реестр иностранных агентов // Министерство юстиции Российской Федерации. — URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov/>.

Социальное партнёрство учреждений культуры и учреждений образования как инструмент реализации культурно-просветительских проектов для молодёжи

Хомко Сергей Владимирович, студент магистратуры
Московский государственный институт культуры (г. Химки)

Статья посвящена анализу понятия «социальное партнёрство» и теме социального партнёрства учреждений культуры и учреждений образования в реализации культурно-просветительских проектов для молодёжи.

Ключевые слова: социальное партнёрство, культурно-просветительский проект.

Социальное партнерство является важным существенным элементом общественной системы, необходимым для развития духовно устойчивого, демократического и правового государства. В целом история современности представляет собой постепенное становление и поэтапное воплощение проекта модернизационного сотрудничества, который получил название «социального партнерства». Но этот проект не является унифицированным и однотипным, универсально-пригодным для любой сферы деятельности, страны или нации. В каждом государстве система социального партнерства характеризуется особой духовной, ценностной и культурно-традиционной спецификой. В последние годы изучением социального партнерства активно занимаются как отечественные ученые, так и зарубежные, хотя традиции изучения партнерских отношений, согласия и соглашения в обществе существуют с античных времен.

Экскурс в историю вопроса показывает, что понятие «социальное партнерство» появилось в самом начале XX века. Возникновение такой теории было продиктовано обострением противоречий между трудом и капиталом. Создатели концепции «социального партнерства» опирались на этику Фейербаха Л., на концепцию «гармонизации отношений» А. Блана и П. Прудона, идеи Ф. Лассалья и таких теоретиков социально-демократического пути развития, как Э. Бернштейн, Р. Михельс и др.. Однако проблема социального партнерства долгое время не привлекала к себе большого внимания, так как она больше существовала на теоретическом, чем на практическом уровне. Не секрет, что в СССР категория социального партнерства не являлась предметом научного анализа, поскольку шла вразрез с официальной идеологической доктриной. Социальное партнерство отрицалось (Михеев В. А., 2003) характеризуясь как явление капиталистического типа общественных, социально-трудовых отношений. Под воздействием трансформационных процессов происходили перемены в отношениях между классами, в организации труда и производства. Изменилось в целом социальное пространство, изменилась и сама система отношений.

Рассматривая различные исследовательские работы различных авторов, которые раскрывают сущность социального партнерства, можно выделить следующие теоретические подходы к анализу этого понятия:

1. Философский. В настоящее время *социальное партнерство*, перешагнув рамки трудовой сферы, уверенно

встраивается во взаимодействие с самыми разными социальными субъектами, группами, общностями. Философский подход рассматривает социальное партнерство через призму соотношения общественного и государственного в различных категориях: «прогресс», «общественные отношения», «солидарность», «объективные потребности» и пр. С этой точки зрения социальное партнерство — «специфический тип общественных отношений между социальными группами, слоями, классами, общностями». Это процесс создания единого социокультурного пространства, в котором обитают разные субъекты, согласные, невзирая на различие интересов, соблюдать общие «правила игры», «партнерские нормы» (Энциклопедия менеджмента, 2005).

2. Социологический. Этот подход заключается в анализе, в первую очередь, социально-структурных компонентов, функциональных и социокультурных особенностей рассматриваемого феномена. Одной из социологических дефиниций социального партнерства можно считать определение, данное В. А. Михеевым: «*социальное партнерство* — это система отношений его основных субъектов и институтов по поводу положения, условий, содержания и форм деятельности различных социально-профессиональных групп, общностей, слоев» (Михеев 2001: 24). Авторы другой работы — «Социальное партнерство. Заметки о формировании гражданского общества в России» — интерпретируют *социальное партнерство* как «социальное действие, основанное на чувстве человеческой солидарности и разделяемой ответственности за проблему» (Либоракина, Флямер, Якимец 1996: 14).

3. Психологический. Для нас важно, что в основе развития представлений о *социальном партнерстве* лежат психологические по сути идеи взаимности, согласия, солидарности, справедливости. Индивид как субъект «всегда неразрывно связан с другими людьми и вместе с тем автономен, независим, относительно обособлен» [Брушлинский, 2003, с. 32]. В социальном партнерстве человек не просто может проявить себя в заданных условиях сотрудничества с другими людьми, но сам может и должен активно формировать контекст совместности. Это касается выбора конкретного партнера, определения формата общения, формирования общности норм и ценностей взаимодействия, конкретизации вклада каждого из партнеров в успех взаимодействия. Важное значение приобретают особые взаимоотношения между людьми, позволяющие каждому партнеру реализовать свой потенциал.

4. Технологический. С точки зрения технологического подхода *социальное партнерство* В. В. Ситникова рассматривает как «технология, направленная на защиту интересов человека, реализацию его основных потребностей и мотивирующая его в конкретной ситуации» как некое социальное поле для взаимодействия индивидуальных партнеров с государством. Таким образом, в научной литературе социальное партнерство рассматривается с точки зрения различных подходов: одни понимают это явление как специфический тип общественных отношений между социальными группами, слоями, классами, другие — как механизм взаимоотношения между государством, представителями работников и работодателями, а также как особый тип отношений — социально-трудовых, характерной для рыночной экономике. Одна из целей социального партнерства — содействовать разрешению возникающих экономических и социальных проблем, а также укреплению демократии и достижению согласия между участниками партнерства.

5. Педагогический. Результативность совместной деятельности всех участников образовательного процесса и сетевого взаимодействия с социальными партнерами следует искать в упорядочении сопровождения личностного развития детей со стороны взрослых специалистов, в совершенствовании межпоколенческих отношений, в пробуждении (оживлении) нравственных усилий личности, в активизации социально-педагогических ресурсов социокультурного пространства как города, так и села по созданию воспитывающей среды Детства. Новую функцию социального воспитания можно проследить в формировании «нравственной необходимости», а именно педагоги сотрудничества детей и взрослых в определенном социуме, которую можно рассматривать как *социальное партнерство*, как всестороннюю воспитательную помощь общества гражданам в обретении ими духовной жизнестойкости в трансформирующихся социально-экономических условиях.

Проанализировав всё вышеизложенное, можно дать следующее определение **социального партнёрства**: эффективное, прошедшее более чем вековую эволюцию взаимодействие субъектов общества (человек, группа, сообщество, организации учреждения различных видов собственности и т. п.) с целью достижения максимального прогресса в решении тех или иных социальных задач, решаемых участниками социального партнёрства.

В этой статье автор рассмотрит частный случай социального партнёрства отталкиваясь от **педагогического** аспекта этого понятия, а именно: социальное партнёрство учреждений культуры и учреждений образования как инструмент реализации культурно-просветительских проектов для молодёжи.

Наиболее общие вопросы социального партнёрства учреждений культуры в вопросах воспитания и образования представлены в концепциях Е. Л. Кудриной, А. Ю. Ховрина, К. А. Чугаева, И. И. Коленкова и др.; значительный интерес социально-культурной деятельности посредством культурно-просветительских проектов для молодёжи представляют работы Н. Н. Ярошенко, А. Д. Жаркова, Т. Г. Киселевой, Ю. Д. Красильникова, Н. Л. Савельевой, Е. Н. Яковлевой и др.

Научная новизна социального партнерства учреждений культуры и образовательных организаций автору этой статьи представляется в интеграции подходов и методов двух сфер, направленных на достижение общих целей развития личности и общества. Рассмотрим подробнее этот аспект.

Основные элементы научной новизны.

1. Интеграция культурных и образовательных практик

Социальное партнерство позволяет объединить культурные мероприятия и образовательные программы, создавая синергический эффект. Это будет способствовать формированию новых методологических подходов в образовании, обогащенных элементами искусства и культурного наследия.

2. Развитие междисциплинарных исследований

Социальное партнерство стимулирует проведение научных исследований, объединяющих педагогику, социологию, искусствоведение и культурологию. Такие исследования будут способствовать выявлению эффективных моделей взаимодействия и созданию инновационных образовательных технологий.

3. Создание условий для личностного роста учащихся

Благодаря социальному партнёрству учащиеся образовательных учреждений активно вовлекаются в культурную жизнь, начинают или продолжают развивать собственные творческие способности, критическое мышление и эмоциональный интеллект. Эффект — формирование нового взгляда на процесс воспитания и социализации молодёжи.

4. Формирование гражданской ответственности и социальной активности

Совместные проекты помогают формировать активную жизненную позицию среди молодых людей, воспитывая чувство принадлежности к культуре своего народа и готовность участвовать в общественных инициативах.

Таким образом, социальное партнерство учреждений культуры и учреждений образования становится инновационным инструментом модернизации системы образования, обеспечивая комплексное развитие личности и общества в целом.

Литература:

1. Либоракина, М. И. Социальное партнерство. Заметки о формировании гражданского общества в России / Марина Либоракина, Михаил Флямер, Владимир Якимец. — М.: Шк. культур. политики, 1996. — 115 с. ил.

2. Михеев, В. А. Социальное партнёрство: теория, политика, практика: учебник для высшей школы / В. А. Михеев, А. В. Михеев; Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. — Москва: ЗАО «КноРус», 2003. — 549 с.
3. Ховрин, А. Ю. Социальное партнерство в сфере реализации молодежной политики: диссертация ... доктора социологических наук: 22.00.08 / Ховрин Андрей Юрьевич; [Место защиты: Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского]. — Москва, 2010. — 357 с. 4. Киселева, Т. Г. Социально-культурная деятельность: учебник / Т. Г. Киселева, Ю. Д. Красильников. — Москва: МГУКИ, 2004. — 539 с.
4. Ярошенко, Н. Н. История и методология теории социально-культурной деятельности: учебник / Н. Н. Ярошенко. — Москва: МГУКИ, 2013. — 456 с.

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА

Функционирование «армянского текста» в лирическом цикле О. Э. Мандельштама «Армения»

Маркосян Шушаник Серобовна, студент магистратуры
Самарский государственный социально-педагогический университет

В статье автор исследует функционирование «армянского текста» в лирике О. Мандельштама. Армения в тексте — это особое пространство, обладающее набором характерных признаков, культурных знаков.

«Армянский текст» относится к «сверхтекстовым единствам». В современной научной парадигме наиболее разработаны сверхтексты топологической структуры, основанные на культурно-историческом локусе: «петербургский», «московский», «пермский», «крымский», локальные и провинциальные тексты.

Под сверхтекстом понимается «совокупность высказываний или текстов, объединенных содержательно и ситуативно, ограниченная темпорально и локально, характеризующаяся цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресанта и адресата (...)» [4, с. 216]. Н. Е. Меднис показывает, как сверхтекст не только отмечает высшие точки литературы, культуры, но и формирует вокруг них широкое смысловое поле, обеспечивающее явлениям полноту жизни в веках» [8, с.23]. Таким образом, у сверхтекстового образования есть ограниченность во времени, пространстве, определены коммуникативные объекты: автор и адресат. «Сверхтекст» — это совокупность высказываний или текстов, объединенных содержательно, тематически, темпорально (временем) и локально (местом). Соединение единиц в поле армянского сверхтекста обеспечивается цельностью внетекстового культурного знака — образа Армении.

Актуальность поставленной научной проблемы определяется тем, что выделение и описание «армянского текста» поможет расширить диапазон изучения Армении в целом и «армянского текста» в русской художественной литературе в частности.

Материал исследования: лирический цикл О. Мандельштама «Армения» (1930) («Ты розу Гафиза колышешь», «Ты красок себе пожелала», «Ах, ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло», «Закутав рот, как влажную розу», «Руку платком обмотай и в венценосный шиповник», «Орущих камней государство», «Не развалины — нет, — но порубка могучего циркульного леса», «Холодно розе в снегу», «О порфирные цокая граниты», «Какая роскошь

в нищенском селенье», «Я тебя никогда не увижу», «Лазурь да глина, глина да лазурь»); примыкающие к циклу, но не вошедшие в него, стихотворения («Как люб мне натугой живущий...», «Колочая речь араратской долины...», «Дикая кошка — армянская речь...», «И по-звериному воет людье...», «Фаэтонщик», «В год тридцать первый...»). В качестве дополнительного материала для изучения историко-литературного и биографического контекста рассматриваются путевые заметки «Путешествие в Армению».

Цель исследования: выявить особенности функционирования «армянского текста» в творчестве О. Мандельштама (на материале лирического цикла «Армения»).

«Армянский текст» выделяется в качестве сверхтекстового единства в лирике О. Мандельштама в работах таких исследователей, как: Г. И. Кубатьян [3], Ю. Левин [5], П. М. Нерлер [9], Л. В. Павлова [10], И. В. Романова [10], А. А. Голубева [2], Э. Шарфанская [11]. Председатель Мандельштамовского общества П. М. Нерлер в работе «Путешествие в Армению» и путешествие в Армению Осипа Мандельштама: попытка реконструкции» [9] на основе историко-литературных материалов (записные книжки, проза поэта) пытается реконструировать путешествие в другую страну как биографическое событие. Огромную роль в изучении образа Армении в русской поэзии сыграл М. Д. Амирханян [1].

Поездка в Армению с мая по сентябрь 1930 года явилась важным этапом в жизни и творчестве О. Э. Мандельштама. Друзья Мандельштама говорили о том, что Армения стала для него вторым дыханием в творчестве. Н. Я. Мандельштам считала, что «путешествие в Армению — не туристская прихоть, не случайность, а, может быть, одна из самых глубоких струй мандельштамовского историко-философского сознания. Мандельштам будто бы вернулся в родное лоно — туда, где все началось, к отцам, к истокам, к источнику» [6, с. 431]. За восемь месяцев были на-

писаны цикл стихотворений «Армения» и путевые очерки «Путешествие в Армению».

В качестве доминант «армянского текста», проявляющихся в этих произведениях, можно выделить: рельеф и ландшафт страны Армении (Арабат, горы, камни, озеро Севан); культурные свидетельства и артефакты (алфавит); дары природы (гранат, виноград); культурно-исторические топонимы (в Эчмиадзине хранилище древних армянских рукописей — Матенадаран; Ереван, Шуша); история (древнее царство Урарту, трагические страницы в истории армянского народа); армянская мифология (Арабат, Севан); цвета (сурик, охра).

«Армянский текст» реализуется в двенадцати стихотворениях лирического цикла «Армения» с помощью сквозных образов и мотивов. От стихотворения к стихотворению раскрывается главная идея цикла — творческое прозрение.

Уникальность «Армении» в том, что циклообразующим становится переплетение эпического (портрет страны, её история, судьба, люди, язык; противоборство христианской культуры и восточного деспотизма) и лирического (осознание своего места в мире, оценка собственной жизни) начал.

Центральным для «армянского текста» становится образ священной горы Арабат, который появляется в стихотворениях: «Холодно розе в снегу...», «Я тебя никогда не увижу...», «Лазурь да глина, глина да лазурь...».

Первотекстом, в котором упоминается Арабат, является Библия. Именно с этим местом связывается рай земной и возобновление жизни после потопа. Мотив прощания с Арменией в стихотворении «Я тебя никогда не увижу...» тесно переплетается с описанием священной горы Арабат. Арабат описывается как носитель исторической памяти, вызывающий чувство сострадания к народу. Упоминание в связи с Арабатом Ноева Ковчега имеет общехристианское и общекультурное значение. В цикле присутствует мотив скорби от трагической утраты Арменией и христианским миром Арабата.

Мандельштам говорил о том, что выработал в себе шестое «араратское» чувство: «Я в себе выработал шестое — «араратское» чувство: чувство притяжения горой. Теперь, куда бы меня ни занесло, оно уже умогательное и останется» [7, с. 335]. Это «чувство притяжения горой» было связано не просто с восприятием пространства, где доминантой была гора, но носило духовный, религиозный характер.

Ключевой образ «армянского цикла» — земля-книга. В этом цикле у О. Э. Мандельштама обретает свой голос все, что обычно считается немим: камни, глина, кирпичи, земля («оружий камней государство», «хриплые горы», «звонкие глины»). Глина является материалом, который был одним из первых носителей информации. С помощью нее осуществляется важнейшая связь авторов гонимых с современностью. Но поэт предлагает услышать глиняные книги, то есть услышать слова на древнеармянском языке.

Мандельштам называл Армению святой, книжной землей, колыбелью мировых языков. В «Путешествии в Армению» поэт передает свои впечатления от вос-

приятия фонетики армянского языка. Армянская речь — речь «голодающих кирпичей». Поэт пытается разгадать, откуда в нем любовь к языку, неизнашиваемому, «как каменные сапоги». Армянская речь воспринимается Мандельштамом двояко: он подчеркивает ее силу, грубость, мучительность и в то же время восхищается ее дикостью, естественностью, первородностью.

Метафорический образ быка, «шестикрылого быка» Армении открывает поэту зрение и слух, и возвращает поэту голос, как «шестикрылый серафим» А. С. Пушкина. Армения знаменует для Мандельштама прозрение, он испытывает синестезию, соединение звука и цвета, благодаря чему вновь обретает свой поэтический дар.

Трансформация шестикрылого серафима в шестикрылого быка у Мандельштама очевидна. Плод труда шестикрылого быка — «бычачьи церкви». Именно тяжелый, мужицкий труд Армении Мандельштам связывает с поэтическим трудом. Тема поэзии у Мандельштама соотносится с образом трудового быка, вола. Поэзия и красота рождаются из напряженного труда — вплоть до вздутых набухших вен.

Сквозным в цикле является образ розы, начиная с прекрасной «розы Гафиза» из первого стихотворения, отсылающего к Персии, до розы как символа страдания («Закутав рот, как влажную розу, / Держа в руках осьмимигрантные соты, / Все утро дней на окраине мира / Ты простояла, глотая слезы»), напоминающего об исторических страданиях Армении. И наконец, до сложного образа дикой розы в пятом стихотворении цикла. Рука, погруженная в «самую гущу» терний, срывающая розу «без ножниц», напоминает о боли и крови, с которыми связано творчество, творческие муки, а также о страданиях Христа, о крови, пролитой на кресте.

В четвертом и шестом стихотворениях цикла «Закутав рот, как влажную розу...» и «Оружий камней государство» содержатся указания на трагические страницы истории армянского народа и страны, которая была оплотом христианства на Востоке. Четвертое стихотворение можно считать кульминационным.

«Закутав рот, как влажную розу,
Держа в руках осьмимигрантные соты,
Все утро дней на окраине мира
Ты простояла, глотая слезы.
И отвернулась со стыдом и скорбью
От городов бородатых востока;
И вот лежишь на москательном ложе
И с тебя снимают посмертную маску» [7, с. 18].

Стихотворение пронизано печалью, скорбью за страну и пострадавший народ («ты простояла, глотая слезы», «с тебя снимают посмертную маску»). В тексте угадываются исторические события, происходившие в период с весны 1915 года по осень 1916 года. Это физическое уничтожение христианского армянского населения Османской империи.

Таким образом, в лирическом цикле «Армения» и в очерке «Путешествие в Армению» О. Э. Мандельштам разрабатывает ключевые темы и мотивы, характерные

для «армянского текста»: преемственности поколений; Армения как колыбель культуры; быт / бытие; рождения / перерождения, смерти, странничества, творчества. Обра-

щение к «армянскому тексту» позволило раскрыть идею, тематическое единство, охарактеризовать лирического героя цикла О.Мандельштама «Армения».

Литература:

1. Амирханян М. Д. Армения в зеркале русской поэзии / М. Д. Амирханян; под редакцией И. В. Романовой; Ереванский государственный университет имени В. Я. Брюсова; Центр русского языка и культуры. — Ереван: Копи Принт, 2021. — 554 с.; Амирханян, Михаил Давидович. Россия и Армения: очерки русско-армянских литературных отношений / М. Д. Амирханян. Ч. 1. — Ереван: Асогик, 2003-, 2003. — 298 с.
2. Голубева А. А., Судаков, Г. В. Речевые образы языков мира в поэзии О.Мандельштама // Вестник вологодского государственного университета. — 2020. — № 3 (18). — С. 77–84.
3. Кубатьян Г. И. От слова до слова. Комментарий к циклу О. Мандельштама «Армения» / Г. И. Кубатьян // Вопросы литературы. — 2005. — № 5 (сентябрь — октябрь). — С. 146–182.
4. Купина Н. А. Сверхтекст и его разновидности / Н. А. Купина, Г. В. Битенская // Человек — Текст — Культура: коллективная монография / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. — Екатеринбург: ИРРО, 2004. — С. 215–222.
5. Левин Ю. И. Заметки о поэзии О. Мандельштама 30-х годов. II / Ю. И. Левин // Slavica Hierosolymitana. — 1979. — Vol. 4. — P. 185–213.
6. Мандельштам Н. Я. Воспоминания. — Paris, 1982.
7. Мандельштам О. Э. Стихотворения, проза, записные книжки / Осип Мандельштам. Вступ. статья, сост., коммент. Н. А. Гончар-Ханджян. — Ер.: Хорурд. грох, 1989. — 384 с.
8. Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе / Н. Е. Меднис. — Новосибирск: НГПУ, 2003.– 170 с. С. 23.
9. Нерлер П. «Путешествие в Армению» и путешествие в Армению Осипа Мандельштама: попытка реконструкции // Знамя. — 2015. — № 11. — С. 123–151.
10. Павлова Л. В., Романова И. В. «Армянский тест» русской поэзии // Новый филологический вестник. — 2020. — № 4 (55). — С. 212–225.
11. Шафранская Э. Арарат — главный паттерн армянского текста в русской поэзии // Вестник славянских культур. — 2023. — Т. 69. С. 176–188.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 39 (642) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 07.10.2026. Дата выхода в свет: 14.10.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.